

Институт археологии Российской академии наук
Рязанский историко-архитектурный музей заповедник

**МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ
ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО**

Вып. 1

Рязань 2011

ББК 63.4 (2 РОС – 4 Ряз)
М 34

*Издание подготовлено при поддержке Российского гуманитарного
научного фонда, проект 10-01-54501а/Ц
Сборник утверждён на заседании Учёного совета Учреждения
Российской академии наук Института археологии РАН 10 июня 2010 г.*

Ответственный редактор и составитель д. и. н. В.И. Завьялов

Рецензенты:

профессор, доктор исторических наук А.В. Чернецов,
доктор исторических наук Т.Д. Панова

М 34 Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып.

1. Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2011. – 248 с.: ил.

Первый выпуск «Материалов по археологии Переяславля Рязанского» открывает издание серии сборников статей, посвящённых введению в научный оборот археологических данных по одному из наиболее значимых памятников Центральной России. В сборнике публикуются материалы раскопок в Кремле и Рыбацкой слободе Переяславля Рязанского. Рассмотрены нумизматические материалы, приведено описание позднесредневекового керамического комплекса, находок из кожи и кости. Публикуемые данные палинологического анализа позволяют охарактеризовать климатическую ситуацию в районе средней Оки в конце XVI–первой половине XVII в.

Для археологов, историков, краеведов.

ББК 63.4 (2 РОС – 4 Ряз)

ISBN 978-5-902096-27-6

© ФГУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник», 2011
© Авторы, 2011

ОТ РЕДАКТОРА

Несмотря на несомненную значимость Переяславля Рязанского в истории России, и с исторической, и с археологической точек зрения город исследован ещё далеко не в полной мере. Хотя археологические исследования Кремля Переяславля Рязанского насчитывают уже более ста лет¹, приходится констатировать, что культурный слой памятника остаётся слабо изученным. Не проведено исследование исторической топографии и планировки города с учётом мощности культурных на-пластований, не выявлено первоначальное ядро поселения, дискуссионным остаётся вопрос о времени возникновения города в месте впадения Лыбеди в Трубеж. Слабо документирован археологическими находками один из периодов расцвета Переяславля Рязанского, приходящийся на XVII век.

В последние годы археологическое изучение Переяславля Рязанского заметно активизировалось. Это касается как фундаментальных исследований, проводимых в Кремле, так и охранных работ на территории всего города. Полученные материалы позволяют по-новому взглянуть на многие вопросы истории города. Для того чтобы эти материалы сделались полноценным историческим источником, необходимо скорейшее введение их в научный оборот.

В 2004 г. в Кремле г. Рязани по инициативе директора Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника Людмилы Дмитриевны Максимовой начала работу Переяславль-Рязанская археологическая экспедиция. Главной задачей археологических работ стало проведение широкомасштабных фундаментальных исследований культурного слоя Кремля Переяславля Рязанского широкой площадью с использованием всех существующих методов изучения археологического материала (таких, например, как палеозоология и палеоботаника, дендрохронология, химический анализ цветного металла и стекла, металлографический анализ изделий из чёрного металла, статистико-технологический анализ керамики и т. д.).

За шесть сезонов было вскрыто более трёх с половиной метров культурного слоя, обнаружено полторы тысячи индивидуальных находок, десятки тысяч фрагментов керамики, костей, кожи. На площади Житного раскопа исследовано 15 жилых и хозяйственных построек, мостовые, усадьбы. Предварительные результаты исследований нашли отражение в печати. Итоги работ экспедиции демонстрировались в 2007–2008 гг. в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике

¹ Подробную историографию археологических исследований Переяславля Рязанского см. в статье В.В. Судакова в настоящем сборнике.

на выставке «По улице мостовой». Ежегодно во время праздника «Летний день в Кремле» все желающие могут познакомиться с работой археологов.

Проделанная работа подвела нас к необходимости промежуточного осмыслиения полученных материалов и их публикации в едином издании. В предлагаемом сборнике представлены результаты археологических раскопок, типолого-морфологический анализ находок², данные аналитического исследования археологических артефактов.

Поскольку в ходе археологических исследований Житного раскопа пока вскрыты только верхние напластования XVI–XVII вв., основная часть публикаций посвящена материалам позднего средневековья.

Результаты исследования керамического комплекса Переяславля Рязанского по данным из раскопок в Кремле и на посаде приведены в работе В.Ю. Коваля. В статьях Т.Н. Козловой и О.А. Фатюниной рассмотрены позднесредневековые находки из кости и кожи, проведён их морфологический и типологический анализ. Нумизматический материал XIV–XVIII вв. рассмотрен А.А. Гомзиным.

Климатические условия эпохи позднего средневековья нашла отражение в работе М.Д. Кочановой, А.С. Алёшинской и Е.А. Спиридовоной. На основании результатов палинологического анализа авторы приходят к выводу об изменениях климата, связанных с фазой малого ледникового периода.

Дендрохронологический анализ, проведённый А.А. Карпухиным, позволил получить первые абсолютные датировки построек на территории региона.

Л.Н. Соловьёвой подробно рассмотрены породы древесины, использовавшиеся в Переяславле Рязанском в XVI–XVII вв.

Археологические исследования посада (на территории Рыбацкой слободы) отражены в работе В.М. Буланкина и В.Ю. Киселёва.

Настоящим изданием Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник открывает серию сборников по археологии Переяславля Рязанского. Основная задача этих сборников – периодическое введение в научный оборот археологических данных по одному из значительных памятников Центральной России. Предполагается публикация как материалов по итогам раскопок, так и результатов типолого-морфологических и аналитических исследований археологических артефактов, обзорных работ и обобщающих статей. Надеюсь, что сборник представит несомненный интерес для археологов, историков, краеведов.

² Во всех статьях, связанных с материалами Житного раскопа, для находок приводится трёхчленный паспорт: пласт – квадрат – номер по полевой описи.

В.В. Судаков.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО.

Город Переяславль Рязанский (современная Рязань) расположен в 50 км вверх по течению реки Оки от Старой Рязани, первой столицы Рязанского княжества. Город имеет богатую историю. Первые поселения на его территории возникают в глубокой древности, ещё в эпоху камня (Судаков, Челяпов, Буланкин, 1995; Судаков, Буланкин, 2005). В IX–X вв. здесь появляются ранние славяне. История самого города ведёт отсчёт с 1095 г. (Судаков, 1991). В конце XIII–начале XIV в. Переяславль из небольшого городка превращается в столицу Рязанского княжества. С потерей самостоятельности Рязанского княжества в 1521 г. Переяславль становится уездным центром, но остаётся крупным военно-оборонительным пунктом.

Во второй половине XVII в. город теряет своё военное значение, в 1650 г. последний раз отстраивается Переяславль-Рязанская крепость. В 1719 г. город стал центром Переяславль-Рязанской провинции, а в 1778 г. при образовании Рязанской губернии Переяславль был переименован в Рязань.

При рассмотрении вопроса об археологическом исследовании Переяславля в данной статье территория города нами рассматривается на конец XVII в. с учётом деления его на следующие основные части: Кремль, Острог, Верхний Посад, Нижний Посад, Рыбацкая слобода.

Город Переяславль Рязанский располагается на правобережье реки Оки в двух км от её русла при слиянии рек Трубежа и Лыбеди, протекающей по центральной части современной Рязани. Кроме того, по городу протекают реки Павловка, Плетёнка.

Наиболее возвышенные участки Рязани находятся в районе Кремля. Кремль Переяславля представляет собой неправильный четырёхугольник, ограниченный с западной стороны Трубежем, с севера и востока – Лыбедью; с юга – от Лыбеди до Трубежа – проходит сухой ров глубиной до 4 м и вал высотой 12 м. Размеры Кремля составляют 690 x 540 м.

Средняя высота Кремля и примыкающих к нему с юго-запада Острога и Верхнего Посада от уровня поймы Оки около 20 м. Нижний Посад с окружающими его слободами располагался по правому берегу Лыбеди на высоте от 2 – 3 до 20 м от уровня поймы Оки.

Наиболее древней частью города является Кремль. В дальнейшем город развивался преимущественно к югу, востоку и западу; к северу и северо-востоку расширения города почти не происходило, так как во время разлива пойма сплошь заполняется водой.

В результате гибели рязанского летописания сообщения о ранней истории Переяславля в письменных источниках весьма немногочисленны и содержат сведения только об отдельных аспектах политической и военной истории города. Единичны и письменные источники по истории города XVI–XVII вв. В связи с этим осветить многие вопросы, связанные с возникновением, исторической топографией, оборонительными сооружениями, жилищами, развитием ремёсел, культурой города XI–XVII вв. возможно только на основании археологических источников.

К сожалению, и в плане археологического изучения Переяславль долгое время оставался в тени Старой Рязани.

В истории археологических исследований Переяславля можно выделить два основных этапа. Первый – конец XIX в.–первая половина 80 гг. XX в. – небольшие по объёмам археологические исследования преимущественно на территории Кремля, проводившиеся нерегулярно и с большими перерывами. Второй – с 1986 г. вплоть до наших дней – проведение широкомасштабных охранных раскопок как в Кремле, так и в других частях города, начало (с 2004 г.) комплексных научных исследований в Кремле Переяславль-Рязанской археологической экспедицией Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника под руководством В.И. Завьялова, а также налаживание наблюдений за строительными и земляными работами.

Первый этап. Первые сведения об археологических работах в Переяславле относятся к концу XIX в. и связаны с разведками В.А. Городцова. В 1890 г. В.А. Городцов обследовал вал Кремля в южной его части (*Городцов, 1905. С. 590*).

В первой половине XX в. незначительные работы проводились также только на территории Кремля. В 1924 г. В.А. Городцов вместе со студентами МГУ заложил 25-аршинную траншею в юго-восточной части бывшего Архиерейского сада. Буквально за день были пройдены слои мощностью около 2 м, но пошла вода, и раскопки были прекращены (*Титов, 1924; ГАРО. Фонд С.Д. Яхонтова*).

В 1929 г. Н.П. Милоновым при участии А.А. Мансурова, И.И. Проходцева, Н.В. Говорова были заложены пять разведочных шурфов в разных частях Кремля: два во дворе Дворца Олега, по одному в северо-западной части сада музея, в бывшем Спасском монастыре и

на улице Рабочих (*Милонов, 1929*). В 1931 г. Николай Петрович продолжил исследование жилища, открытого в шурфе 1. К сожалению, эти раскопки были неудовлетворительными как по масштабам работ (шурфы 4 × 3 м или траншеи), так и в методическом плане. Кроме того, нет и точной привязки мест раскопок (*Милонов, 1931; 1935*). В 1945 г. Н.П. Милоновым были проведены новые исследования: был сделан разрез вала с южной стороны, в северном углу платформы проведена зачистка обрыва длиной 10 – 12 м, а у Архангельского собора заложен небольшой раскоп (*Милонов, 1945*).

В 1950 г. на ул. Свободы в ходе земляных работ была обнаружена мастерская гончара, которую обследовал В.И. Зубков и дал её краткое описание (*Зубков, 1952*).

В 1955–1957 г. в Кремле работала экспедиция Института археологии АН СССР под руководством А.Л. Монгайта, планировавшего организовать здесь широкомасштабные раскопки, как в Новгороде. Однако было заложено только четыре сравнительно небольших раскопа, и этим всё ограничилось (*Монгайт, 1955; 1956; 1957; 1961*).

В 1973 г. в Кремле прокладывался водопровод и М.М. Макаровым проводились наблюдения за стратиграфией траншеи, прошедшей почти параллельно стенке Певческого корпуса. Траншееи был вскрыт культурный слой на глубину до 2 – 2,3 м, который, как было установлено, в этой части Кремля датируется временем не ранее XV в. (*Макаров, 1974*).

Вновь работы возобновились только в 1979–1980 гг. Экспедицией РИАМЗ под руководством А.А. Коновалова был исследован участок площадью 100 кв. м бывшего Архиерейского сада (под проектируемое здание трансформаторной подстанции).

В 1980 г. И.В. Ильенко обобщила проведённые археологические исследования на территории Рязанского кремля и подготовила его археологическую карту (*Ильенко, 1980*).

В 1981 г. В.П. Челяповым обследована верхняя часть культурного слоя Кремля между зданиями бывшего Певческого корпуса и Гостилицы черни общей площадью 36 кв. м и участок у Гостилицы знати. В том же году в связи с предполагаемым строительством нового здания обкома партии в разных частях Верхнего Посада В.П. Челяповым было заложено три шурфа (*Челяпов, 1982*). В том же году М.М. Макаров провёл наблюдение за земляными работами в Кремле при прокладке теплотрассы и водопровода, в ходе которых были затронуты только верхние перемешанные слои XVII–XX вв. (*Макаров, 1984*).

В 1984–1987 гг. в Кремле проводилась расчистка Солодовенных палат, но были исследованы только верхние (до 1 м) слои, представлявшие поздний строительный мусор (*Ильенко, 1988*).

Второй этап. С 1986 г. активизируется археологическое изучение Переяславля. В 1986–1990 гг. в связи с проектированием магистральной теплотрассы проводятся раскопки в южной части кремлёвской платформы у подножия вала (1983, 1987, 1989 гг. – рук. М.М. Макаров, вскрыта площадь 240 кв. м; 1986, 1988, 1990 гг. – рук. В.В. Судаков, вскрыта площадь 334 кв. м) (*Макаров, 1986; 1989; Судаков, 1988; 1990; 1993*).

В 1990 г. начались и исследования на Верхнем Посаде, где В.В. Судаковым было заложено пять разведочных шурfov общей площадью 87 кв. м (*Судаков, 1993; 1992*). В 1992 г. работы на Верхнем Посаде были продолжены: В.М. Буланкиным исследовался культурный слой на трёх раскопах общей площадью 392 кв. м. В том же году им проведены раскопки на ул. Рыбацкой (60 кв. м) и в Остроге (40 кв. м) (*Буланкин, 1998*).

В 1993 г. работы на территории Острога были продолжены В.В. Судаковым (вскрыто 72 кв. м) (*Судаков, 1996*), а в 1994 г. к данному раскопу В.П. Челяповым была сделана прирезка площадью 60 кв. м (*Челяпов, 1995*).

В 1996 г. небольшой шурф на Нижнем Посаде площадью 12 кв. м по ул. Скоморошинской был заложен И.Н. Верестовой (Верестова, 19976). В 1997 г. также на Нижнем Посаде на пл. Скоморошинской проводились наблюдения за строительством теплотрассы на протяжении 170 м (*Буланкин, 1998*).

На протяжении трёх лет с 1997 по 1999 г. небольшие охранные раскопки проводились на территории Троицкого монастыря: в 1997 г. А.А. Вячиной вскрыто 40 кв. м (*Вячин, 1999*), в 1998 г. И.Б. Барышевым – 48 кв. м (*Барышев, 1999*), и в 1999 г. А.А. Вячиной – 48 кв. м (*Вячин, 2000; 2006*).

В 2000 г. значительные работы были осуществлены на Верхнем Посаде, где В.В. Судаковым была исследована площадь в 256 кв. м (*Судаков, 2001*).

В 2002 г. В.В. Судаков раскопал 154 кв. м на территории Рыбацкой слободы (ул. Затинная, д. 88) (*Судаков, 2003; Судаков, Буланкин, 2003*).

В 2004 г. В.П. Челяпов провёл охранные раскопки в Гончарной слободе Переяславля Рязанского на площади 99 кв. м (*Челяпов, 2005; Челяпов, Иванов, 2006*).

Начиная с 2004 г. и по настоящее время В.И. Завьяловым ведутся широкомасштабные комплексные археологические раскопки (площадь раскопа – 160 кв. м) между зданиями Певческого корпуса и Гостиницы черни на территории Кремля (Завьялов, 2005; 2006; 2007а; 2008; 2009; 2010; Завьялов, Судаков, 2008).

В 2006 г. А.А. Вячинным осуществлены охранные археологические раскопки на Нижнем Посаде (ул. Скоморошинская, д. 5). Исследованная площадь составила 200 кв. м (Вячин, 2007). Им же в 2007 г. проведены охранные раскопки на территории Гончарной слободы (ул. Грибоедова, д. 47 – 59, площадь 196 кв. м) (Вячин, 2008; 2009). В.П. Челяповым в том же году было продолжено изучение Нижнего Посада – раскоп площадью 96 кв. м был заложен на ул. Свободы, д. 4 (Челяпов, 2008; 2009).

В 2008 г. В.М. Буланкиным проведены небольшие охранные раскопки (вскрыто 16 кв. м) в Рыбацкой слободе (ул. Затинная, д. 88 а.) (Буланкин, 2009; Буланкин, Иванов, 2009; Буланкин, Киселёв, 2010).

В.И. Завьяловым в Кремле наряду с раскопками ведётся постоянное наблюдение за земляными и строительными работами. В 2007–2008 гг. интересные данные о характере культурного слоя на территории Кремля выявлены при изучении стратиграфии траншей газопровода и других коммуникаций, проложенных при строительстве котельной (Завьялов, 2008; 2009; Буланкин, Завьялов, Судаков, 2010). В 2009 г. были получены новые материалы о вале Кремля, участках культурного слоя в окрестностях Богоявленского собора и Духовской церкви (Завьялов; 2010).

Таковы основные археологические исследования на территории г. Переяславля Рязанского.

В то же время необходимо отметить, что, начиная с 1991 г., с периода создания Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области (в настоящее время Государственное учреждение культуры «Центр сохранения объектов культурного наследия»), на территории исторического ядра древнего города постоянно ведутся наблюдения за земляными работами, в ходе которых получены важные сведения по характеристике культурного слоя Переяславля.

На территории Кремля наряду с археологическими раскопками проводились и многочисленные (хотя и небольшие по площади) архитектурно-археологические исследования, как, например, работы И.В. Ильенко (Ильенко, 1974), Е.А. Толмачёва (Толмачёв, 1972), Е.Л. Хворостовой (Хворостова, 1977 а; 1977 б), В.И. Завьялова (За-

вьялов, 2007б) и других, но они, в основном, дают информацию о верхних напластованиях культурного слоя конца XVII–XIX в. и до материка не доходят. Также, начиная с 90-х гг. XX в. и по настоящее время, на территории Кремля активно проводятся инженерно-геологические исследования, на основании которых с учётом результатов археологических изысканий в 1995 г. была подготовлена совместная монография (Подземная охранная зона ..., 1995). Результаты наблюдений в 2003–2007 гг. приведены в статье В.И. Завьялова (2007 б). В 2007 г. в результате обобщения всех материалов археологических и инженерно-геологических изысканий составлена карта культурного слоя территории Рязанского кремля (Отчёт о научно-исследовательской ..., 2007).

В заключение необходимо отметить, что, к сожалению, значительная часть результатов археологических раскопок в Переяславле Рязанском до настоящего времени не введена в научный оборот. Будем надеяться, что периодическое издание Материалов по археологии Переяславля Рязанского постепенно восполнит этот пробел.

Литература.

Барышев И.Б., 1999. Отчёт об археологических раскопках на территории Троицкого монастыря г. Рязани в 1998 г. // Архив ИА РАН. № 21727, 21728.

Буланкин В.М., 1998. Отчёт о раскопках в исторической части Рязани в 1992 г. // Архив ИА РАН. № 22578 – 22581.

Буланкин В.М., 1998. Отчёт о производстве археологических наблюдений при строительстве теплотрассы по ул. Скоморошинской в 1997 г. // Архив ГУК «Центр сохранения объектов культурного наследия».

Буланкин В.М., 2009. Отчёт об археологических разведках в Рязанской области в 2008 г. (г. Рязань, ул. Загинная, д. 88 а.) // Архив ИА РАН.

Буланкин В.М., Иванов Д.А., 2010. Археологические исследования на территории Рыбацкой слободы Переяславля Рязанского (современный г. Рязань) в 2008 г. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 24. Рязань.

Буланкин В.М., Завьялов В.И., Судаков В.В., 2010. Характеристика культурного слоя кремля Переяславля Рязанского // РА. № 1.

Буланкин В.М., Киселёв В.Ю., 2010. Результаты археологических исследований в Рыбацкой слободе средневекового города Переяславля Рязанского в 2008 году // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань.

Верестова И.Н., 1997. Отчёт об охранных археологических работах по ул. Скоморошинской, д. 16 в 1996 г. // Архив ИА РАН.

Вячин А.А., 1999. Отчёт об археологических раскопках на территории Троицкого монастыря в г. Рязани в 1997 г. // Архив ИА РАН. № 21876.

Вячин А.А., 2006. Раскопки на территории Свято-Троицкого монастыря в г. Рязани в 1979–1999 гг. // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси) / Материалы Всероссийской научной конференции «Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековья)». Рязань, 7 – 10 сентября 2005 года. Рязань.

Вячин А.А., 2000. Отчёт о раскопках на территории Троицкого монастыря в г. Рязани в 1999 г. // НА РИАМЗ, № 3986.

Вячин А.А., 2007. Отчёт об охранных археологических раскопках на Нижнем посаде Переяславля Рязанского (г. Рязань) ул. Скоморошинская, д. 5 в 2006 г. // Архив НА РИАМЗ, № 3911.

Вячин А.А., 2008. Отчёт об охранных археологических раскопках на территории Гончарной слободы г. Рязани в 2007 г. (ул. Грибоедова, дд. 47 – 59 в 68 квартале) // НА РИАМЗ, № 3980.

Вячин А.А., 2009. Раскопки в Гончарной слободе г. Рязани // Битва на Воже и средневековая Русь: Материалы межрегиональной научной конференции «Битва на Воже и средневековая Русь», 1 – 3 октября 2008 г. Рязань. ГАРО. Р-2798. Фонд С.Д. Яхонтова. Д. 30. Л. 20; Д. 18. Л. 22.

Городцов В.А., 1905. Материалы для археологической карты долины и берегов реки Оки // Труды XII Археологического съезда. Т. 1. М.

Завьялов В.И., 2005. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2004 г. // НА РИАМЗ. № 3834.

Завьялов В.И., 2006. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2005 г. // НА РИАМЗ. № 3858.

Завьялов В.И., 2007а. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2006 г. // НА РИАМЗ. № 3899.

Завьялов В.И., 2007б. Археологические наблюдения за инженерно-геологическими исследованиями в Рязанском кремле // Новейшие тенденции в изучении, сохранении и музеефикации ценных исторических территорий: Сборник статей VIII Международного научно-практического семинара «Комплексное изучение и сохранение исторических территорий». Рязань, 15 – 17 мая 2006 г. Рязань.

Завьялов В.И., 2008. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2007 г. // НА РИАМЗ. № 3955.

Завьялов В.И., 2009. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2008 г. // НА РИАМЗ. № 3992.

Завьялов В.И., 2010. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2009 г. // НА РИАМЗ. № 4004.

Завьялов В.И., Судаков В.В., 2008. Археологическое изучение Переяславль-Рязанского кремля // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 3.

Зубков В.И., 1952. Археологические находки в Переяславле Рязанском // КСИ-ИМК. Вып. 47.

Ильенко И.В. Археологическая карта Рязанского Кремля с нанесением раскопов 20 века // НА РИАМЗ. № 3220 (1980).

Ильенко И.В. Отчёт о работе археологического отряда на территории Рязанского Кремля // НА РИАМЗ. № 2869 (1974);

Ильенко И.В. Описание и фиксация шурfov по трассе водопровода у ц. Преображения и у ц. Богоявления в Рязанском Кремле // НА РИАМЗ. № 2870 (1974).

Ильенко И.В. Отчёт об археологических исследованиях в Архангельском соборе Рязанского Кремля // НА РИАМЗ. № 3114/1 – 3 (1979).

Ильенко И.В. Отчёт об археологических исследованиях у Гостиницы Черни Рязанского Кремля // НА РИАМЗ. № 3108 (1979).

Ильенко И.В. Отчёт об археологических исследованиях на территории Рязанского Кремля // НА РИАМЗ. № 3229 (1982).

Ильенко И.В. Отчёт об археологических исследованиях на территории Рязанского Кремля. Крыльцо у южного фасада Архиерейского дома // НА РИАМЗ. № 3232 (1982), № 3231 (1982).

Ильенко И.В. Отчёт об археологических исследованиях на территории Рязанского Кремля в 1982 году // НА РИАМЗ. № 3288 (1983).

Ильенко И.В. Отчёт об археологических исследованиях у Архиерейского корпуса в Рязанском Кремле // НА РИАМЗ. № 3408 (1987).

Ильенко И.В. Архивные материалы к археологической карте Рязанского Кремля // НА РИАМЗ. № 3170.

Ильенко И.В. Отчёт об археологических исследованиях на территории Архангельского собора Рязанского Кремля // НА РИАМЗ. № 3156 (1980).

Ильенко И.В. Отчёт о шурфе у северо-восточного угла Спасо-Преображенского собора Спасского монастыря // НА РИАМЗ. № 3206 (1981).

Ильенко И.В. Архиерейская конюшня. Шурф № 1, 2 // НА РИАМЗ. № 3410 (1987).

Ильенко И.В. Отчёт об археологических исследованиях на территории Солодовенских палат Рязанского Кремля в 1986 – 1987 гг. // НА РИАМЗ № 3431 (1988).

Макаров М.М., 1984. Отчёт об археологических наблюдениях за земляными работами в Кремле г. Рязани в 1981 г. // НА РИАМЗ, № 3311.

Макаров М.М., 1985. Отчёт об археологических работах в Кремле г. Рязани 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11181.

Макаров М.М., 1989. Отчёт об археологических раскопках в Кремле г. Рязани в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1983.

Милонов Н.П., 1929. Отчёт о палеонтологических исследованиях на месте Кремля Переяславля Рязанского летом 1929 г. // Архив ИИМК. № 1060/12.

Милонов Н.П., 1931. О результатах археологических раскопок в б. Кремле Переяславля Рязанского в июле 1931 г. // НА РИАМЗ. № 560.

Милонов Н.П., 1935. Разведки 1929 – 1930 гг. в Переяславле Рязанском // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 5 – 6.

Милонов Н.П., 1945 О результатах археологических раскопок в б. Кремле Переяславля Рязанского летом 1945 г. // НА РИАМЗ. № 1300.

Монгайт А.Л., 1955., Отчёт о работе Рязанского отряда Среднерусской экспедиции в 1955 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1205.

Монгайт А.Л., 1957. Отчёт об археологических раскопках в Рязанской области в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1354.

Монгайт А.Л., 1958. Отчёт о раскопках в 1957 г. в Кремле Переяславля Рязанского // Архив ИА РАН. Р-1. № 1621.

Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.

Отчёт о научно-исследовательской работе «Составление карты культурного слоя территории Рязанского кремля». Российский государственный геологоразведочный университет, НИИ природоиспользования. 2007 // НА РИАМЗ. № 3924.

Подземная охранная зона исторической территории Рязанского кремля / Под ред. Е.И. Романовой, А.Г. Купцова. Рязань, 1995.

Судаков В.В., 1988. Отчёт об археологических раскопках в Кремле г. Рязани в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12119.

Судаков В.В., 1990. Отчёт об археологических раскопках в Кремле г. Рязани в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14169.

Судаков В.В., 1993. Отчёт об охранных археологических раскопках на территории Кремля и Верхнего посада г. Переяславля Рязанского (современная Рязань) в 1990 г. // Архив ИА РАН. № 17660 – 17662.

Судаков В.В., 1991. Из истории Переяславля Рязанского XI – начала XV века // Рязанский край. История. Природа. Хозяйство (к 900-летию г. Рязани). Рязань.

Судаков В.В., 1992. Археологические исследования на территории Верхнего Посада г. Переяславля Рязанского в 1990 году // Археологические памятники Среднего Пooчья. Рязань.

Судаков В.В., 1994. Отчёт об археологических раскопках на территории Острога г. Рязани в 1993 г. // Архив ИА РАН.

Судаков В.В., 2002. Отчёт о раскопках на территории Верхнего Посада Переяславля Рязанского (совр. г. Рязань) в 2000 г. // Архив ИА РАН. №№ 24708, 24709.

Судаков В.В., 2003. Отчёт о раскопках на территории Рыбацкой слободы г. Переяславля Рязанского (совр. г. Рязань) в 2002 г. по адресу: ул. Затинная, д. 88 в 28 квартале. // НА РИАМЗ. № 3959.

Судаков В.В., Челяпов В.П., Буланкин В.М., 1995. Дославянские археологические памятники на территории г. Рязани // Из прошлого и настоящего Рязанского края. К 900-летию г. Рязани. Рязань.

Судаков В.В., Буланкин В.М., 2003. Раскопки в Рыбацкой слободе Переяславля Рязанского в 2002 г. // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань.

Судаков В.В., Буланкин В.М., 2005. Культурный слой Переяславля Рязанского // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.

Титов С.М., 1924. Тайники Рязанского Кремля // Рабочий клич. № 177. Рязань.

Толмачёв Е.А., 1972. Отчёт о работе археологического отряда на территории Рязанского Кремля, июнь – октябрь 1972 г. // НА РИАМЗ. № 2863.

Хворостова Е.Л., 1977а. Отчёт об археологических исследованиях у западного фасада Певческого корпуса Рязанского кремля // НА РИАМЗ. № 3039.

Хворостова Е.Л., 1977б. Отчёт об археологических исследованиях у северного портала Архангельского Собора Рязанского Кремля // НА РИАМЗ. № 3040.

Челяпов В.П., 1982. Отчёт о разведках и раскопках на территории Спасского и Рязанского районов Рязанской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8501.

Челяпов В.П., 1995. Отчёт об охранных раскопках на территории Острога г. Рязани в 1994 году. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18981.

Челяпов В.П., 2005. Отчёт об охранных раскопках в Гончарной слободе Переяславля Рязанского в 2004 г. // Архив ИА РАН.

Челяпов В.П., Иванов Д.А., 2006. Охранные раскопки на территории Гончарной слободы Переяславля Рязанского // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси) / Материалы Всероссийской научной конференции «Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековья)». Рязань, 7 – 10 сентября 2005 года. Рязань.

Челяпов В.П., 2008. Отчёт об охранных раскопках на Нижнем посаде г. Переяславля Рязанского (современный г. Рязань, ул. Свободы, д. 4.) в 2007 г. // НА РИАМЗ. № 3972.

Челяпов В.П., 2009. Исследования на Нижнем посаде г. Переяславля Рязанского (современный г. Рязань) в 2007 году // Битва на Воже и средневековая Русь: Материалы межрегиональной научной конференции «Битва на Воже и средневековая Русь», 1 – 3 октября 2008 г. Рязань.

И.Г. Кусова, Д.Ю. Филиппов

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ РЯЗАНСКИЙ XVII–XVIII ВВ.: ПЛАНРИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА, ЗАСТРОЙКА, СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ

Значительная часть исторического центра Рязани, расположенная на территории древнего Переяславля Рязанского, является археологическим памятником. На сегодня степень археологической изученности Переяславля невелика, хотя потенциальные возможности исследований оцениваются специалистами как высокие.

Археологическое изучение территории средневекового города требует комплексного представления о его структуре, планировке, застройке, функциональном зонировании, социальной топографии. Эти знания необходимы как при планировании археологических исследований, так и при анализе и интерпретации материалов, полученных в результате раскопок.

История Переяславля Рязанского не раз становилась предметом исторических исследований в XIX в.¹, но только в работе Н.В. Любомудрова, посвящённой «местногеографическим древностям» Рязанской губернии², впервые удалено внимание исторической территории города. Любомудров положил в основу своего труда рукопись «Рязанских достопамятностей» Иеронима (Алякринского)³ и, используя труды историков, устные свидетельства и опираясь на реалии XIX в., дополнил сведения, приведённые Иеронимом, своими комментариями и выводами. Самостоятельный интерес к теме возник в XIX в., что, вероятно, было следствием, во-первых, публикации источников по истории Переяславля Рязанского XVI–XVIII вв. Н.А. Найдёновым⁴ и, во-вторых, началом деятельности Рязанской учёной архивной комиссии. Именно в РУАК эта работа и была сосредоточена на протяжении последней четверти XIX–первых десятилетий XX в. как в части публикации источников, так и в области их изучения. В 1895 г., очевидно в ходе подготовки к празднованию 800-летия Рязани, в трудах комиссии были опубликованы описания крепостных сооружений Переяславля XVII в.⁵ В 1898 г. список работ был продолжен публикацией С. Шмелёва⁶. В том же году началась публикация «Писцовых книг Рязанского края» под редакцией известного археографа, члена РУАК В.Н. Сторожева⁷.

В 1902–1903 гг. на страницах «Рязанских епархиальных ведомостей» была опубликована работа И.И. Проходцова о Рязанском архи-

ерейском доме⁸. В работе на основе богатого источникового материала подробно рассмотрена история Владычной слободы Переяславля Рязанского. В труде И.И. Проходцова впервые в историографии специально рассматривались вопросы топонимики, топографии, застройки Переяславля Рязанского.

Наибольший вклад в разработку проблемы реконструкции пространственно-планировочной структуры и социальной топографии города XVII–XVIII вв. внёс Д.Д. Солововников – историк, член РУАК, в советское время – сотрудник Рязанского краеведческого музея (современный РИАМЗ). Графические реконструкции Д.Д. Солововникова воспроизводят отдельные кварталы Переяславля конца XVII в. с разбивкой на владельческие усадьбы. В основу работы Д.Д. Солововникова были положены план Переяславля Рязанского, составленный в 1777 г. в ходе генерального межевания, и данные писцовых книг 1696 г. За ориентиры, позволяющие привязать данные письменных источников к местности, исследователь взял существовавшие каменные постройки, главным образом храмы XVI–XVII вв. Приняв за условие, что общая планировочная структура города мало изменилась за годы, прошедшие между составлением писцовых книг и плана города 1777 г., Солововников перенёс социальную и топографическую информацию писцовых книг на план города, учитывая при этом данные об обмерах владельческих дворов Переяславля, содержащиеся в писцовых книгах. Итогом многолетней работы Д.Д. Солововникова стало составление планов-реконструкций разных частей города, которые позволяют получить представление о топографии и социальной структуре Переяславля Рязанского в XVII–XVIII вв. Материалы Д.Д. Солововникова (рукописи, графические реконструкции) остались неопубликованными⁹, и лишь основные выводы в адаптированном виде вошли в текст популярного издания «Переяславль Рязанский. Прошлое Рязани в памятниках старины» (Рязань, 1922). Результаты работы Солововникова не потеряли своего научного значения и сегодня. Они активно использовались и продолжают использоваться в музейных экспозициях, популярных текстах по истории города¹⁰.

Вопросы топографии, формирования и развития исторической территории Кремля как центра Переяславля Рязанского рассматривались в статье А.Г. Кузьмина¹¹. Эта тема была продолжена в работе И.Г. Кусовой, где были исследованы вопросы социальной топографии и функционального зонирования территории Кремля в XVI–

XVII вв., проанализированы социальный состав владельцев дворов, эволюция частного, казённого и церковного землевладения¹².

Во второй половине XX в. изучение Переяславля Рязанского за пределами Кремля в целом ограничилось эпизодическими археологическими работами, главным образом в районах нового строительства в пределах исторического центра¹³. С 2004 г. начались планомерные комплексные археологические исследования Кремля в рамках Переяславль-Рязанской археологической экспедиции¹⁴. Следы одной из древнейших улиц города, обнаруженные в ходе раскопок, вновь привлекли внимание к топографии средневекового Переяславля.

Таким образом, после исследования Д.Д. Солодовникова территория Переяславля Рязанского, за исключением кремлёвского холма, не имеет собственной историографии, что нередко становится причиной ошибочных интерпретаций результатов археологических исследований и некорректных утверждений в учебных пособиях и научно-популярных публикациях по истории города, а также при проведении работ по мемориализации исторического центра Рязани¹⁵.

Переяславль Рязанский в 1778 г. был переименован в Рязань, а в 1780 г. город получил план регулярной застройки. Этапы и закономерности формирования городского пространства в предшествующий период (XVII в.–1770 гг.), его планировочная и социальная структура, функциональные особенности разных районов города, отчасти возникновение и трансформация его топонимического ряда рассматриваются в предлагаемой публикации. В основу исследования положены преимущественно опубликованные источники: тексты переписных, писцовых книг XVI–XVII вв., а также планы и межевые книги генерального межевания XVIII в.

Определяющим фактором развития Переяславля в XVII в. стала постепенная утрата городом военного значения. Рязанские земли по-прежнему подвергались разорительным набегам крымских татар почти на всём протяжении столетия; последний приход татар зафиксирован в 1673 г.¹⁶ Но город всё реже становился объектом нападения. Известно, что Переяславль оборонялся от татар и польских интервентов в 1610 г., татары вновь подходили к городу в 1633 г.¹⁷, после чего известий о военных столкновениях у стен Переяславля не было. Уменьшение военной опасности привело к тому, что постепенно утрачивается и значение самой крепости. До середины XVII в. оборонительные сооружения Кремля и Острога ещё поддерживались в порядке, но восстанавливались они уже не в полном объёме. Частич-

но воссоздать облик крепости Переяславля Рязанского позволяют её описи, неоднократно составлявшиеся в XVII в.

Крепость состояла из двух укреплённых комплексов: собственно «города», защищавшего территорию Кремля, и Острога. Дубовая крепостная стена «города» тянулась по всему периметру кремлёвского холма, составляя 768 сажен¹⁸. На протяжении XVI–XVII вв. крепость постоянно страдала от обрушения крутого берега Трубежа. Кроме того, с середины XVII в. по мере утраты крепостью её оборонительного значения и обветшания построек постоянно сокращалось число крепостных башен. В середине XVII в. их было 13, а к началу XVIII в. сохранилось только 9¹⁹. Из всех башен города только четыре были проездными: Глебовская, выходившая на Большую Московскую дорогу, Тайничная, обеспечивавшая выход к Трубежу, Ипацкая (Ол-пацкая), через которую был выезд к Лыбеди и далее через пойму к перевозу через Оку, и Рязанская, от которой начиналась Большая Рязанская дорога – тракт, ведущий в древнюю княжескую столицу Старую Рязань. Остальные башни были глухими. Судя по описанию 1706 г., угловые башни были восьмиугольными в плане, остальные – квадратными. Длина стены глухих башен колебалась от 2 до 5,5 сажен, проезжих, кроме Глебовской, от 3,5 до 4,5 сажен.

Главной, самой большой и единственной каменной, была Глебовская проездная башня размером 6 на 8,5 сажен, стоявшая в западной части крепости на месте, сегодня занятом Соборной колокольней. От Глебовской башни на территорию Острога через городской ров вёл Глебовский мост, «рублен в дубовом лесу на режах с перилы, по конец того мосту ворота, вереи дубовые, притворы сосновые, покрыты тесом»²⁰.

Северная стена, тянувшаяся вдоль берега Трубежа, начиналась Спасской башней, стоявшей на северо-западном углу крепости. В средней части стены находилась Тайничная башня. В ней был устроен тайник, обеспечивавший выход к Трубежу за водой в случае осады. На участке стены от Тайничной до Духовской башни до середины XVII в. стояла Бойничная башня, но уже по описи 1651 г. упомянуто только её «башенное место», а описание 1690 г. совсем не упоминает о ней. Замыкала северный участок стены «Духовская наугольная башня», стоявшая на северо-восточном углу крепости. Следующей на восточном участке стены была проездная Ипацкая башня. Между Ипацкой и наугольной Всесвятской башней – три глухие безымянные башни.

Три башни стояли на южном участке стены: «наугольная Всесвятская», Рязанская и «наугольная Введенская». Главной на этом участке стены была «Рязанская проезжая башня». В верхней её части в особом «выходе» висел вестовой колокол, а у подножия был устроен мост через Лыбедь «с перилами в дубовом лесу»²¹.

От угловой Введенской башни до Глебовской стена шла по сохранившемуся ныне валу и была укреплена одной глухой башней.

К концу XVII в. вся крепость находилась в крайней ветхости. Особенно серьёзно была разрушена её северная часть. В описи 1690 г. отмечено, что в предшествующие десятилетия стены в этой части крепости неоднократно «вываливались» «от полыя воды в реку Трубеж» вместе с частью берега. В 1672 г. в Трубеж полностью обрушилась Спасская башня с частью стены. В Тайничной башне «весь тайник огнил и обвалился иходить в него для воды немочно», сама башня, по свидетельству писца, была в таком состоянии, что «вскоре... повалится в реку Трубеж», в таком же виде стояла и Духовская башня²².

Крепостная стена Острога начиналась от расположенных во рву Лыбедских ворот, далее тянулась вдоль Лыбеди, повторяя очертания высокого левобережного обрыва. В районе нынешней улицы Некрасова стена поворачивала на север и тянулась в направлении церкви Спаса на Яру, от которой следовала вдоль обрывистого берега Трубежа до Глебовского моста и далее вдоль рва до Лыбедских ворот. На всём протяжении стены насчитывалось 15 башен и двое ворот – Малые Лыбедские и Водяные у Глебовского моста. Из 15 башен одна – Московская – была проездной, с воротами, все остальные – глухими. Большая часть башен была сосредоточена с южной, обращенной к Лыбеди, стороны и напольной западной. На Лыбедь выходили шесть башен (Введенская, Отводная и четыре безымянные глухие башни) и Малые Лыбедские ворота. Шесть башен (Угольная, Косая, Московская, Отводная и две безымянны) располагались на западной стене, ещё три (Оленинская, Спасская и безымянная) были обращены к Трубежу. Судя по описанию укреплений Переяславля Рязанского, составленному рязанским воеводой князем Г.Ф. Шаховским в 1641 г., все башни Острога были квадратными. Самой большой – со сторонами четыре на четыре сажени – была Московская башня, размеры остальных не превосходили двух-трёх сажен²³.

Вероятно, уже в середине XVII в. за западной линией укреплений Острога (западнее современной улицы Некрасова) к югу от Московской дороги и Архиерейской слободы началось формирование новых жилых кварталов. Видимо, по внешней границе вновь формировав-

шегося поселения был сооружён оборонительный вал. Он начинался в районе Борисоглебского оврага (на месте современной ул. Сенной), тянулся через современные кварталы в районе улиц Кольцова, Соборной и Почтовой и спускался к Лыбеди в месте пересечения улиц Почтовой и Мюнстерской. Вал, служившей первой линией оборонительных укреплений Острога, сохранялся до начала XVIII в.²⁴

Последняя серьёзная попытка привести в порядок ставшие уже практически бесполезными оборонительные постройки кремля была предпринята в 1680 г. Проводились широкомасштабные приготовления к ремонту крепостных сооружений: была просчитана стоимость восстановительных работ, определены подрядчики, однако сведений о том, были ли проведены намеченные работы, не имеется²⁵.

XVII век. стал временем наивысшего экономического подъёма и политического влияния рязанского духовенства, что заметно сказалось на развитии топографии и архитектурного облика исторического ядра города – Кремля (рис. 1). В течение столетия архиерейские владения в Кремле увеличились не менее чем на 800 квадратных сажен за счёт поглощения монастырских и частновладельческих дворов²⁶. В этот период Кремль, одновременно с утратой оборонительной функции, всё больше играет роль административного центра города и уезда. На территории бывшей княжеской резиденции, где с середины XVI в. разместился архиерейский двор, во второй половине XVII в. возводится крупный комплекс культовых, жилых и хозяйственных зданий.

Тогда же к западу от митрополичьего двора постепенно сформировался официальный административный район, занявший пространство между старым Успенским собором (совр. Христорождественский), архиерейским двором, Спасским монастырем и городовой стеной. Частные дворы, ранее находившиеся на этой территории, со временем были вытеснены официальными учреждениями²⁷, и во второй половине XVII в. здесь располагались приказная и губная избы, каменные «зелёные» (пороховые), палаты, городские тюрьмы. Большая часть территории административного района была занята тюремным двором, включавшим три деревянные тюрьмы²⁸. На месте, где позже будет возведён новый Успенский собор, располагались «зелёные» палаты (построены в 1668 г.)²⁹.

В юго-восточной части кремлёвского холма, рядом с Воскресенской церковью, располагался ещё один крупный административный комплекс – воеводский двор, включавший жилые и многочисленные хозяйствственные постройки³⁰. К концу XVII в. он значительно расши-

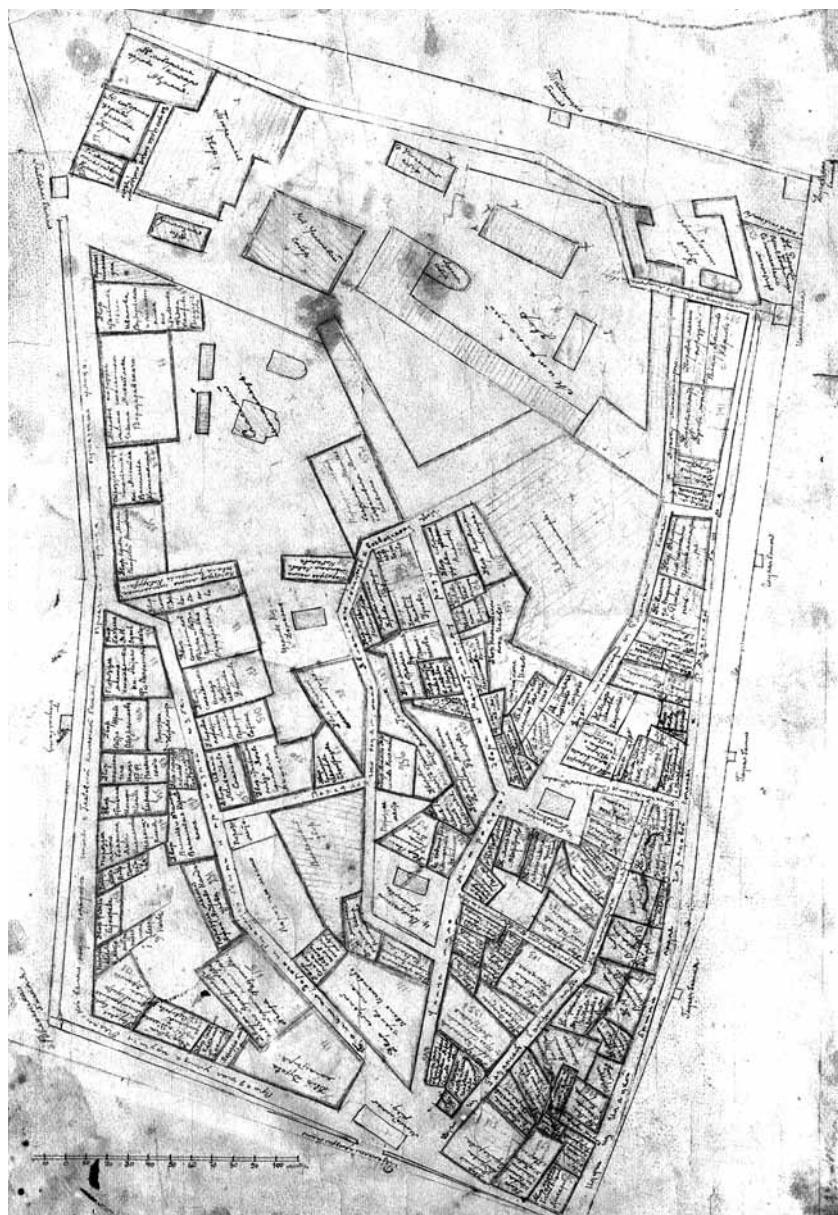

Рис. 1. Кремль Переяславля Рязанского. Реконструкция Д.Д. Соловникова
(по писцовой книге 1696 г.). ГАРО. Ф. Р-2798. Оп. 1. Д. 57. Л. 2

рил свои границы — почти на тысячу квадратных сажен — в результате присоединения к нему территории соседних частновладельческих дворов и «порожних мест»³¹. В период петровских административных реформ, когда Переяславль Рязанский стал центром одной из провинций Московской губернии, неподалеку от воеводского двора у Рязанских ворот разместилась провинциальная канцелярия.

Вокруг воеводского двора располагались жилые кварталы — юго-восточная часть кремлёвского холма в XVII в. продолжала оставаться районом жилой застройки. От Рязанских ворот — главного планировочного узла этого района — радиально расходились основные улицы. Две из них шли по периметру крепости вдоль городских стен, три пролегали среди жилых кварталов, сообщаясь между собой проезжими переулками и дополняясь «глухими улками и переулками». Эта средневековая сеть улиц, сложившаяся не позднее XVI в., сохранилась в этой части кремлёвского холма вплоть до конца XVIII в. К концу XVII в. в этой части города располагались три приходских храма с приходами в 9 — 15 дворов³².

Активное освоение территории за пределами кремлёвского холма — формирование слобод и посадов, — по мнению исследователей, приходится на XV—XVI вв., когда территория Кремля была полностью застроена. Время их возникновения, как и процесс формирования и структурная организация посада Переяславля Рязанского, на сегодняшний день остаются дискуссионными. Первые письменные упоминания посада Переяславля Рязанского относятся к рубежу XV—XVI столетий. Так, в записях о разорении города татарами в 1495 г. говорится о сожжённых посадах³³. В тексте договорной грамоты рязанского князя Фёдора Васильевича с братом Великим князем Рязанским Иваном Васильевичем, составленной в 1496 г., посад Переяславля Рязанского упоминается как часть владений, отошедших в удел Фёдора Васильевича³⁴. Позже Фёдор Васильевич отказал свои волости Великому князю Московскому. Этот факт упоминается в духовной Ивана III, составленной около 1504 г., в числе прочих владений фигурирует и «княжеский жеребей» «на Рязани в городе и на посаде»³⁵ (выделено нами. — И.К., Д.Ф.). Все эти свидетельства позволяют говорить о существовании посадских слобод в Переяславле Рязанском уже на рубеже XV — XVI вв. Однако установить, о каком именно посаде идёт речь, не представляется возможным. Это мог быть посад, располагавшийся в ранний период на юго-восточной оконечности кремлёвского холма, или торгово-ремесленное поселение за пределами Кремля — на правом берегу Лыбеди к югу от кремлёвского холма

или к западу от него, в районе Борисоглебского собора, на так называемом «архиерейском посаде» (Архиерейская слобода). Современный уровень археологических исследований не позволяет уверенно локализовать местоположение и структурный состав посадских поселений этого периода.

Говорить о существовании посада за стенами переяславской крепости позволяет его упоминание в тексте Софийской летописи под 1533 (7041) г. В записи, сообщающей о разорении города татарами, противопоставлены «посады», сожжённые неприятелем, и «город», которые татары взять не смогли³⁶. Хотя и это свидетельство не позволяет различить собственно торгово-промышленный посад Переяславля и поселение Архиерейской слободы, тем не менее, факт существования посада за стенами города в этот период не вызывает сомнения.

Интенсивный отток торгово-ремесленного населения Переяславля с территории «города» на посад начинается, видимо, с середины XVI в. К концу столетия из частных владений на территории Кремля остаются, главным образом, осадные дворы рязанской знати, а значение посада, как центра ремесла и торговли, напротив, возрастает. С возрастанием роли посада и «обезлюдением» Кремля связан примечательный факт, относящийся к 1550 г., когда три рязанских священника, в отсутствие архиерея, находившегося в отъезде в Москве, самовольно, без дозволения владыки, вышли за пределы «города» и построили на посаде сразу три храма: Вход в Иерусалим, Благовещенье и Воскресение Згонного³⁷. За самоуправство «ослушники» остались без архиерейского благословения, но новые храмы продолжили своё существование.

В XVI в. на посад перемещается и главный городской торг, изначально находившийся на территории Кремля. По некоторым данным торг за Лыбедью известен с XV в.³⁸, однако в письменных источниках он упоминается с конца XVI столетия³⁹. Причём данные Платёжной книги 1595–1597 гг. свидетельствуют о более значимой роли торга на Лыбеди по сравнению с торговом, находившимся в Кремле, где не было, как таковых, торговых рядов. Лавки и амбары были сгруппированы на юго-восточной оконечности Кремля в районе Рязанских ворот, стояли на улице, в переулке, в тупичках. Всего по Платёжной книге в Кремле насчитывалось 84 торговых места, тогда как на посадском торгу – в четыре раза больше, и располагались они в специализированных рядах⁴⁰.

В историографии применительно к посаду Переяславля Рязанского утвердились названия: «Верхний» и «Нижний». Они закрепились за частями города, расположенными соответственно к западу («Верхний») и к северо-востоку и юго-востоку («Нижний») от Кремля. Названия эти были введены в историографический оборот в начале XX в. И.И. Проходцовым в работе о Рязанском Богородицком архиерейском доме⁴¹, а затем использованы Д.Д. Соловьевым в известной публикации по истории Переяславля Рязанского⁴². Начиная с работы Д.Д. Соловьёва, эти определения стали использоваться как исторические названия. Как показывает анализ опубликованных источников XVI–XVIII вв., ни в материалах писцового делопроизводства, ни в актовых источниках эти названия применительно к посаду Переяславля Рязанского не встречаются. Однако в городском обиходе эти определения, видимо, бытовали. Об этом свидетельствует единственное известное упоминание «Верхнего» посада, впервые приведённое Проходцовым и содержащееся во вкладной записи архимандрита Сильвестра на Евангелии 1683 г., хранившемся в церкви Николы Высокого: «Сие святое евангелие в церковь Вознесения Господа и Спаса Иисуса Христа, что в Переяславле Рязанском, в Митрополье слободе, *на верхнем посаде* (выделено нами. – И.К., Д.Ф.), дал вкладу из Галича Паисеина монастыря архимандрит Сильвестр, прежде бывший тое церкви диакон»⁴³. Впервые это свидетельство было приведено в 1874 г. Н. Любомудровым в публикации о древностях Рязанской губернии⁴⁴, но именно И.И. Проходцов, приводя текст этой вкладной записи в публикации о Богородицком архиерейском доме, на основании упоминания в ней «Верхнего посада» определяет часть посада, расположенную вдоль Лыбеди к юго-востоку от Кремля, как «Нижний посад». Начиная с этого времени эти условные определения утвердились в публикациях, посвящённых Переяславлю Рязанскому, и, хотя анализ письменных источников даёт несколько иную картину деления посада на локальные поселения, отражающие эволюцию торгово-промышленного района Переяславля Рязанского, мы будем использовать упомянутые наименования частей посада как традиционные для рязанской историографии.

Необходимо отметить, что под одним общим названием, будь то «Верхний» или «Нижний» посад, объединялись районы и слободы, различные по времени возникновения, функциональному назначению, социальному составу и профессиональной специализации жителей. Так, в состав «Верхнего» посада искусственно и не вполне кор-

ректно объединяли Острог, Архиерейскую слободу, известную с XIII в., и Новую Чёрную слободу, возникшую в середине XVII в.

Исторически посад Переяславля Рязанского, как и посады большинства русских городов, включал в себя чёрную слободу, положенную в оклад, и белую, свободную от тягla. Белую Архиерейскую слободу, видимо, следует считать наиболее древней частью рязанского посада. Она, хотя и входила административно в состав Окологородного стана Переяславского уезда, в источниках устойчиво именуется посадской слободой Переяславля Рязанского⁴⁵.

Формирование чёрной части посада, расположенной за пределами кремлёвского холма, происходило на протяжении длительного времени. Археологические данные свидетельствуют, что хозяйственное использование и заселение территорий, непосредственно примыкавших к Кремлю, началось ещё в домонгольский период и охватывало бровки окских террас и существовавших водотоков. Более интенсивно этот процесс происходил вдоль русла Лыбеди у подножия кремлёвского холма⁴⁶. Большая часть археологических находок, выявленных на этой территории, относится к XVI–XVIII вв., что позволяет предполагать активное использование этих территорий начиная именно с XVI в. Надо полагать, что уже в середине XVI в. у подножия кремлёвского холма, на правом берегу Лыбеди сложилось небольшое стабильное посадское поселение. Место возникновения Нижнего посада не было случайным. Он формировался у самого начала исторического тракта, некогда связывавшего Переяславль со столицей княжества – Старой Рязанью.

Источники XVI–XVII вв. именуют «Нижний» посад «Чёрной посадской слободой» или просто «посадом»⁴⁷, объединяя этим понятием Выползову, Згонную, Новинскую, Затинную слободы и слободу на Скоморошьей горе.

Наиболее древним поселением Нижнего посада, видимо, была Выползова Рыбная слобода, или «Рыбная слобода, что на Выползове». Она возникла не позднее XVI в. как компактное поселение рыбных ловцов, поставлявших рыбу к царскому двору, и имела статус дворцовой слободы. Однако не исключено, что она существовала и в более ранний период как часть владений рязанских князей. Выползова слобода располагалась у восточного подножия кремлёвского холма вдоль правого берега Лыбеди на некотором отдалении от места её впадения в Трубеж (совр. территория рязанского порта и части жилых кварталов и промзоны по улицам Рыбацкой, Лесопарковой). Несколько обособленное расположение слободы на возвышенном

участке окской террасы, не затопляемом паводковыми водами, наряду с характером занятий её населения определили название этой части Переяславля Рязанского. В середине XVII в. в слободе насчитывалось 24 двора, в которых числилось 45 душ «рыбных ловцов и их детей и братьи и племянников»⁴⁸. Вплоть до конца XVIII в. Выползова слобода находилась в ведении Дворцовой канцелярии, а её коренные жители оспаривали законность привлечения их, как не входивших юридически в состав посадских жителей, к несению городовых служб⁴⁹. Уже в начале XVII в. в Выползовой слободе существовала церковь Николы Мокрого.

Следующей по мере заселения частью Нижнего посада, видимо, были территории между Выползовой слободой и городским торгом с примыкающими к ним районами (район совр. улиц Рыбацкой, Затинной и Грибоедова в месте их пересечения с проездом Речников и улицей Свободы, а также пл. Свободы). Эти районы города, составлявшие историческое ядро посада, вероятно, уже были освоены и обжиты к середине XVI в.: именно здесь располагались храмы Входа в Иерусалим, Благовещенья и Воскресения, упомянутый факт основания которых относится к 1550 г.

Часть посада вокруг Воскресенского храма, примыкавшая к торгу с юга, в источниках называется «Згонной слободой», а сам храм уже в XVI в. называется как «Воскресенье Господне Згонное»⁵⁰. В окладных книгах Рязанской епархии 1676 г. название храма приведено как «церковь Воскресения... на Большой улице, зовомое Звонное»⁵¹, но попытка епархиальных окладчиков преобразовать эпитет в названии храма в более благозвучный была безуспешной. Видимо, обусловленный исторически, он сохранил исходную форму и встречается в источниках вплоть до начала XIX в. применительно к указанному району города и более долгое время применительно к несохранившемуся сегодня храму. Происхождение топонима «Згонное / Згонная» (в XIX в. – «Сгонное») не имеет убедительного объяснения. В качестве версии, принимая во внимание положение храма «Воскресения Згонного» и одноименной слободы в центральной части Нижнего посада, можно рассматривать его происхождение от рязанского диалектного слова «сгона», обозначающего главную площадь населённого пункта, место сгона скота для выгона его на городское пастбище⁵².

Переселение торгового и ремесленного населения из ставшего тесным Кремля вело к образованию всё новых слобод и расширению территории посада. Возможно, его древнейшая часть была обнесена тыном – бревенчатой стеной, служившей укреплением и одновре-

менно границей посада. Новые слободы возникали как в пределах этих укреплений, пока там имелись свободные земли, так и за их границами, по мере исчерпания селитебных территорий.

Судя по названиям и окраинному местоположению на общей территории посада, сравнительно поздно возникла расположенная в пределах Чёрной посадской слободы Новинская слобода или Новинки (в районе совр. улиц Грибоедова, Фурманова, Затинной) и Затинная слобода, которая, учитывая её наименование, когда-то располагалась у самой границы посада в «затыне» — особом месте внутри крепостной частокольной ограды (тына) городов⁵³. В пользу этого предположения свидетельствует и «Геометрический специальный план города Переяславля Рязанского посадской слободы» 1772 г. (далее — «План посадской слободы»)⁵⁴. На нём Затинная слобода, находившаяся в районе пересечения современных улиц Подгорной, Вознесенской и площади Вознесенского храма, показана как обособленное, не включённое в межевые границы посадской слободы поселение, расположенное на самой окраине посада. Сразу за границей Затинной слободы шла линия укреплений — надолбы. Версия о происхождении названия Затинной слободы от компактного поселения стрелков-«затинщиков» также может быть принята во внимание, но она не подтверждается результатами сравнения поимённого состава переяславских затинщиков и жителей слободы⁵⁵. По соседству с Затинной слободой, также за формальной границей Чёрной посадской слободы, вероятно, в конце XVII в. возникает «Слобода на Скоморошьей горе»*.

«Скоморошьей горкой» именовался возвышенный участок правого берега Лыбеди, являющийся частью древней окской террасы и расположенный западнее основной территории Нижнего посада. Происхождение этого уникального топонима иногда связывают с проведением в этом месте скоморошьих игрищ, однако на сегодня убедительного объяснения он не имеет. Скоморошья горка была заселена, видимо, позже других районов Нижнего посада. Об этом свидетельствует, во-первых, сравнительно позднее и редкое упоминание в источниках как самого топонима, так и поселения — впервые в писцовых книгах 1677 г.⁵⁶, и, во-вторых, особенности отображения этой

* Археологические и нумизматические источники свидетельствуют о начале заселения этого района не позднее конца XIV - начала XV в. См.: А.А. Вячин. Отчёт об охранных археологических раскопках на Нижнем Посаде Переяславля Рязанского (г. Рязань) в 2006 г. (ул. Скоморошинская, д. 5) // НА РИАМЗ. № 3911/1 и статью А.А. Гомзина в настоящем сборнике (прим. ред.).

части Нижнего посада на планах Переяславля Рязанского. Так, на «Плане посадской слободы» 1772 г. поселение на Скоморошьей горке вынесено за границу слободы и оговорено особо, как «слобода, что на Скоморошьей горе»⁵⁷. Как видно из текста писцовых книг 1696 г., состав владельцев дворов на Скоморошьей горке был довольно пёстрым. Кроме посадских людей, дворами здесь владели подьячие рязанской приказной избы, торговые люди гостиной сотни Чечкины, здесь же находились два двора боярина М.Б. Милославского, дворы дворян Ляпуновых, Вердеревских, князей Волконских и др.⁵⁸ В пользу позднего заселения Скоморошьей горы как части Нижнего посада косвенно свидетельствует и её более правильная планировка: сеть перечных проездов, почти перпендикулярных Пронской дороге, образовывала систему кварталов довольно правильной геометрической формы.

Писцовые книги Переяславля Рязанского 1696 г. позволяют реконструировать социальную топографию переяславского посада. К концу XVII в. некогда однородное население Выползовой слободы, где изначально компактно проживали дворцовые рыбные ловцы, составляли уже представители разных сословных групп, в том числе «всяких чинов» посадские люди, купцы гостиной сотни⁵⁹. В части Чёрной посадской слободы, примыкавшей к Выползовой слободе, в приходе Входоиерусалимского храма, в конце века были сосредоточены дворы членов привилегированных купеческих корпораций гостиной и суконной сотен: Немчиновых, Невежиных, Чечкиных, Колмаковых, Крюковых. В Новинской слободе – районе старой Вознесенской церкви (район совр. ул. Затинной, Фурманова, Грибоедова) – компактно проживали кирпичники (гончары). Именно по этой причине улица, проложенная здесь по регулярному плану, позже получила название Старой Горшечной (совр. ул. Грибоедова), а сам район и в XIX в. именовался Горшечной слободой. Профессиональная специализация населения этой части посада подтверждается и данными археологических исследований. В этом районе в слоях XVI–XVIII вв. было обнаружено значительное количество гончарных горнов для обжига керамики⁶⁰. Появление большого числа дворов представителей именно этой ремесленной группы могло быть связано с активным каменным строительством, начавшимся в Переяславле с середины XVII в.

Планировочная структура Нижнего посада складывалась постепенно на протяжении XVI–XVII вв. и была ориентирована на комплекс построек Кремля. Центром композиционной организации

пространства Нижнего посада были крепостная Рязанская башня с проездными воротами и городской торг, располагавшийся на «торговой стороне» – правом берегу Лыбеди⁶¹. В начале XVII в. здесь насчитывалось десять специализированных торговых рядов: рыбный, соляной, житный, мясной, москатильный и крупяной, орешный, горшечный, калачный, луковой, кузнечный⁶². Торг занимал обширное пространство между Входоиерусалимским и Симеоновским храмами. До последней четверти XVII в. храмы оставались деревянными, они живописно дополняли панораму городского торга, открывавшуюся на фоне кремлёвских укреплений, и одновременно служили границами торговой площади.

От торга радиусами расходились проезжие улицы, вдоль которых группировались жилые кварталы. Главными среди улиц были Большие Рязанская и Пронская дороги, отмечавшие направления, связывавшие Переяславль с историческим центром Рязанских земель – Старой Рязанью и Пронском – вторым по значению рязанским городом в княжеский период; в районе торга начиналась и Большая Московская дорога.

Большая Рязанская дорога – прямая и самая широкая, от 3,5 сажен (7,5 м) в районе торга до 5,5 сажен (12 м) на выезде за границу посада, – начиналась от Рязанских ворот Переяславля Рязанского, мимуя Лыбедь, продолжалась от торга и шла из города в юго-восточном направлении (через кварталы между совр. улицами Грибоедова и Затинной почти параллельно им, примерно по линии совр. ул. Фурманова). Пересекая у самого торга Згонную слободу, дорога делила Нижний посад на две части: к востоку от неё, слева по направлению выезда из города, располагалась Новинская слобода с Вознесенским храмом, правее находилась Затинная слобода⁶³. На самой окраине посада, «позади надолбов», слева вдоль Большой Рязанской дороги тянулась «Конная слободка»⁶⁴. Местность, где согласно писцовыми книгам 1696 г. обозначена Конная слободка, на «Плане посадской слободы» 1772 г. Н. Нордштейна именуется «землями ямской Колной слободы Переяславля Рязанского ямщиков», что позволяет заключить, что Конная слободка и пригородная Кальная слобода более позднего времени – одно и то же поселение. Имеющиеся разнотечения предположительно можно объяснить неправильным прочтением редкого топонима в тексте документа при подготовке его к печати.

Более мелкие радиальные улицы: Логиновская, Пивная, Благовещенская, Третьяковская – начинались также в районе торга от Входоиерусалимской церкви. Они составляли сеть проездов через

восточную часть Нижнего посада к заливным лугам окской поймы. Поперечными проездами служили улицы Иерусалимская вблизи одноименного храма и сеть безымянных переулков. Через кварталы, лежавшие между Рязанской и Пронской дорогами, почти параллельно Рязанской дороге проходили улицы Калачная, тянущаяся «от горшечного ряда до Затинной слободы меж дворов», и Чиликанова, начинавшаяся от церкви Воскресения Згонного и выходившая на южную окраину посада.

Пронская Большая дорога начиналась от кузнецкого ряда в районе Симеоновского монастыря и шла в южном направлении, видимо, повторяя старинную западную границу посада до распространения его поселения на Скоморошью горку. Дорога проходила у подножья этого возвышения, прослеживающегося и сегодня в районе площади 26-ти Бакинских комиссаров, улиц Скоморошинской, Подгорной и проезда Щедрина.

Главными архитектурными доминантами Нижнего посада, уже в XVI в., были деревянные приходские храмы, располагавшиеся на пересечении или вблизи перекрёстков основных проезжих дорог. Храмы Нижнего посада, расположенные на небольшой площади в зоне видимости друг от друга, создавали живописную видовую композицию, открывавшуюся с кремлёвского холма. Со стороны окской поймы и при подъезде к городу по Большой Рязанской дороге panorama посада раскрывалась на фоне крепости и каменных построек Кремля.

В источниках первой половины XVII в. упоминается не менее восьми приходских храмов, существовавших на Нижнем посаде. Так, по данным писцовых книг, в 1626 г. на территории посада существовали храмы Николы Мокрого в Выползовой слободе, Входоиерусалимский, Симеона Столпника, Дмитрия Солунского и Вознесения в Новинках⁶⁵. Ещё три храма – Флора и Лавра, Благовещения и Воскресения Згонного – сгорели в 1618 г. во время нападения на Переяславль отрядов Сагайдачного, и церковные места оставались пустыми вплоть до 1626 г.

В 70 гг. XVII в. при участии богатых прихожан начали сооружаться каменные приходские храмы. В числе первых на средства торгового человека гостиной сотни, а позже гостя З.С. Колмакова была выстроена каменная пятиглавая церковь Николы Мокрого в Выползовской слободе, располагавшаяся на её северо-восточной окраине, на берегу Трубежа: именно в этом месте церковь обозначена на плане Переяславля Рязанского 1777 г.⁶⁶ В 1673 г. была возведена каменная

Благовещенская церковь⁶⁷. В 1679/80 г. была выстроена церковь Входа Господня в Иерусалим⁶⁸.

Сведения о строителях Благовещенского и Входоиерусалимского храмов не сохранились, но можно предположить, что к их возведению могли быть причастны купцы суконной, а позже гостиной сотни Немчиновы и Невежины, проживавшие в этих приходах⁶⁹.

В 1683 г. вместо ветхой деревянной была возведена каменная церковь Воскресения Згонного (не сохранилась), выполненная в совершенно новых формах и ставшая одним из ранних произведений нарышкинского стиля. Можно предположить, что к строительству храма мог быть причастен кто-либо из Нарышкиных: дворы деда Петра I К.П. Нарышкина, впоследствии унаследованные его сыном Л.К. Нарышкиным, располагались в непосредственной близости от Воскресенского храма, хотя и были приписаны к приходу соседней Благовещенской церкви⁷⁰.

В 1698/99 г. был отстроен в камне храм Симеона Столпника (не сохранился), известный с начала XVII в. (впервые упомянут в 1626 г.)⁷¹. Уже в начале 1680 гг. при храме существовал больничный дом, в 1684 г. при церкви и больничном доме был учреждён Симеоновский монастырь «ради приемства странников». До 1698 г. все строения монастыря: церковь Богородицы Одигитрии, кельи, трапезная и хозяйствственные постройки – были деревянными⁷².

В 1722 г. при Симеоновском монастыре была открыта цифирная школа – одна из первых в России. Специально для неё при монастыре по приказу рязанского воеводы В.А. Ржевского весной 1722 г. началось строительство двух «небольших светлиц». К маю 1722 г. здания были готовы, и школа начала работу. Рязанскому воеводе, а именно он проводил набор учащихся, удалось собрать только 65 учеников из «детей подьяческих, служительских и церковниковых». Местное духовенство, настроенное крайне критически в отношении «цифирного учения», добилось от правительства Петра I разрешения «священноцерковнослужительских детей в арифметические школы не отдавать». В 1724 г. для обучения детей духовенства рязанским епископом Сильвестром Холмским (Волынским) была основана «особая от цифирной» архиерейская школа, которая также разместилась в Симеоновском монастыре. Однако до 1726 г. архиерейская школа, не имея подготовленных учителей, так и не начала работать⁷³.

В конце XVII в. наряду с каменными храмами на Нижнем посаде стали появляться первые частные каменные строения, принадлежавшие представителям богатого купечества. Так, в писцовых книгах

1696 г. упоминаются «палаты» гостиной сотни торгового человека Михайлы Немчинова на его усадьбе в районе Входоиерусалимской церкви⁷⁴.

К западу от Нижнего посада на высоком правом берегу Лыбеди располагалась Ямская слобода Переяславля Рязанского. От посада её отделял глубокий овраг, именовавшийся Ямским и тянувшийся от Лыбеди на юг – вдоль современной улицы Садовой, в район пересечения нынешних улиц Астраханской и Свободы. Слобода представляла собой два порядка домов, вытянутых вдоль одной улицы. Она начиналась в районе улицы Садовой, тянулась дугой по краю правого берега Лыбеди, повторяя изгиб речного русла, и заканчивалась в районе пересечения современных улиц Горького и Свободы. На восточной оконечности слободы, у её границы со Скоморошьей горкой, на высоком мысу у выхода в пойму Лыбеди Ямского оврага, видимо, в первой половине XVII в. была выстроена деревянная Никольская Ямская церковь (позднее – Староямская, Николодворянская). Первое упоминание храма содержится в окладных книгах 1676 г., но известно имя настоятеля храма, служившего в нём в 1630 гг.⁷⁵ Основное население Ямской слободы – 80 дворов – в 1676 г. составляли «ямские охотники», но в однородном по социальному составу поселении появляются дворы представителей других категорий населения: три двора подьячих, семь дворов пушкарских, девять дворов посадских людей⁷⁶.

ТERRITORIЯ напольной стороны – к западу от Кремля – осваивалась в двух направлениях. Заселение этой части города шло как с востока на запад – путём вынесения новых кварталов из Кремля и образования на рубеже XV–XVI вв. острога, так и путём расширения вдоль берега Трубежа с запада на восток старинной Архиерейской слободы. В середине XVII в. к югу от острога возникла Новая Черно-посадская слобода.

В XVII в. острог представлял собой укреплённый жилой район города, не имевший административного, торгового и ремесленного значения, о чём свидетельствует отсутствие здесь административных учреждений, торговых и ремесленных заведений, не считая нескольких торговых лавок, расположенных у Глебовского моста. Изначально его населяли в основном приказные люди и представители духовного ведомства. Часть территории принадлежала Спасскому монастырю, имевшему здесь «коровий дворец и огород для монастырского обиходу»⁷⁷. В Смутное время переяславский воевода Прокопий Ляпунов «роздал... монастырскую землю под дворы дворянам

и детям боярским для осадного времени»⁷⁸. В конце XVII в. на этой земле находились дворы приказных и служилых людей Протопоповых, Окороковых, Рахманиновых, чьи права на землю оспаривались Спасским монастырём⁷⁹.

Как свидетельствуют материалы писцового делопроизводства, в конце XVII в. в остроге преобладали дворы лиц духовного сословия и архиерейских служителей, довольно много было владений служилых людей, в том числе стрельцов, чьи дворы составляли особую Стрелецкую слободку. В южной части Острога, вдоль Лыбедского берега в XVII в. образовалась Новая слободка, позже давшая название одной из улиц регулярного города.

К концу XVII в. на территории Острога располагались семь деревянных приходских церквей: Георгиевская, Екатерининская, Старая и Новая Введенские, Спаса на Яру, Флора и Лавра и Ильинская, переведённая в Острог из Кремля в 1679 г.⁸⁰ Особой роли во внутренней планировке острога деревянные приходские храмы не играли. Центром планировочной структуры этой части города был Глебовский мост с Водяными воротами и каменной Глебовской башней Кремля. Только в самом конце XVII в. были выстроены каменные здания Спассоярской церкви (1695) на средства стольника И.И. Вердеревского и Ильинского храма (1699–1700), возведённого из кирпича, оставшегося после обрушения первого Успенского собора⁸¹.

От главного выезда из Кремля – Глебовского моста – радиально расходились основные дороги, делившие Острог на четыре части, которые в свою очередь делились поперечными улицами и переулками на более мелкие кварталы. Средняя ширина проездных улиц составляла от двух до трёх сажен. Самой крупной радиальной улицей, имевшей на всём протяжении ширину от пяти до шести сажен, была Большая Московская дорога – главная дорога, связывавшая Переяславль Рязанский с Москвой. Начинаясь на левом берегу Лыбеди в районе торга, она шла в сухом «городовом рву»⁸², вдоль кремлёвского вала до Глебовского моста и поднималась на территорию Острога, связывая его с Нижним посадом. Затем, ломаясь под тупым углом у моста, дорога продолжалась в северо-западном направлении, через Московскую проезжую башню выходила с территории Острога и шла до западной границы города, разделяя Архиерейскую и Чернопосадскую слободы. Таким образом, Московская дорога связывала все основные районы города: Кремль, Острог, Нижний и Верхний посады.

За границей Острога, справа от Большой Московской дороги по направлению выезда из города, располагалась древняя Архиерейская

слобода, также именуемая в источниках как Владычная, Митрополья, Васильевская Слобода, Архиерейский посад⁸³.

В XVII в. Архиерейская слобода занимала довольно большую территорию – 39 десятин⁸⁴, протянувшись с запада на восток вдоль высокого берега Трубежа: от границы с Острогом в районе современной улицы Некрасова на востоке до современной улицы Каширина на западе. Южная граница слободы проходила в центральной части современных кварталов, ограниченных улицами Сенной, Семинарской, Каширина и Первомайским проспектом.

Основное её население составляли архиерейские крестьяне, разные епархиальные чины – приказные дьяки, архиерейские дети боярские – и служители архиерейского двора: истопники, солодники, хлебники, конюхи и т. д. Уже в середине XVI в. в слободе насчитывалось около 150 дворов. В XVII в. число дворов архиерейских служителей постоянно сокращалось в связи с переходом их на жительство в Кремль, число крестьянских дворов, напротив, росло⁸⁵. В 60 гг. XVIII в. после секуляризации церковных земель население Архиерейской слободы перешло в разряд экономических крестьян.

Главной улицей слободы была Борисоглебская Большая улица, которая тянулась с запада на восток через современные кварталы, расположенные между улиц Семинарской и Первомайским проспектом. От Борисоглебской улицы почти перпендикулярно ей на север к Трубежу вели несколько переулков, разделявших слободу на небольшие кварталы, где располагались жилые усадьбы. На фоне жилой застройки Архиерейской слободы выделялись приходские храмы, сначала деревянные, а с XVI в. и каменные.

Первым в середине XVI в. при епископе Ионе был отстроен в камне древнейший на территории слободы Борисоглебский храм (упом. в грамоте 1568 г.)⁸⁶. В начале XVII в. здание церкви развалилось, и был выстроен деревянный храм⁸⁷. В 1680 гг. вместо него был возведён существующий сегодня каменный. К концу XVI в. на западной окраине слободы вместо деревянной Вознесенской церкви был построен каменный храм во имя Николая Чудотворца с приделом Вознесения господня (Николовысоковский, Николы Долгошего)⁸⁸. В восточной части слободы располагалась древняя церковь Анастасии Мученицы, упоминавшаяся в конце XVI в. Вероятно, она же упоминается в писцовых книгах 1628–1629 гг.: «церковь Сретение пречистые Богородицы Владимирские да придел Христовы мученицы Анастасии»⁸⁹. В 1695 г. вместо деревянной Анастасынской церкви была выстроена каменная Владимирская⁹⁰. Кроме названных храмов, упоминаются

существовавшие в слободе деревянные церкви Троицы, Косьмы и Домиана, а также церковь трёх святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста⁹¹. Возвышаясь на высоком берегу Трубежа и господствуя над невысокой рядовой застройкой, церкви Архиерейской слободы вместе с храмами Кремля и Острога составляли живописную панораму города, открывавшуюся с Оки.

В середине XVII в. за острожным валом к югу от Архиерейской слободы и Московской дороги возникло новое поселение, названное Новой Чернопосадской (Новочёрной) слободой. Она занимала пространство в районе современной площади Ленина, улиц Сенной, Потчтовой, Маяковского. По археологическим данным, эта территория была заселена не ранее XVI–XVII вв., а как особый район города Новочёрная слобода возникла после 1649 г., когда по указу Алексея Михайловича в состав тяглецов чёрной слободы Переяславля Рязанского были переведены «лучшие по их торгам и промыслам» архиерейские крестьяне⁹². Они и составили её население. По юго-западной границе Новочёрной посадской слободы шла линия надолбов – деревянных колод, вкопанных в землю под наклоном. Надолбы служили укреплением и границей Верхнего посада и просуществовали до второй половины XVII в., к началу XVIII в. от них остались только ямы⁹³.

В 1708 г. в ходе административной реформы Петра I Переяславль Рязанский с уездом вошёл в состав вновь созданной Московской губернии, а в 1719 г. стал центром Переяславль-Рязанской провинции. На протяжении первой половины XVIII в. общий облик города, видимо, изменился мало. Составить представление о планировке и застройке города середины–третьей четверти XVIII в. позволяют планы генерального межевания, проведённого в Переяславле Рязанском в марте – июне 1772 г. командой межевщиков под руководством премьер-майора А. Языкова. По итогам межевых работ майором Н. Нордштейном был составлен комплекс планов, включавший планы слобод Переяславля Рязанского и генеральный план города. В фонде межевой конторы в ГАРО сохранились копии планов Посадской, Затинной, Архиерейской слобод и слободы на Скоморошьей горе, снятые в конце XVIII в. с оригинальных планов Н. Нордштейна⁹⁴. Часть планов – Кремля Переяславля Рязанского, Новочёрной и Закузнечной слобод – сохранилась копиях середины XIX в.⁹⁵ В собрании РГАДА сохранился план Переяславля Рязанского, составленный землемерным помощником И. Герцевым и освидетельствованный Н. Нордштейном⁹⁶ (рис. 2).

Рис. 2. План Переяславля Рязанского, 70-е гг. XVIII в. РГДА. Ф.1356. Оп.1. Д. 4959

На межевых планах показаны не только общие границы частей города, но и их внутриквартальная планировка, частично – разбивка городских кварталов на владельческие усадьбы, обозначены отдельные значимые объекты: казённые каменные и деревянные строения в Кремле, в частности комплекс воеводского двора, здания приходских церквей, торговые ряды на городском торгу, каменные частновладельческие постройки.

В 1887 г. в Рязанской губернской чертёжной членами РУАК был обнаружен «Геометрический план города Переяславля Рязанского градской округи со всеми внутри оной лежащими слободами, выгонными владельческими землями», составленный землемером Н. Нордштейном 18 февраля 1777 г. С него была изготовлена копия, с которой, в свою очередь, в начале XX в. была сделана копия плохого качества на синьке. Ни оригиналный план, ни копия конца XIX в. не сохранились, а копию на синьке в 1920–1930 гг. использовал в своей работе по реконструкции планировки и социальной топографии Переяславля Рязанского Д.Д. Солодовников⁹⁷.

Реконструкции, выполненные Д.Д. Солодовниковым, позволяют заключить, что к третьей четверти XVIII в. город в целом сохранялся в границах конца XVII столетия, продолжая развиваться в наметившихся ранее направлениях вдоль главных дорог – Большой Московской и Большой Рязанской. Изменения, происходившие в планировке и застройке города на протяжении первой половины XVIII в., касались в основном окраинных территорий. Так, несколько расширились границы Нижнего посада. Он по-прежнему включал в себя старинные слободы – Рыбацкую и Посадскую, располагавшуюся теперь по обе стороны Лыбеди. К Посадской слободе примыкали обособленные Затинная слобода и «Слобода, что на Скоморошьей горе», к ним добавилась Закузнечная слобода – небольшое поселение, вытянувшееся от кузнецкого ряда в районе церкви Симеона Столпника вдоль правого берега Лыбеди. Как позволяют заключить планы 1772 г., общая планировочная структура каждой из частей города в 70 гг. XVIII в. характеризовалась, с одной стороны, сложной внутренней планировочной схемой – наличием многочисленных мелких проездов, переулков; с другой – заметной правильностью крупных кварталов.

Любопытно, что на «Геометрическом специальном плане Кремля города Переяславля Рязанского с тремя земляными валами» 1772 г., сохранившемся в копии середины XIX в.⁹⁸, понятием «кремль» объединены территории собственно Кремля, Острога и восточной части

Архиерейской слободы вокруг Семинарской Владимирской церкви. Такую трактовку на плане территории «крепля» как укрепленного района, вероятно, можно объяснить наличием здесь, за границей Острога, «старого острожного вала»⁹⁹. Уже в начале XVIII в. вал прishёл в запустение, местами был срыт и распахан¹⁰⁰, однако его наличие в прошлом, без учёта деления укреплённых территорий Переяславля на Кремль и Острог, позволило межевщикам объединить на плане всё некогда укреплённое пространство города в один район.

Межевые книги, составлявшиеся в дополнение к планам, зафиксировали изменения городской топонимики, произошедшие с конца XVII в. и, видимо, обусловленные более значимыми для города XVIII столетия географическими и экономическими реалиями. Так, Большая Рязанская дорога, исторически связывавшая Переяславль с древней столицей княжества, сохраняла прежнее название, иногда именуясь Большой Шацкой дорогой. В межевых книгах упоминается Большая Владимирская дорога, пришедшая на смену Логиновской и Пивной улицам. Она начиналась от городского торга в районе Входоиерусалимского храма, выходила из города в северо-восточном направлении и шла через пойму вдоль правого берега Трубежа к перевозу через Оку. Большая Пронская дорога, зафиксированная в писцовых книгах 1696 г., в материалах межевания именуется Большой Ряжской дорогой. Примечательно, что неизменным осталось название Большой Московской дороги, что отражало значение этого тракта для жизни Переяславля. Источники не позволяют рассмотреть наименования большинства внутриквартальных улиц Переяславля Рязанского и прокомментировать изменения внутригородской топонимики, зависящие от множества экономических и социальных факторов жизни города.

Центром города по-прежнему являлся Кремль. Уже в конце XVII в. он совершенно утратил свои оборонительные функции, превратившись в административный район. На протяжении XVIII в. облик Кремля изменился мало. Нового строительства на его территории почти не велось. В самом начале столетия в 1702 г. купцом гостиной сотни М.Ф. Немчиновым был выстроен Спасо-Преображенский собор на территории Спасского монастыря¹⁰¹. В середине столетия были возведены каменные хозяйствственные постройки и ограда Спасского монастыря, трапезная церкви Святого духа в Духовском монастыре. Был заменён каменным деревянный Глебовский мост. В 1753 г. был основательно перестроен древний Успенский собор, тогда же переименованный в Христорождественский.

Несмотря на статус Кремля как административного центра города и расположение здесь обширного комплекса построек двора рязанского архиерея, большая часть кремлёвского холма, почти две трети его территории, были по-прежнему заняты жилой застройкой. Небольшой участок частновладельческих дворов располагался к северо-западу от Успенского собора, большая же их часть была сосредоточена в восточной и юго-восточной частях кремлёвского холма. Здесь сохранялась историческая радиально-кольцевая планировка. Продольные улицы веером расходились от места, где некогда стояла башня с Рязанскими проездными воротами, или тянулись вдоль крепостных валов. Вместе с поперечными проездами они образовывали десять жилых кварталов неправильной конфигурации. В этой части Кремля находились два приходских храма – иконы Смоленской Богоматери и Воскресения Христова, «что в Зарядье», в середине XVIII в. отстроенные в камне¹⁰². Здесь же располагались административные учреждения: провинциальная канцелярия, деревянное здание которой стояло в районе старого городского торга, находившегося у Рязанской проездной башни, рядом располагался деревянный острог, переведённый в эту часть города с площади перед Успенским собором.

Воеводский двор, по-прежнему располагавшийся рядом с Воскресенской церковью, занимал половину большого квартала. Судя по плану 1772 г., воеводский дом, вопреки традиции XVIII столетия, был поставлен не в глубине двора, а главным протяжённым фасадом по улице и обращён к храму. Комплекс жилых и хозяйственных деревянных строений был обновлён в 1754–1775 гг. Воеводский дом представлял собой деревянное строение на подклете размером десять на пять сажен и включал «три светлицы» и одну «малую светелку» с чуланами, поставленными через сени в одной связи. Нижний этаж строения состоял из шести подклетов, два из которых были жилые, два хозяйственных и два «глухие». «Позади тех светлиц» была «пристроена особая горница на глухом подклете» размером четыре на четыре сажени, судя по плану, близко или вплотную к первому корпусу. Хозяйственные постройки, поставленные по периметру двора, включали людскую избу, баню, погреб с погребицей, несколько сараев, в том числе два «для ставки колясок», конюшню на двадцать стойл. У въезда во двор располагалась «приворотная изба». Все строения были крыты лубьем и дранью. В начале 1780 гг. при начавшейся перестройке города по регулярному плану обветшавшие и неиспользовавшиеся строения воеводского дома были проданы на слом¹⁰³.

Территория Нижнего посада, исторически являвшаяся торговым центром города, и в XVII в. продолжала оставаться районом, где вокруг торга концентрировались купеческие владения. Городской торг на протяжении всего XVIII в. занимал обширную площадь на правом берегу Лыбеди между церквями Симеона Столпника (не сохранилась) и Входоиерусалимской, включая современную площадь 26-ти Бакинских комиссаров и жилой квартал между улицами Грибоедова, Затинной и Скоморошинской. Его северной границей была Лыбедь, с запада торг ограничивали постройки Симеоновского монастыря, с востока – Входоиерусалимская церковь и с юга – жилые кварталы. По данным Переписной книги 1718 г., на торговой площади располагались десять специализированных рядов, самым большим из которых был Житный, насчитывавший 63 торговых места. В Луковом, Рыбном, Мясном и Соляном рядах в среднем насчитывалось от 20 до 30 торговых мест. Небольшими – от 4 до 17 мест – были Калачный, Малый Москательный, Сапожный, Серебряный ряды. К началу XVIII в. исчез Орешный ряд, где в XVII в. торговали фруктами, ягодами и орехами.

Изображение торга на городских планах конца XVIII в., а он представлял собой обширный комплекс торговых рядов, позволяет предполагать постепенное формирование его застройки, развивавшейся от Лыбеди в южном направлении по ходу Большой Рязанской дороги. Ближе к Лыбеди, параллельно её руслу, располагались, видимо, наиболее «старые» ряды, прямоугольные и сильно вытянутые в плане, размером, в среднем, 10 на 40 м. Вероятно, позднее в юго-западной части площади, почти перпендикулярно Лыбеди и старым торговым рядам, вдоль главных дорог Нижнего посада, сходившихся на торгу – Большой Рязанской (Большой Шацкой), Большой Владимирской, улицы Калашной, – были выстроены новые ряды. В зависимости от специализации они были либо более крупные, в среднем 20 на 40 м, или более компактные и почти квадратные в плане, в среднем 20 на 20 м. Помимо рядов на торгу, ближе к Входоиерусалимской церкви, располагались соляные амбары и сараи, а также харчевые дворы и омшаники. За пределами основной территории торга, за Симеоновским монастырём, находился кузнецкий ряд, вынесенный в отдаление в целях пожарной безопасности. У въезда на торг со стороны Большой Владимирской дороги недалеко от Входоиерусалимской церкви располагалась таможенная изба и по соседству на берегу Лыбеди – торговая баня. Здесь же на торговой площади, видимо во второй половине XVIII в., было выстроено каменное здание казённо-

го питейного дома. В нём располагались сразу три питейных заведения, так называемые Осмушный, Медовый и Водочный питейные дома¹⁰⁴.

После возведения в 1702 г. Спасо-Преображенского собора Спасского монастыря каменное строительство в Переяславле прекращается на долгие годы и возобновляется только в 60 гг. XVIII в. с началом строительства двух храмов. В 1767 г. в Ямской слободе отстроили в камне Никольский храм¹⁰⁵. В 1765 г. было подано прошение прихожан о возведении каменной Вознесенской церкви на средства рязанского купца Ипатьева, вероятно, вскоре начатое, но завершённое только в 1794 г.¹⁰⁶

В первой половине—середине XVIII в. в Переяславле Рязанском на территории Архиерейской слободы возводится ряд крупных комплексов. В числе первых был комплекс построек Архиерейского Богородицкого дома — загородной резиденции архиерея, располагавшейся в районе Николовысоковской церкви (сегодня территория Рязанского приборного завода на ул. Семинарской). Архиерейская усадьба с большим садом и огородами занимала пространство, ограниченное Трубежем, современным Первомайским проспектом и улицами Павлова и Каширина. В 1763 г. экономическая канцелярия рязанского архиерея Палладия сообщала в коллегию экономии, что время постройки дома ей не известно, но существует он «из давних лет». Построенный, видимо, в начале XVIII в., дом был одноэтажный, деревянный на каменном фундаменте, длиной 21 сажень, шириной 6 сажен. В нём насчитывалось 12 покоев. Поставлен дом был на крутом берегу Трубежа и имел два выхода: один к Трубежу, другой в сад. По крутыму обрыву к Трубежу вела каменная лестница¹⁰⁷.

При доме была церковь во имя иконы Казанской Богоматери с одним престолом. Рядом располагался корпус из четырёх келий, разделённых сенями. Имевшиеся при доме службы включали «приспешную кухню», поварню и при них погреб, баню. Здесь же имелся собственный конный завод «для разводу работных лошадей», насчитывающий 37 кобылиц и двух жеребцов- заводчиков. Для размещения лошадей служил конюшенный двор длиной 40, шириной 20 сажен с конюшнями и деревянными сараями, была устроена особая конюшня для кобылиц. Комплекс хозяйственных построек загородной архиерейской усадьбы дополняли гумно, с четырьмя «деревянными магазейнами», ригой и овинами; сараи «для клажи» кирпича, избы для проживания работных людей. При доме были разведены два сада общей площадью в девять десятин с яблоневыми, грушевыми и дру-

гими плодовыми деревьями: один из них находился «при доме», второй – «большой, где пчельник», – занимал территорию в западной части усадьбы¹⁰⁸. В 1779 г. архиерейский дом полностью сгорел и на прежнем месте восстановлен не был. По регулярному плану 1780 г. территории слободы и загородной резиденции архиерея подлежала застройке обывательскими домами, а архиерейская усадьба была вынесена за пределы регулярного города.

В 1724 г. специально для обучения детей духовенства была основана «кособая от цифирной» архиерейская школа. Рязанский архиерей Гавриил (Бужинский) энергично принялся за устройство учебного заведения и уже в 1727 г. набрал 269 человек для обучения в школе, которая первоначально располагалась в Симеоновском монастыре, но имевшиеся помещения не могли вместить всех учащихся, и школа была переведена сначала в Духовской монастырь, а в 1727 г. в Архиерейскую слободу. Специально для школы к северу от Борисоглебского храма были выстроены «пять светлиц, житницы, хлебня» и другие «необходимые каморы»¹⁰⁹. В этих строениях школа работала до апреля 1748 г., когда «училищные здания все без остатку сгорели от поджога». По преданию поджёг школу «ленивец-негодяй из семинаристов»¹¹⁰.

Вплоть до 1754 г. школа не имела собственного помещения и располагалась в Троицком монастыре. В 1754 г. по распоряжению рязанского архиерея Димитрия (Сеченова) близ Владимирской церкви были построены «четыре школы новыя и между ними сени с перегородкою, келии учительский, двои покой теплых из старых, да двои холодных новых наверху чердака, келии духовнику, комиссарам трои теплых, да одна холодная, изба сторожам». Были заготовлены материалы для строительства хозяйственных и служебных помещений: хлебни, кухни, погреба, житницы и конюшни¹¹¹. Сама школа с этого времени стала именоваться семинарией, а Владимирская церковь стала считаться семинарской.

Со временем вблизи Владимирской церкви сформировалась обширная усадьба семинарии, занявшая пространство между Владимирским и Борисоглебским храмами (часть совр. территории Рязанского десантного училища). В 1759 г. здесь были выстроены два деревянных флигеля для учителей и «для приезду преосвященного ко аппробации наук». В 1761 г. епархиальным начальством были куплены для семинарии и перевезены в усадьбу «каменные палаты». В 1762–1764 гг. предполагалось строительство каменного здания для семинарии, но идея не осуществилась, а закупленные материалы ча-

стично были распроданы, пошли на ремонт семинарских зданий и на строительство Соборной колокольни. В 1769 г. на усадьбе семинарии располагалось до 15 гражданских построек, из них шесть учебных зданий, строения для проживания учителей и монашествующих, а также хозяйственные и служебные постройки. На усадьбе находились две церкви – каменная Владимирская и деревянная Григория Богослова. В 1773 г. семинарией был куплен расположенный поблизости каменный дом коллежского секретаря Ивана Серова (ранее – полковой дом II-го Гренадерского пехотного полка), а в 1791 г. для устройства общежития учащихся на семинарскую усадьбу был перевезён деревянный дом из Павловской архиерейской дачи¹¹².

По регулярному плану Рязани 1780 г. усадьба, занимаемая семинарией, была предназначена под застройку обывательскими домами. Новое место для каменного здания семинарии было отведено в юго-восточной части Кремля рядом с кварталами для застройки домами церковнослужителей¹¹³.

В первой четверти XVIII в. в Переяславле Рязанском насчитывалось 35 дворов торговых людей гостиной сотни, 150 дворов посадских людей, 31 двор казённых кузнецов¹¹⁴. Частновладельческая застройка Переяславля Рязанского XVIII в. была преимущественно деревянной. В 1728–начале 1730-х гг. за казённые и частные долги Кканцелярией конфискации были описаны дворы, торгово-промышленные предприятия и имущество 110 посадских людей Переяславля Рязанского¹¹⁵. В числе должников оказались многие представители купеческой верхушки города. Большая часть описанных дворов располагалась на территории Нижнего посада – района плотной купеческой застройки. Содержание описей более чем ста дворов позволяет составить представление о застройке города первой половины XVIII в. Как свидетельствуют описи дворов, попавших в секвестр, преобладающими в застройке Переяславля были обычные для русских городов того времени усадебные комплексы с деревянными жилыми и хозяйственными постройками. Типичная городская усадьба состояла из хоромного строения – белой или чёрной горницы, поставленной на жилом или «глухом» – хозяйственном – подклете, обычны были и чёрные избы. Комплексы хозяйственных построек включали погреба с погребицами, сennые сушила, бани, сараи и конюшни. На некоторых усадьбах располагались промысловое заведения – солодовенные овины, пивоварни, омшаники. При всех дворах имелись огороды и сады с плодовыми деревьями как небольшие, в 10 – 20 яблонь, так и очень обширные, вероятно промыслового назначения. Так, в двух

садах посадского человека Герасима Фёдоровича Рюмина насчитывалось 120 и 150 яблонь.

Упоминания частных каменных домов в Переяславле XVIII в. крайне редки. В описях Канцелярии конфискации каменные палаты упомянуты трижды: это существовавший с конца XVII в. двор купцов гостиной сотни Немчиновых, каменная палата и «подле нее палатка каменная кладовая», принадлежавшие Андрею Абрамову, и «палата каменная на подклете» с деревянными сенями и чуланом Ивана Степановича Рюмина.

Усадьба М.Ф. Немчинова с каменными жилыми палатами и солодовенным двором впервые упомянута в писцовых книгах 1696 г. Она располагалась на Благовещенской улице недалеко от Входоиерусалимской церкви (на территории совр. квартала жилой застройки между улицами Затинной и Рыбацкой). В начале XVIII в. наследственное владение Немчиновых принадлежало Борису Михайловичу Немчинову. Опись Канцелярии конфискации позволяет представить облик этой богатой купеческой усадьбы, судя по всему, единственной подобного уровня в Переяславле Рязанском конца XVII – первой половины XVIII в.

Главным строением усадьбы был каменный дом из четырёх палат, поставленных на подклете. Подклет состоял из трёх помещений: ледника с двумя входами – с улицы и со двора, помещения, назначения которого оценщики не установили, и чёрной жилой палаты с отдельным входом, тремя решетчатыми окнами и кирпичной печью, занимавшей часть подклета со стороны двора. К жилой палате была «приделана малая палата без верху». Основной жилой этаж включал четыре помещения – «палаты» – с двумя «сенцами малыми каменными» и «нужником». В палатах имелись кирпичная и изразцовая «ценинная» печи, 16 окон и два «малых» окошка, все с железными решётками. Два окна «в передней стене», видимо, выходившей на улицу, имели железные затворы. Во всех помещениях был дощатый пол, потолок – подволока. Кроме каменного дома на усадьбе располагались отдельно стоящая изба и четыре больших амбара. От соседнего владения купца гостиной сотни А. Невежина двор отделяла «ограда кирпичная до улицы». В заднем конце усадьбы, «к лугу», находился «сад с разными деревьями», отделённый от основного двора городьбой «в столбах» и воротами. В квартале между Большой Пронской дорогой и Калачной улицей находился принадлежавший Немчинову «великий сад», а в нём «деревьев яблоневых, груш, черносливных, вишневых многое число... среди того саду беседка сосновая... крыта тесом»¹¹⁶.

В 1729 г. городской двор и сады Немчинова, а также его торговые лавки, амбары и винокуренный завод в Тамбовском уезде были проданы с торгов за две тысячи рублей. Их владельцем стал ярославский купец И.И. Добрыкин, а уже в начале 1730 гг. каменные палаты Немчиновых перешли во владение купцов Иконниковых. С 1730 гг. Иконники в Переяславле Рязанском не жили, перейдя в Московское купечество¹¹⁷. Свой «двор с каменным строением» они сдавали в аренду. Так, в 30–40 гг. XVIII в. его арендовал Пыскорский монастырь «для содержания сборных денег и складки соли»¹¹⁸. Без должного содержания постройка пришла в ветхость, и в 90 гг. XVIII в. палаты были разобраны.

На плане посадской слободы Переяславля Рязанского 1772 г. кроме палат Иконниковых обозначены ещё четыре каменные постройки. Все они сгруппированы вокруг Входоиерусалимской церкви, в кварталах, примыкавших к городскому торговому. Крупная купеческая усадьба с большим каменным строением, поставленным торцевым фасадом к Калачной улице, находилась в районе церкви Симеона Столпника, но владелец её не известен¹¹⁹, как и владелец небольшого каменного дома, обозначенного на планах 1770 гг. на Благовещенской улице в непосредственной близости от Входоиерусалимского храма¹²⁰. На планах конца 1780 гг. зафиксированы небольшие каменные строения в районе пересечения современных улиц Подгорной и Свободы, поставленные без учёта регулярной планировки, что позволяет предполагать их возведение между 1772 и 1780 гг.

Два каменных строения располагались на усадьбе купцов Ипатьевых, занимавшей почти целый квартал, ограниченный Большой Рязанской дорогой и Третьяковской улицей между Входоиерусалимским и Воскресенским храмами. По межевым книгам 1772 г. владелицей усадьбы размером в 1439 кв. сажен значится «фабрикантша» Пелагея Николаевна Ипатьева – вдова Герасима Андреевича Ипатьева, умершего в 1771 г. План-реконструкция Переяславля Рязанского, выполненный Д.Д. Соловьевниковым, свидетельствует, что большая часть этого квартала в XVII в. была занята усадьбой именитого человека Г.Д. Строганова с солодовенным двором и садом. Неподалеку от Входоиерусалимской церкви стояли его же, возможно, каменные, соляные сараи¹²¹. Не исключено, что именно они – строение неправильной формы – обозначены на углу владения Ипатьевых, выходившего к торговой площади и Входоиерусалимскому храму, почти напротив палат Иконниковых. Второе строение усадьбы было построено длинным фасадом по линии Большой Рязанской дороги. В

конце 1770 или начале 1780 гг., ещё до разбивки этой части города на регулярные кварталы, владение Ипатьевых с каменными и деревянными постройками было куплено рязанским городничим П.И. Бурцовым, а позже, в 1785 г., продано им по частям чиновнице А.Р. Болотовой и купцу А.С. Коробову. В 1788 г. оставшаяся во владении Бурцова часть усадьбы с каменным домом была продана с аукциона за казённые недоимки¹²².

Ипатьевы были в числе последних купеческих семей Переяславля Рязанского, пополнивших в начале XVIII в. гостиную сотню, в которой состоял Пётр Ипатьев – дед упомянутого Г.А. Ипатьева. В 1762 г. Г.А. Ипатьев основал в Переяславле Рязанском полотняную фабрику, на которой изготавливались «парусные, фланандские, равендуочные и коломиночные полотна»¹²³. Это было первое и единственное крупное производство в Переяславле Рязанском. На плане Затинной слободы, составленном в 1772 г. землемером А. Языковым, на восточной окраине слободы, вдоль линии Большой Рязанской дороги обозначен крупный усадебный комплекс. От основной селитебной территории слободы усадьбу отделяла лощина (лоск) с протекавшим по ней ручьём Чёрным. Позже по регулярному плану по этому лоску пройдёт улица Ряжская (совр. ул. Есенина) и граница города. Место усадьбы, обозначенное на плане 1772 г., совпадает с положением полотняной фабрики Ипатьевых, указанным на планах Рязани конца XVIII в., – за городским валом, напротив квартала, ограниченного современными улицами Затинной и Грибоедова.

На усадьбе, почти прямоугольной в плане, показаны пять крупных и три небольших строения, видимо жилые и хозяйственные помещения. Почти половина усадьбы была занята садом с прудом. В непосредственной близости от усадьбы показано огромное строение длиной не менее 50 и шириной не менее 30 сажен, вероятно служившее производственным цехом. В 1775 г. на фабрике Ипатьевых действовал 41 ткацкий стан. Продукция фабрики отпускалась к портам Петербурга и Ревеля. В 1767 г. работало 55 человек¹²⁴.

В районе «верхнего» посада на Большой Московской дороге недалеко от Владимирской (Семинарской) церкви, видимо, в 1770–1772 гг. был выстроен «полковой дом» II-го Гренадерского пехотного полка. В 1772 г. дом «с каменными в черне палатами» был продан командиром полка В.В. Долгоруковым коллежскому секретарю И.П. Серову, который, в свою очередь, уже в 1773 г. продал дом с усадьбой рязанскому духовному ведомству¹²⁵. Позже, перейдя в казённую собственность, этот каменный дом станет первой резиденцией ря-

занского губернатора¹²⁶. На планах данной части города в этом же квартале обозначено ещё одно довольно крупное каменное строение, но ни точное место его расположения, ни владельцы не установлены.

Единичные каменные дома, затерянные на узких, тесных улочках, среди многочисленных деревянных жилых и хозяйственных построек, отражали благосостояние отдельных горожан, но не играли значимой роли в формировании облика Переяславля Рязанского первой половины—середины XVIII в. Их малое число как в конце XVII в. так и на протяжении XVIII столетия было отражением невысокого уровня экономического развития города.

Итак, проследив развитие планировочной структуры, застройки и социальной топографии Переяславля Рязанского на протяжении XVII–XVIII вв. отметим следующее.

Вплоть до конца XVII в. город играл роль оборонительного пункта. До этого времени Кремль и Острог сохраняли крепостные функции. Впоследствии Кремль превратился в административный и церковно-административный центр, практически перестав быть жилой территорией. Острог, напротив, развивался исключительно как жилой район.

Анализ письменных источников позволяет уверенно говорить о возникновении в Переяславле посада не позднее конца XV в. При этом, применительно к XVII в., определение различных частей посада Переяславля Рязанского как «Нижнего» и «Верхнего», хотя и оправданное топографически, носит обиходный и историографический характер. В известных официальных источниках определения «Нижний» и «Верхний» не употреблялись, что косвенно подтверждает искусственность этих определений, особенно применительно к Верхнему посаду. Если территория, определяемая как Нижний посад, складывалась постепенно именно как торгово-ремесленный район города и была однородна по социальному составу, то пространство, именуемое Верхним посадом, охватывало районы, изначально формировавшиеся обособленно (Архиерейская слобода, Острог, Ново-чёрная слобода). На всём протяжении своего существования они сохраняли социальную замкнутость и были различны как юридически, так и функционально.

С экономической точки зрения более оправдано было бы выделение в составе посада Переяславля традиционных для русских городов чёрной и белой слобод, что с большей объективностью отражало бы существовавшую структуру посада Переяславля. Так, относимая

к Верхнему посаду Новочёрная слобода по своему статусу составляла единое целое со слободами Нижнего посада.

Наряду с районами, складывавшимися естественным путём в течение довольно продолжительного времени, как, например, Острог или Посадская слобода, в XVII в. появляется поселение, созданное искусственно, на основании царского указа – Новочёрная слобода.

Довольно чёткое выделение районов компактного проживания определённых социальных групп прослеживается в Переяславле Рязанского до начала XVIII в. В результате экономической и социальной политики правительства второй половины XVII – первой половины XVIII в. взамен дробной средневековой стратификации формировались новые более крупные группы городского населения, и, как следствие, более однородной становилась социальная топография города. К началу XVIII в. самые ранние слободы (Згонная, Новинская) слились в одно городское пространство – Посадскую слободу. Более поздние – Затинная, Закузнечная, Слобода на Скоморошьей горе – продолжали сохранять свою обособленность в большей степени номинально, так как к этому времени их основным населением были посадские люди. В отличие от них, Выползова, Ямская, Архиерейская слободы, жители которых официально не входили в состав городского населения, продолжали сохранять свою обособленность.

Планировочная структура средневекового Переяславля в целом сохранялась вплоть до 70 гг. XVIII в., продолжая развиваться в значимых для города направлениях – вдоль дороги на Москву и в юго-восточном направлении, традиционном для Переяславля со времён Рязанского княжества. При этом было характерно уплотнение жилой застройки и появление компактных новых жилых районов (Закузнечная слобода) в пределах ранее освоенной территории.

Письменные источники зафиксировали изменения городской топонимики, отражавшие исторические, социально-экономические процессы. В некоторых случаях именно топонимы помогают определить логику развития планировочной структуры города.

Развитие города в XVIII в. определялось исчезновением военной угрозы: изменилось функциональное назначение его укреплённых территорий, но при этом серьёзных изменений в планировочной структуре Переяславля не произошло. Облик города мало изменился на протяжении конца XVII–третьей четверти XVIII в. Замедление экономического развития в первой трети XVIII в., наряду с петровскими ограничениями, не способствовало распространению каменного строительства.

Таким образом, к моменту учреждения Рязанской губернии Переяславль Рязанский, как и большинство исторических русских городов, имел сложную планировочную структуру, обусловленную спецификой развития города до начала XVII в. как оборонительного центра и быстрым ростом его территории в последующий период на новых землях, примыкавших к историческому ядру города – Кремлю.

Примечания

¹ См.: *Воздвиженский Т.Я.* Историческое обозрение Рязанской иерархии. М., 1820; *он же.* Историческое обозрение Рязанской губернии. М., 1822; *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. М., 1858; *Баранович М.С.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. СПб., 1860.

² См.: *Любомудров Н.В.* Местногеографические древности в Рязанской губернии // Рязанские епархиальные ведомости. Прибавления. № 9. 1 января 1874 г. С. 155 – 165; № 10 от 15 января 1874 г. С. 185 – 193; № 13. 1 марта 1874 г. С. 277 – 287; № 15. 1 апреля 1874 г. С. 346 – 354; № 16. 15 апреля 1874 г. С. 346 – 354.

³ Рукописный сборник, составленный Иеронимом (Алякринским) на рубеже XVIII–XIX вв., был издан много позже. См.: *Иероним.* Рязанские достопамятности. Рязань, 1889.

⁴ См.: Рязань. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. М., 1884.

⁵ См.: Переяславль Рязанский в 1690 г. / Сообщ. В.И. Холмогоров // Труды РУАК. Рязань, 1895. Т. 10. Вып. 2. С. 182 – 206; Опись укреплений Переяславля Рязанского, 1651 г. / Сообщ. Н. Бранденбург // Там же. С. 167 – 181.

⁶ См.: Состояние укреплений города Переяславля Рязанского в 1641 г. / Сообщ. Г. Шмелев // Труды РУАК. Рязань, 1898. Т. 13. Вып. 2. С. 253 – 259.

⁷ См.: Писцовые книги Рязанского края / Под ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. Вып. 2. Рязань, 1900.

⁸ См.: *Проходцов И.И.* Рязанский Богородицкий архиерейский дом // Рязанские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1902. № 12. 15 июня. С. 349 – 357; № 13 – 14. 1 – 15 июля. С. 391 – 400; № 15. 1 августа. С. 428 – 433; № 18. 15 сентября. С. 546 – 550; № 19. 1 октября. С. 573 – 579; № 20. 15 октября. С. 601 – 606; № 21. 1 ноября С. 632 – 636; 1903. № 2. С. 40 – 46.

⁹ Материалы Д.Д. Солововникова, как неопубликованные тексты, так и графические реконструкции, хранятся в Научном архиве РИАМЗ и в ГАРО (НА РИАМЗ. № 809, 840, 871, 1254; ГАРО. Ф. Р-2798. Оп. 1. Д. 57. Планы-реконструкции застройки Переяславля Рязанского XVII в.).

¹⁰ Графические реконструкции Солововникова легли в основу макета Переяславля Рязанского XVII в. в современной исторической экспозиции музея-заповедника «Рязанский кремль» «От Руси к России», открытой в 2009 г.

¹¹ См.: *Кузьмин А.Г.* Некоторые данные по топографии и археологии кремля Переяславля Рязанского // Краеведческие записки. Рязань, 1959. С. 94 – 105.

¹² См.: *Кусова И.Г.* Историческая топография кремля Переяславля Рязанского XVI–XVII веков // Кремли России. Материалы и исследования / ФГУ «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль» / Т. 15. М., 2003. С. 387 – 403.

¹³ См.: Буланкин В.М., Судаков В.В. Археологические исследования Рыбашкой слободы Переяславля Рязанского // Рязанская область и Центральный регион в контексте российской истории. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань, 19–20 марта 2003 года. Рязань, 2003. С. 129.

¹⁴ Завьялов В.И. Предварительные итоги полевых исследований Кремля Переяславля Рязанского в 2006 г. // Четвертые Яхонтовские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань, 24–27 октября 2006 года / Отв. ред. И.Г. Кусова. Рязань, 2008. С. 35 – 43; он же. Усадьба А на Житном раскопе в Кремле Переяславля Рязанского // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 6. М., 2010. С. 322 – 327.

¹⁵ Так, в серъёзной и добросовестно подготовленной публикации по итогам археологического исследования Рыбашкой слободы в числе районов Переяславля упоминается никогда не существовавшая «Астраханская слобода» (см.: Буланкин В.М., Судаков В.В. Указ. соч. С. 129). В новейшем учебном пособии по региональной истории Переяславль Рязанский упоминается как один из пунктов Астраханского тракта (см.: История родного города. С древнейших времён до образования Рязанской губернии. Учебное пособие для 8 – 9 классов общеобразовательной школы по курсу краеведение / Под ред. проф. П.В. Акульшина. Рязань, 2007. С. 129), тогда как тракт прошёл через город только в конце XVIII в. после губернской реформы. Не удивительно, что при такой степени изученности вопроса в официально утверждённом тексте информационно-мемориальной доски, установленной в 2000 гг. на ул. Щедрина, появилась некая мифическая «Немецкая слобода».

¹⁶ Рязанская энциклопедия. Справочные материалы. Рязань, 1992. Т. 6. С. 72.

¹⁷ Там же. Т. 7. С. 77.

¹⁸ Холмогоров В.И. Указ. публ. С. 202.

¹⁹ См.: Шмелев Д. Указ. публ. ; Бранденбург Н. Указ. публ. ; Рязань. Материалы... С. 124.

²⁰ См.: Сметная роспись 1706 г. // Рязань. Материалы... С. 121.

²¹ Бранденбург Н. Указ. публ. С. 173.

²² Холмогоров В.И. Указ. публ. С. 200.

²³ Шмелев Д. Указ. публ. С. 253 – 259.

²⁴ Писцовая книга 1696 г. // Рязань. Материалы... С. 107, 112. См. также: Соловьев Д.Д. Переяславль Рязанский: Прошлое Рязани в памятниках старины. Рязань, 1929. С. 111.

²⁵ Иероним. Указ. соч. С. 101; Воздвиженский Т.Я. Указ. соч. С. 159 – 163.

²⁶ Кусова И.Г. Указ соч. С. 393.

²⁷ Там же. С. 50.

²⁸ Сметная роспись 1706 г. // Рязань. Материалы... С. 124; Иероним. Указ соч. С. 98.

²⁹ Иероним. Указ соч. С. 90, 98.

³⁰ Сметная роспись 1706 г. // Рязань. Материалы... С. 124.

³¹ Кусова И.Г. Указ соч. С. 396.

³² Там же. С. 395 – 396.

³³ Цит. по: «И были полки Ольговы...»: Свод летописных известий о Рязанском kraе и сопредельных землях до 50-х годов XVI в. / Сост. А.И. Цепков. М., 1994. С. 282. (У составителя ссылка на источник без выходных данных: «К рязанской истории», Л. 155).

³⁴ См.: Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 148; Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край / Под ред. С.И. Коткова. М., 1978. С. 12 – 14.

³⁵ См.: Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 149.

³⁶ Полное собрание Русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографическою комиссию. Т. VI. Софийские летописи. СПб., 1853. С. 266. См. также: Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. 7. С. 146. Прим. 293; Иероним. Указ. соч. С. 40.

³⁷ См.: Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома / Подг. к публ. Б.Н. Морозов // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 303. См. также: Иероним. Указ. соч. С. 41; Воздвиженский Т.Я. Указ. соч. С. 46.

³⁸ См.: Буланкин В.М., Судаков В.В. Указ соч. С. 129.

³⁹ См.: Платежная книга Переяславля Рязанского 1595–1597 гг. // Рязань. Материалы... С. 2.

⁴⁰ Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI–начала XX в. Рязань, 1996. С. 14.

⁴¹ См.: Проходцов И.И. Указ соч.

⁴² Солодовников Д.Д. Указ. соч. С. 100.

⁴³ Проходцов И.И. Указ. соч. С. 350.

⁴⁴ Любомудров Н.В. Указ. соч. // Рязанские епархиальные ведомости. Прибавления. 1874. № 16. С. 349.

⁴⁵ «В Переяславле же на посаде в архиепископле посадской слободе» (Переписная книга 1646 г. // Рязань. Материалы... С. 27).

⁴⁶ См.: Буланкин В.М., Судаков В.В. Указ. соч. С. 129.

⁴⁷ См.: Писцовая книга 1626 г. // Рязань. Материалы... С. 7.

⁴⁸ Там же. С. 25.

⁴⁹ ГАРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 318-а. Л. 47 – 47 об.; Д. 348. Л. 366.

⁵⁰ См.: Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома... С. 7.

⁵¹ Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году / Подг. к изд. А.И. Цепков. Рязань, 2004. Кн. 1. С. 55. Д.Д. Соловьев в работе о Переяславле Рязанском также именует храм «церковь Воскресения “зовомое звонное”», видимо, повторяя вариант названия, зафиксированный в окладных книгах – источнике, который был хорошо знаком членам РУАК (см.: Соловьев Д.Д. Указ. соч. С. 123).

⁵² Сгон – широкое место посередине села (по утрам собирается стадо, в праздничные дни устраиваются игры и т. д.) Ряз., 1901. (Словарь русских народных говоров. Вып. 37. Свято-Скимяга / Под. ред. Ф.П. Филина. М., 2003. С. 32).

⁵³ Затын – место за тыном, забором, стеной, валом; внутренность городка, укрепления. (Даль В.И. Толковый словарь. СПб., 1880. Т. 1. С. 676).

⁵⁴ ГАРО. Ф. 892. Оп. 1. Д. 1736-ж. Л. 1.

⁵⁵ Платежная книга 1595–1597 гг. // Рязань. Материалы... С. 1 – 6; Писцовая книга 1626 г. // Там же. С. 9 – 10; Писцовая книга 1696 г. // Там же. С. 81 – 83; Сметная роспись 1679 г. // Там же. С. 114.

⁵⁶ Переписная книга 1647 г. // Рязань. Материалы... С. 32.

⁵⁷ ГАРО. Ф. 892. Оп. 1. Д. 1736-ж. Л. 1.

⁵⁸ Писцовая книга 1696 г. // Рязань. Материалы... С. 83 – 88.

⁵⁹ Там же. С. 50 – 54.

⁶⁰ Буланкин В.М. Исследование культурного слоя исторической части города Рязани в 1991–2004 годах // Третья Яхонтовские чтения. Материалы научно-практической конференции. Рязань, 12–15 октября 2004 года / Отв. ред. Т.В. Ерошина. Рязань, 2005. С. 376.

⁶¹ См.: Проходцов И.И. Указ. соч. С. 351.

⁶² Писцовая книга 1626 г. // Рязань. Материалы... С. 15 – 21.

⁶³ Там же. С. 8 – 9.

⁶⁴ Соловьев Д.Д. Указ. соч. С. 124 – 125; Писцовая книга 1696 г. // Рязань. Материалы... С. 82; НА РИАМЗ. № 809. Соловьев Д.Д. Рязань по данным Генерального межевания.

⁶⁵ Иероним. Указ. соч. С. 52.

⁶⁶ В имеющихся публикациях храм Николы Мокрого необоснованно локализован в районе пересечения современных улиц Затинной, Рыбацкой и проезда Речников (см.: Буланкин В.М., Судаков В.В. Археологические исследования... С. 138).

⁶⁷ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Т. I. Зарайск, 1884. С. 31.

⁶⁸ Иероним. Указ. соч. С. 100.

⁶⁹ См.: Писцовая книга 1696 г. // Рязань. Материалы... С. 59 – 61; Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 363, 375.

⁷⁰ Книги окладные... С. 56 – 57.

⁷¹ Иероним. Указ. соч. С. 107, 114.

⁷² Там же. С. 107.

⁷³ Агнцев Д. История Рязанской духовной семинарии 1724–1840 гг. Рязань, 1889. С. 12.

⁷⁴ См.: Писцовая книга 1696 г. // Рязань. Материалы... С. 60; ГАРО. Ф. 892. Оп. 1. Ряз. у. Д. 1736-ж. Л. 1.

⁷⁵ Добролюбов И.В. Указ. соч. С. 27.

⁷⁶ Книги окладные... С. 57.

⁷⁷ Писцовая книга 1696 г. // Рязань. Материалы... С. 98.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 98 – 99.

⁸⁰ Иероним. Указ. соч. С. 114.

⁸¹ Соловьев Д.Д. Указ. соч. С. 96, 98; Писцовая книга 1696 г. // Рязань. Материалы... С. 96.

⁸² Писцовая книга 1696 г. // Рязань. Материалы... С. 97.

⁸³ См.: Проходцов И.И. Указ. соч.

⁸⁴ Там же. С. 392.

⁸⁵ Там же. С. 396 – 398.

⁸⁶ Там же. С. 432.

⁸⁷ Иероним. Указ. соч. С. 49.

⁸⁸ Проходцов И.И. Указ. соч. С. 432.

⁸⁹ Писцовые книги Рязанского края... С. 712.

⁹⁰ См.: Иероним. Указ. соч. С. 114.

⁹¹ Проходцов И.И. Указ. соч. С. 432.

⁹² Там же. С. 36.

⁹³ Соловьев Д.Д. Указ. соч. С. 110.

⁹⁴ ГАРО. Ф. 892. Оп. 35. Д. 621-а. Л. 1. Геометрический специальный план города Переяславля Рязанского Затинной слободы, 1772 г.; Оп. 1. Ряз. у. Д. 1736-ж. Л. 1. План Посадской слободы; там же. Д. 988. План Архиерейской слободы; там же. Д. 3735. План слободе, что на Скоморошьей горе.

⁹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 763. Л. 1. План Кремля; там же. Д. 3788. План Новой Чернопосадской слободы; там же. Д. 750. План Закузнечной слободы.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 4959.

⁹⁷ НА РИАМЗ. № 809, 840, 871, 1254; ГАРО. Ф. Р-2798. Оп. 1. Д. 57 Планы-реконструкции застройки Переяславля Рязанского XVII в.

⁹⁸ ГАРО. Ф. 892. Оп. 1. Ряз. у. Д. 763. Л. 1. Геометрический специальный план Кремля города Переяславля Рязанского с тремя земляными валами, 1772 г. (копия середины XIX в.).

⁹⁹ Писцовая книга 1696 г. // Рязань. Материалы... С. 107, 108.

¹⁰⁰ Соловьевников Д.Д. Указ. соч. С. 110.

¹⁰¹ См: Кусова И.Г. Рязанское купечество. С. 21.

¹⁰² См.: Добролюбов И.В. Указ. соч. С. 41; ГАРО. Ф. 892. Оп. 1. Ряз. у. Д. 763. Л. 1.

¹⁰³ ГАРО. Ф. 129. Оп. 208. Д. 8. Л. 149 – 150.

¹⁰⁴ Там же. Д. 4. Л. 140.

¹⁰⁵ Добролюбов И.В. Указ. соч. С. 27.

¹⁰⁶ Там же. С. 29.

¹⁰⁷ Соловьевников Д.Д. Указ. соч. С. 108.

¹⁰⁸ Проходцов И.И. Указ. соч. С. 578.

¹⁰⁹ См.: Историко-статистическое описание Рязанской духовной семинарии и подведомых ей духовных училищ. Составлено архимандритом Макарием. Новгород, 1864. С. 12; Агнцев Д. Указ. соч. С. 13.

¹¹⁰ См.: Воззвиженский Т.Я. Указ. соч. С. 250; Агнцев Д. Указ. соч. С. 39.

¹¹¹ Историко-статистическое описание Рязанской духовной семинарии.. С. 32 – 33; Агнцев Д. Указ. соч. С. 52.

¹¹² Агнцев Д. Указ. соч. С. 53 – 54.

¹¹³ Там же. С. 54.

¹¹⁴ См.: Переписная книга 1718 г. // Рязань. Материалы... С. 125 – 145.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Д. 2713.

¹¹⁶ Там же. Л. 53 – 55.

¹¹⁷ ГАРО. Ф. 892. Оп. 10. (Ряз. у.). Д. 446-а. Л. 12 об. Межевая книга Посадской слободы г. Переяславля Рязанского, 1772 г.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 346. Л. 619.

¹¹⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 315. Л. 14.

¹¹⁹ ГАРО. Ф. 892. Оп. 1. (Ряз. у.). Д. 1736-ж. Л. 1; Ф. 892. Оп. 10. (Ряз. у.). Д. 446-а. Межевые книги посадской слободы Переяславля Рязанского, владения рязанских купцов, 1772 г. Л. 12 – 13.

¹²⁰ Там же. Ф. 892. Оп. 1. Д. 1736-ж. Л. 1.

¹²¹ Писцовая книга 1696 г. // Рязань. Материалы... С. 63.

¹²² ГАРО. Ф. 659. Оп. 1. Д. 37. Л. 15; Д. 52. Л. 40; Д. 59. Л. 24.

¹²³ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 620.

¹²⁴ См.: Ведомости 1775–1776 гг. // Рязань. Материалы... С. 158; Кусова И.Г. Рязанско-капитальная книга 1775–1776 гг. // Рязань. Материалы... С. 24, 53.

¹²⁵ ГАРО. Ф. 4. Оп. 17. Д. 60. Л. 7, 8.

¹²⁶ Здание располагалось в глубине квартала (на территории современной пожарной части) и, обветшав, было разобрано в 1850 гг.

В.И. Завьялов

ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИТНОГО РАСКОПА В КРЕМЛЕ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО (2004–2006 гг.)

В 2004 г. в Кремле г. Рязани начала работу Переяславль-Рязанская археологическая экспедиция. Раскоп разбит на территории Архиерейского двора между Певческим корпусом и Амбарами (Гостиница черни). Эта территория в источниках получила название Житного двора, почему и раскоп назван Житным (рис. 1 – 2).

ПЛАН КРЕМЛЯ

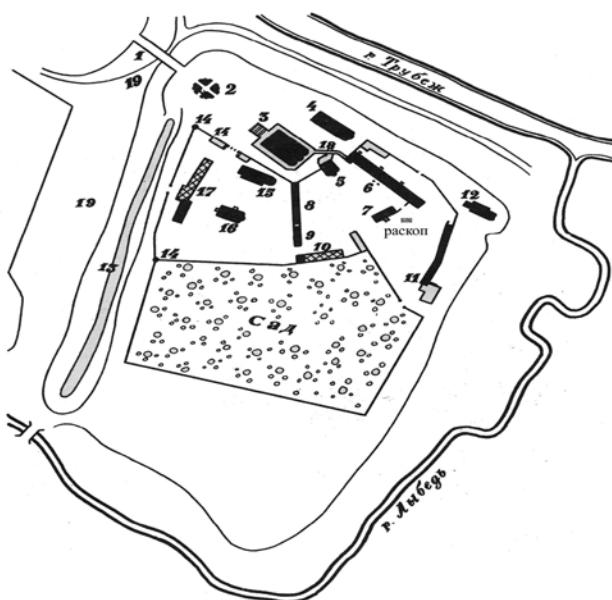

Рис. 1. Ситуационный план расположения Житного раскопа:
1 – мост, 2 – колокольня, 3 – Успенский собор, 4 – Христорождественский собор, 5 – Архангельский собор, 6 – Дворец Олега, 7 – Певческий корпус, 8 – Консистория, 9 – кузница и бочарня, 10 – конюшня и каретный сарай, 11 – амбары (Гостиница черни), 12 – церковь Святого Духа, 13 – крепостной вал, 14 – ограда Спасского монастыря, 15 – церковь Богоявления, 16 – Спасо-Преображенский собор, 17 – Гостиница знати, 18 – переход от Успенского собора к Дворцу Олега, 19 – ров, 20 – ограда Архиерейского сада

Рис. 2. Примерное расположение Житного раскопа на плане Д.Д. Солововникова

Археологические изыскания предыдущих лет позволили составить самое общее представление о культурных напластованиях исследуемого участка. Так, наблюдения в 1973 г. за стратиграфией траншеи, прошедшей почти параллельно стенке Певческого корпуса, показали, что слой мощностью до 2,3 м (траншея не была доведена до материка) в этой части Кремля датируется временем не позднее XV в. (Макаров, 1973). Верхняя его часть (около 0,6 – 0,7 м) – слой XVIII–XIX вв. с большим количеством строительного мусора. Ниже (0,7 – 1,6 м) шёл слой, который по керамике датируется XVI–XVII вв. С глубины 1,4 – 1,6 м и до дна траншеи (глубина 1,8 – 2,3 м) шёл слой XV в.(?) – также тёмный суглинок, с включениями большого количества угольков, прокалённой глины, обгоревшего зерна и т. п. В верхней части этого слоя залегала прослойка со следами сильного пожара, который, по мнению М.М. Макарова, можно датировать 1494 г. По мнению В.В. Судакова (Судаков, Буланкин, 2005. С. 245), этот слой датируется не XV в., а XVI–XVII вв. – керамика здесь преимущественно чернолощёная, морёная и сероглинянная XVII в.

Более позднюю датировку этого слоя подтверждает и раскоп у западного фасада Певческого корпуса 1977 г., где культурный слой был вскрыт до глубины 280 см (Хворостова, 1977). Под поздним строи-

тельным мусором (50 – 60 см) вплоть до дна раскопа (раскоп также не доведён до материка) залегал однородный тёмный суглинок с включением строительного мусора. Сам фундамент опирался на суглинок тёмного (до чёрного) цвета, датируемый, в лучшем случае, концом XVI в., а скорее всего, серединой–второй половиной XVII в.

В 1981 г. В.П. Челяповым обследована верхняя часть культурного слоя Кремля между зданиями Певческого корпуса и Гостиницы черни общей площадью 36 кв. м и участок у Гостиницы знати (Челяпов, 1982). Культурный слой у Гостиницы черни, как показали эти работы, превышает 2 м, сам слой довольно влажный, в нём хорошо сохраняется органика (из-за притока грунтовых вод раскоп не был доведён до материка). На глубине около 1,5 м вскрыты остатки многочисленных деревянных сооружений.

В 1984 г. проводилась расчистка фундаментов Солодовенных палат, но были исследованы только верхние (до 1 м) слои, представлявшие поздний строительный мусор.

Таким образом, результаты проделанных работ свидетельствовали, что на участке между Певческим корпусом и Гостиницей черни располагается довольно мощный (до 1 м) насыпной слой поздних техногенных отложений. Вторым не менее важным выводом было то, что слои на этом участке сильно переувлажнены и в них можно ожидать хорошей сохранности органических материалов.

Рис. 3. Житный раскоп перед началом работ

Житный раскоп ориентирован по сторонам света с небольшим отклонением к востоку от линии север – юг, что было вызвано расположением асфальтированных дорожек. Его размеры: 16 м по линии запад – восток и 10 м по линии север – юг. Нумерация квадратов ведётся от северо-западного угла с севера на юг (рис. 3). По середине раскопа по западной линии квадратов 21 – 25 оставлена бровка шириной 0,5 м (к западу от линии), для фиксации дополнительного стратиграфического профиля. Таким образом, раскоп оказался разделённым на две половины – западную и восточную. Впоследствии после появления деревянных конструкций стратиграфическая бровка была разобрана, но условное разделение раскопа на западный и восточный участки сохранилось. За нулевой репер принята отметка крышки канализационного люка, абсолютная высота которой от уровня моря по Балтийской системе составляет 112,81 м. Координаты юго-западного угла раскопа – N 54°38'13.8" E 39°45'2.1".

По годам напластования на раскопе исследовались следующим образом:

Год раскопок	Вскрытые пласти
2004	1 – 6
2005	7 – 8
2006	9 – 10, 11 (на восточном участке)

Нивелировка дневной поверхности показала, что площадь, на которой расположен раскоп, имеет уклон по линии запад – восток. В пределах раскопа перепад высот составляет около 1 м с запада на восток. Из-за падения уровня дневной поверхности первые пласти разбирались не на всей площади раскопа. Так, первый пласт присутствует в кв. 1 – 20 и частично в кв. 21 – 23; второй пласт в кв. 1 – 25, частично в кв. 26 – 29; третий – в кв. 1 – 30, частично в кв. 31 – 35; четвёртый в кв. 1 – 36, частично в кв. 37 – 40. Пятый пласт присутствует уже по всей площади раскопа.

По данным геологического бурения, на территории между Певческим корпусом и Гостиницей черни почвенные воды находятся на глубине от 0,6 до 1,5 м. В связи с этим были предприняты работы по осушению раскопа: вдоль границ раскопа с его внешней стороны вырыты дренажные канавы шириной 0,5 м, а у юго-восточного угла

— колодец размерами 1 х 1 м. Глубина канав поддерживалась таким образом, чтобы она была на 0,5 м ниже уровня исследуемого пласта. Слой из траншей тщательно просматривался по глубине залегания.

Для предварительной оценки мощности культурного слоя после снятия пятого пласта было проведено геологическое бурение «ручным буром геолога» диаметром 3 см. Работы проводились преподавателем РГУ к. г.-м. н. А.В. Усковым. Скважины заложены в центрах квадратов 5, 16, 28 и 36. В скважине № 1 (кв. 5) серо-голубой суглинок (материк?) обнаружен на глубине около 2,6 м от репера¹. В скважине № 2 (кв. 16) с глубины 2,6 м идёт тёмно-коричневый слой со щепой. На глубине 5,5 — 5,8 м количество щепы уменьшается. С глубины 5,8 м — пылеватая супесь, а с глубины 6,3 м — серо-голубой суглинок. В скважине № 3 (кв. 28) на глубине 3,2 м от нулевого репера обнаружена прослойка древесного угля. Водоносный слой начинается на глубине 3,5 м. На глубине 3,75 располагается серо-голубой суглинок (материк?). В скважине № 4 (кв. 36) водоносный слой встречен на глубине 3,0 м. На глубине 4,5 — 4,7 м — линза серо-голубого суглинка, после которого вновь идёт гумусированный слой. На глубине 6,65 м встречена супесь без следов органики (материк?). Таким образом, геологическое бурение подтверждает наличие на исследуемом участке мощного увлажнённого культурного слоя.

Первые два пласта составляют дёрн и рыхлый серо-коричневый грунт, перемешанный с современным техногенным мусором (битое оконное стекло, железная проволока и гвозди, обломки пластмассовых изделий и т. п.).

Начиная с третьего пласта, основой культурного слоя становится тёмно-серый дерновый грунт с включениями битого кирпича. В западной части раскопа (кв. 3 — 5, 7 — 9) слой имеет более тёмный цвет, в нём встречаются включения древесной трухи, древесного угля и обгорелых фрагментов древесины. В северо-восточном углу кв. 6 и северо-западном кв. 11 слой в нижней части пласта тёмно-коричневый, рыхлый с включениями битого кирпича. Аналогичный по структуре слой фиксируется в южной части раскопа (кв. 5, 10, 15). На западном участке раскопа (кв. 13 — 14, 17 — 21) верхнюю часть пласта составляет мощный (до 25 — 30 см) слой жёлтого песка без находок, который был, вероятно, насыпан для выравнивания поверхности. Максимальную мощность слой достигает в кв. 17 — 18, 22 — 23. Подсыпка проводилась не позднее рубежа 60—70 гг. XX в.

¹ После прохождения 13 пласта (отметка 2,6 м) оказалось, что серо-голубой суглинок, принятый при анализе проб за материк, оказался мощной (до 30 см) прослойкой в юго-западном углу раскопа, под которой вновь располагался культурный слой.

На границе 3 и 4 пластов в кв. 4, 7 и 9 зафиксированы верхние части вертикально вкопанных столбов диаметром 8 – 9 см.

Культурный слой третьего пласта сильно перемешан. На это указывают находки: наряду с фрагментами современных железных изделий и фарфором конца XIX–40–60-х гг. XX в. (преобладает поздний фарфор)² здесь встречены чернолощёная керамика и стеклянные браслеты.

В чётвёртом пласте в северо-западной и юго-западной частях раскопа тёмно-серый дерновый слой постепенно переходит в тёмно-коричневый более плотный слой, в котором по всей вскрытой площади фиксируются включения битого кирпича.

В северной части кв. 1, частично заходя в кв. 6, отмечена поздняя яма. Восточный и западный края ямы оконтурены двумя параллельно лежащими брёвнами диаметром 12 – 16 см, которые под небольшим углом уходят в северную стенку раскопа (брёвно в кв. 6 расположено фактически в пятом пласте). Заполнение ямы – серо-коричневый рыхлый слой с включениями кирпичной крошки. В кв. 6 в этой яме зафиксирован столб, верхняя (обломанная) часть которого имеет отметку 95 см.

На восточном участке раскопа (кв. 23 – 25, 27 – 29) в верхней части чётвёртого пласта продолжается слой жёлтого песка, под песком слой тёмно-серый с включениями битого кирпича.

В юго-восточных квадратах (кв. 28 – 30, 35) в нижней части пласта – включения белого щебня. Слой битого щебня фиксируется в нижней части пласта в кв. 30 и 35. Этот слой уходит в южную стенку раскопа.

Характер фарфорового комплекса в чётвёртом пласте почти не изменился по сравнению с предыдущим пластом. Встречено несколько фрагментов фарфора 70–80 гг. XIX в. В основном фарфор представлен подмосковными заводами, одно донце с клеймом 30–40 гг. XX в. Новгородского фарфорового завода (пос. Пролетарка).

Слой чётвёртого пласта, так же как и вышележащие напластования, перемешан. Об этом свидетельствует комплекс находок, включающий два стеклянных браслета, железный ухват, чугунное ядро, монеты советского периода (рис. 4).

В пятом пласте на западном участке раскопа характер культурного слоя существенно меняется. Он приобретает тёмно-коричневый цвет (как уже отмечалось, этот слой начался в нижней части предыду-

² Фрагменты фарфора определены старшим научным сотрудником Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника Т.Н. Просуковой.

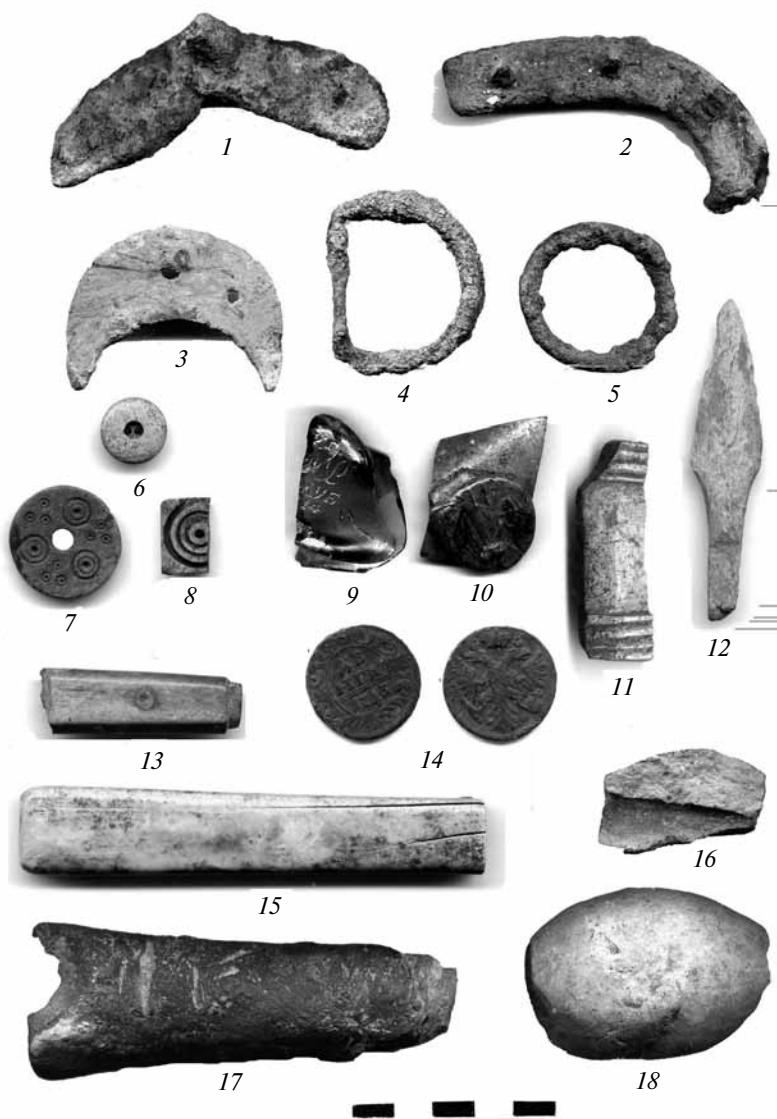

Рис. 4. Комплекс находок из техногенного слоя (пласты 1-6):
1-3 – подковы; 4-5 – пряжки; 6 – пуговица; 7-8 – шашки;
9-10 – фрагменты бутылок; 11, 13, 15 – накладки; 12 – наконечник стрелы;
14 – монета; 16, 18 – грузила; 17 – ручка от латки; 1-5 – железо;
6-8, 11-13, 15 – кость; 9-10 – стекло; 14 – бронза; 16-18 – глина

щего пласта), в слое присутствует битый кирпич и мелкий белый щебень. Находки фарфора, фаянса и битого стекла единичны. Керамика представлена мелкими фрагментами.

В пятом пласте сохраняется переотложенность материала: наряду с керамикой XVII–XVIII вв. здесь встречены осколки современного оконного стекла, единичные фрагменты фарфора, монеты советского периода. О перемешанности культурного слоя на этом уровне свидетельствует яма в юго-восточном углу кв. 17, плотно забитая современным битым оконным стеклом. Яма круглая в плане, диаметр в верхней части около 1 м. Дно ямы располагается на глубине 114 см.

На западной границе раскопа в кв. 2 и 3, частично заходя в кв. 7 и 8, располагается яма, заполненная известью с включениями мелкого песка. Западной частью яма уходит в стенку раскопа (рис. 5). Границы ямы расплывчатые. Её глубина составляет около 20 см.

В восточной части раскопа (кв. 21 – 40) культурный слой имеет иной характер. Это поддерновая супесь от светло-коричневого до тёмно-серого цвета. В качестве включений в слое присутствуют битый кирпич, кирпичная крошка, белый щебень, оконное стекло. В верхней части пласта до глубины 115 – 117 см в кв. 38 – 40 слой жёлтого песка. Лишь в северной части кв. 21, 26, 31 и северо-западном

Рис. 5. Раскоп на уровне 5 пласта

углу кв. 36 слой становится тёмно-коричневым, более плотным по консистенции. Пятно тёмно-коричневого слоя с включениями кирпичной крошки зафиксировано по южной границе кв. 25.

В пятом пласте встречены фрагменты обработанной древесины. В кв. 1 и 6 расположены два параллельно лежащих бревна (бревно в кв. 1 было зафиксировано ещё в четвёртом пласте), уходящих в северную стенку раскопа. Расстояние между брёвнами 150 см. Восточное бревно прослежено на длину 110 см, западное – на длину 65 см. Диаметр брёвен 12 – 16 см. Оба бревна сильно разложились. В месте вхождения в стенку раскопа восточное бревно с западной стороны соприкасается с вертикальным столбом, прослеженным в профиле раскопа. Ещё один столб прослежен в северном профиле в 110 см восточнее первого. В кв. 6 на расстоянии 15 – 18 см к западу от бревна зафиксированы остатки вертикально стоящего столба, а почти вплотную к бревну в кв. 1 восточнее него на границе раскопа расположен столб, стоящий под наклоном в 45° к горизонтали. По всей видимости, это опора столба электролинии.

В шестом пласте (рис. 6) различия в культурном слое западного и восточного участков раскопа продолжаются. В основном культурный слой западного участка сходен со слоем пятого пласта. Это плотный суглинок тёмно-коричневого цвета с включениями кирпичной крошки и белого щебня. На отдельных участках в слое фиксируются включения палевого суглинка. Они отмечены в кв. 1, 4, 16.

Рис. 6. Восточный участок раскопа на уровне 6 пласта

Особенностью слоя шестого пласта является наличие пятен известковой крошки, не имеющих чётких границ. Одно такое пятно, соотносимое с ямой, зафиксированной в предыдущем пласте, отмечено в юго-западном углу кв. 2 и в западной половине кв. 3. Мощная линза известковой крошки толщиной около 20 см зафиксирована в кв. 9. Ещё одно пятно вскрыто в кв. 6 на глубине 132 см. В кв. 11 в верхней части пласта располагается чёрный слой (мощность 5 – 7 см), под которым слой известковой крошки.

В кв. 5 и в южной половине кв. 10 продолжается слой битого кирпича, фиксируемый на всю мощность пласта. В кв. 5 кирпичная крошка сопровождается включениями белого щебня. Включения битого кирпича отмечены также в кв. 4, 7, 8, 12 – 16, 18 – 20. В кв. 7 под слоем битого кирпича и белого щебня мощностью 15 см залегает слой известковой крошки (рис. 7).

Основу западных квадратов участка восточного участка (кв. 21 – 33) составляет тёмно-коричневый рыхлый слой с включениями битого кирпича, кирпичной крошки, известковой крошки и белого щебня.

В восточных квадратах (кв. 34, 36 – 39) присутствует дерновый рыхлый тёмно-серый слой с включениями битого камня и белого щебня. В кв. 29 найден фрагмент большемерного кирпича с остатками известкового раствора.

Известковая крошка образует пятна без чётких контуров в нижней части пласта кв. 24, 25, 31, 33, 36. В кв. 39 пятно известковой крошки окаймлено полосой древесного угля шириной 2 – 3 см. По южной границе кв. 25, 30 расположена прослойка извести, уходящая в стенку раскопа. Аналогичная прослойка зафиксирована по северной границе кв. 31, 36. В нижней части кв. 27 и 33 фиксируется примесь древесного угля. В слое кв. 27, 31 встречены мелкие фрагменты слюды.

Характеризуя культурные напластования шестого пласта, следует отметить, что на западном участке раскопа слой слабо перемешан. Он более плотный по сравнению с вышележащими слоями, комплекс находок не имеет такого большого хронологического разброса, как в 3 – 5 пластиах. Современный техногенный мусор отсутствует. Фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды в шестом пласте на западном участке раскопа не встречены.

Основа культурного слоя восточного участка раскопа – перемешанный дерновый слой. В нём встречается современный техноген-

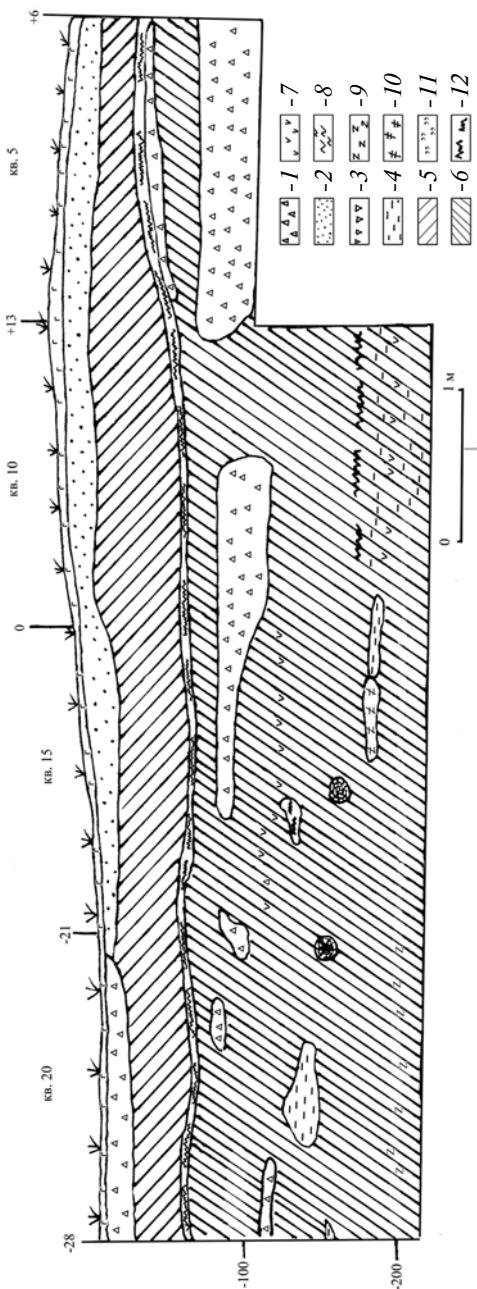

Рис. 7. Южный профиль западного участка раскопа: 1 – битый кирпич, 2 – известковый щебень, 3 – песок, 4 – глина, 5 – тёмно-серый слой, 6 – тёмно-коричневый суглинистый слой, 7 – деревесный угол, 8 – зола, 9 – штала, 10 – обожжённая глина, 11 – налив, 12 – древесный тлен

ный мусор (битое стекло), предметы XIX–XX вв. (монеты, свинцовые пломбы).

Таким образом, до шестого пласта культурные напластования исследуемого участка сильно перекопаны и переотложены. Возможно, какая-то часть слоя перенесена с другого участка для выравнивания поверхности. С этой же целью проведена подсыпка песком, прослеженная в верхних пластах раскопа. Культурные напластования в целом параллельны дневной поверхности и повторяют уклон местности в восточном направлении (рис. 8). Отмеченная в слое примесь строительного мусора в виде битого кирпича, кирпичной и известковой крошки, белого щебня, по всей видимости, связана со строительными работами по перестройке Певческого корпуса в конце XVIII–начале XIX в.

Индивидуальные находки в первых пяти пластах малочисленны. При этом наблюдается увеличение числа индивидуальных находок и массового материала по мере углубления раскопа. Как уже отмечалось, для 3 – 5 пластов характерна хронологическая неоднородность вещественного комплекса.

Из находок верхней части культурных напластований прежде всего следует отметить комплекс изразцов. Фрагмент красного рамочного изразца происходит из пл. 6, кв. 4, № 35. Изразец относится к сюжетной линии изразцов с двуглавыми орлами в геральдических позах. Судя по круглой рамке, разделённой зубчиками, находку можно датировать началом XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 62).

Как уже отмечалось, в пластах 3 и 4 найдены стеклянные браслеты. Их попадание в слой связано с перекопом или принесением грунта с другого участка.

Находками из стекла³, которые могут датировать слой, являются фрагменты горлышек бутылок с клеймами. Найдены они в шестом пласте. Одно из них, судя по характеру литер, может быть датировано концом XVIII в. (6-7-33), а другое – началом XIX в. (6-2-32).

В пятом и шестом пластах встречены фрагменты изделий из стекла, украшенные разноцветными стеклянными палочками. Изготовлены эти сосуды по венецианской технологии (Векслер, Лихтер, 2001. С. 370). Незначительность обнаруженных фрагментов не представляет возможности определить тип сосудов.

Из костяных изделий следует остановиться прежде всего на двух предметах, которые можно интерпретировать как игральные шашки. Одна шашка (5-11-20), круглая, с отверстием в центре, покрыта

³ Изделия из стекла определялись к. и. н. Ю.А. Лихтер.

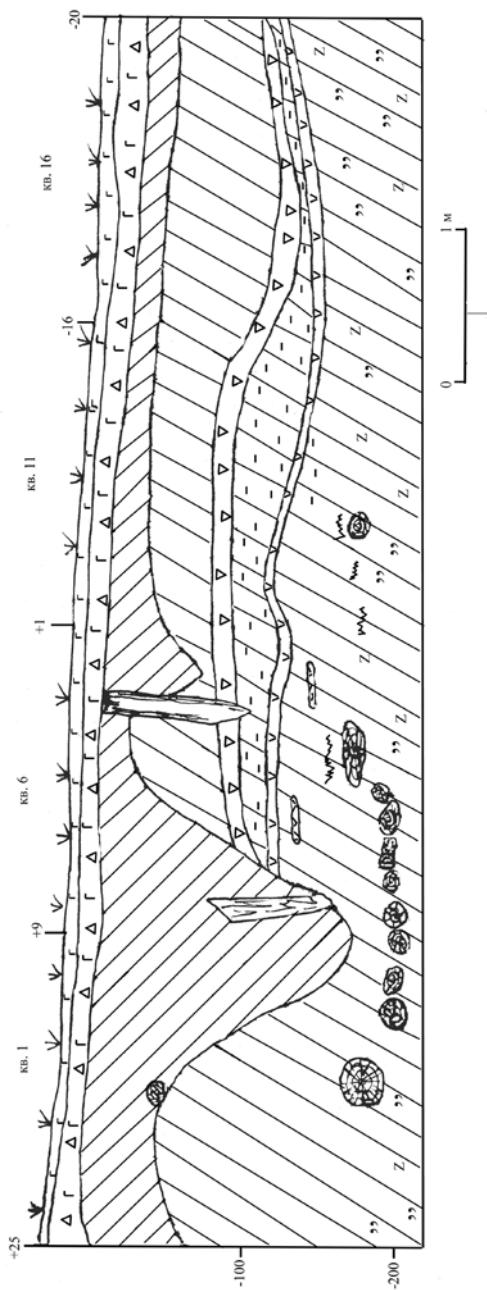

Рис. 8. Северный профиль западного участка раскопа

циркульным орнаментом. Аналогичная шашка XVII в. из раскопок В.В.Судакова у вала Переяславль-Рязанского кремля представлена в экспозиции Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.

Другая шашка, подпрямоугольная, также покрыта циркульным орнаментом (6-21-31).

Рукоятка ножа происходит из пл. 5, кв. 30. Фрагмент накладной рукоятки, сохранивший бронзовую заклёпку, найден в 3 пл. кв. 2.

Костяная накладка, украшенная параллельными валиками, проходит из пласта 5, кв. 21.

Костяной наконечник стрелы из пл. 6, кв. 4 относится к типу килевидных с плоским черенком (тип 7 по А.Ф. Медведеву). По форме близок железным наконечникам типа 38. Датируется XII—первой половиной XIII в. (Медведев, 1966. С. 88).

Круглая костяная пуговица с двумя отверстиями из пл. 5, кв. 29 может быть датирована концом XIX—первой половиной XX в.

Изделия из цветных металлов немногочисленны. Из 4 пласта проходит фрагмент бронзового котелка (кв. 3) и бронзовая ручка (кв. 26). Как уже упоминалось, в 3 — 5 пластиах встречаются монеты советского периода, а в пласте 6 (кв. 30) — деньга 1743 г. с орлом типа 1730 г.

Большинство предметов из железа имеет хорошую сохранность. Они покрыты коррозией охристого цвета.

Найдены два ножа (4-10-13 и 4-25-16). Нож № 13 представлен обломком клинка длиной около 9 см. Клинок второго ножа обломан, но сохранился шиловидный черенок. Переход от клинка к черенку выражен в виде уступов. Из них верхний (со стороны спинки) выражен отчётливо (угол составляет около 90°), нижний сглажен, что может быть следствием сточенности лезвия.

Ключ (6-25-38). Относится к типу В.

Ухват (4-7-10). Максимальное расстояние между рогами ухвата составляет около 23 см. Ухват насаживался на древко при помощи незамкнутой втулки.

Сечка (4-1-15). Рубящая часть имеет треугольную форму с лезвием около 18 см. Концы лезвия подняты вверх и закручены. Противоположный конец переходит в стержень длиной около 20 см, оформленный в верхней части в виде незамкнутой втулки для насаживания деревянной рукояти.

Ромбовидный наконечник стрелы с упором и расширением в нижней части (тип 40 по А.Ф. Медведеву) происходит из кв. 16 пл. 6. Датируются подобные наконечники широко — в пределах X—XIV вв. (Медведев, 1966. С.65).

Подкова в форме трёхчетвертного овала с тремя шипами (4-24-19). Относится ко второму типу по А.Н. Кирпичникову (*Кирпичники, 1973; Двореченский, 2004*). Эти подковы датируются XVI–XIX вв., причём в XVIII–XIX вв. они полностью вытесняют другие виды. К этому же типу относится и обломок подковы (6-24-44). Ещё одна подкова (6-36-56) относится к первому варианту первого типа (сегменто-видные). Она имеет один передний шип и четыре отверстия подпрямоугольной формы для гвоздей. Такие подковы бытовали в XV–XVII, но наибольшее распространение получают в XVI в. (Двореченский, 2004. С. 240 – 241). Обувная комбинированная широкая низкая без кромки подковка имела для крепления три отверстия и два шипа на концах (6-11-36). Появляются такие подковки в XVI в., но наибольшее распространение получают во второй половине XVII–XVIII в. (*Векслер и др., 1997. С. 116 – 117*).

Находки из камня представлены изделиями из обработанного кремня (по-видимому, ружейные кремни) и пряслицем из светлого сланца.

Характер культурных напластований 7 – 8 пластов свидетельствует об интенсивной строительной деятельности. Основу культурного слоя 7 пласти на западном участке составляет тёмно-коричневый плотный слой, по консистенции представляющий суглинок. В северной части участка в слое доминирует палевый суглинок, образующий пятна подпрямоугольной формы. Культурный слой 7 пласти на восточном участке – плотный тёмно-коричневый грунт, по консистенции представляющий суглинок. В слое прослежены примеси (местами значительные) кирпичной крошки и извести. Особенностью напластований участка составляют мощные линзы извести в большинстве случаев неправильных форм. Их границы, как правило, расплывчатые. Начинаются эти линзы примерно с глубины 125 см, а ближе к кону пласта являются мощные прослойки. Линзы извести сосредоточены в восточной части участка. На западной границе участка располагается мощная прослойка древесного угля. В центральной части в культурном слое фиксируется значительная примесь палевого суглинка.

В кв. 6 обнаружена конструкция, которую можно интерпретировать как сушильню для кирпича. Конструкция представляет скопление пятен палевого суглинка подпрямоугольных очертаний, образующих своеобразную «кладку». «Кладка» оконтурена тонкой (около 2 см) прослойкой древесного тлена. В культурном слое рядом с сушильней отмечено большое количество включений обожжённой глины и палевого суглинка, перемежающихся тёмно-коричневым слоем (рис. 9).

Распределение индивидуальных находок в 7 пласте крайне неравномерно. Особенно большая концентрация артефактов наблюдается на восточном участке (кв. 22, 27 – 28).

Культурный слой 8 пласта на западном участке характеризуется большей однородностью, чем в пласте 7. Слой представлен тёмно-коричневым суглинком. Прослойки древесного угля, палевого суглинка, извести концентрируются в основном в северной части участка. Заметной составляющей слоя стал древесный тлен, зафиксированный в кв. 1, 3, 6 – 7, 9, 11, 14, 20 (рис. 7 – 8). Следует отметить мощный слой древесного угля в северной части участка и перекрывающий его слой суглинка, что может быть связано с пожаром и последующей нивелировкой поверхности.

В своей основе культурный слой восточного участка в 8 пласте представлен тёмно-коричневым увлажнённым грунтом. Особенностью напластований 8 пласта на восточном участке являются мощные известковые прослойки, встреченные по всей площади участка (рис. 10). Особенно мощные прослойки зафиксированы в юго-восточной (кв. 34, 39, 40) и северной (кв. 26, 31, 32) частях участка.

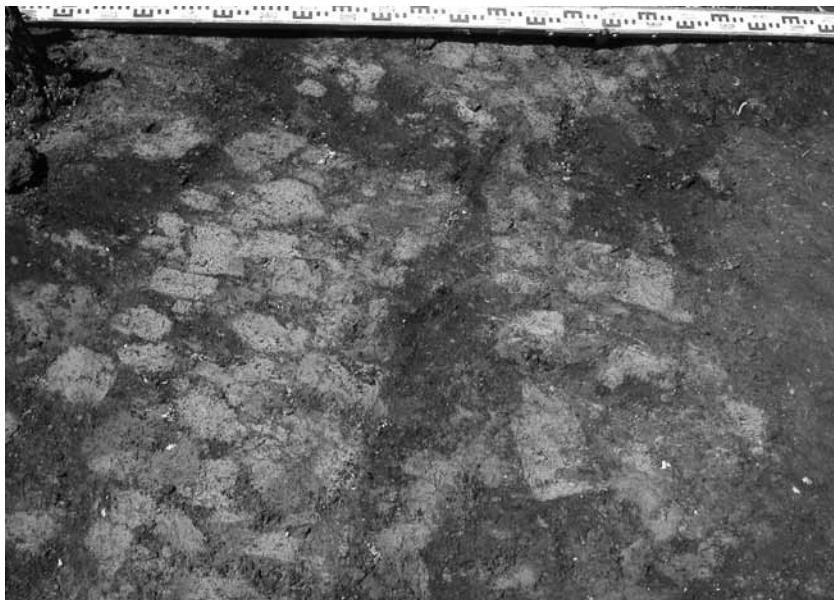

Рис. 9. Сушкиня для кирпича

Культурный слой 8 пласта изобилует линзами палевого суглинка, образующими в профиле прослойки мощностью до 10 – 12 см. Анализ культурного слоя, проведённый преподавателем РГУ к. г.-м. н. А.В. Усковым, показывает, что линзы суглинка образовались в ходе естественных процессов, получивших название оглеение, под которым понимается химическое восстановление минеральной части почвы, пород в глубоких горизонтах, перенасыщенных водой, где железо выносится водой, а обеднённые железом горизонты получают зеленоватую, чёрную или сероватую окраску.

Под прослойкой суглинка залегает слой древесного угля толщиной 5 – 7 см, представленный в плане значительными скоплениями.

Интересно, что прослойки древесного угля фиксируются и на других участках Кремля. Так, при наблюдениях за прокладкой коммуникаций на территории Архиерейского сада установлено, что на

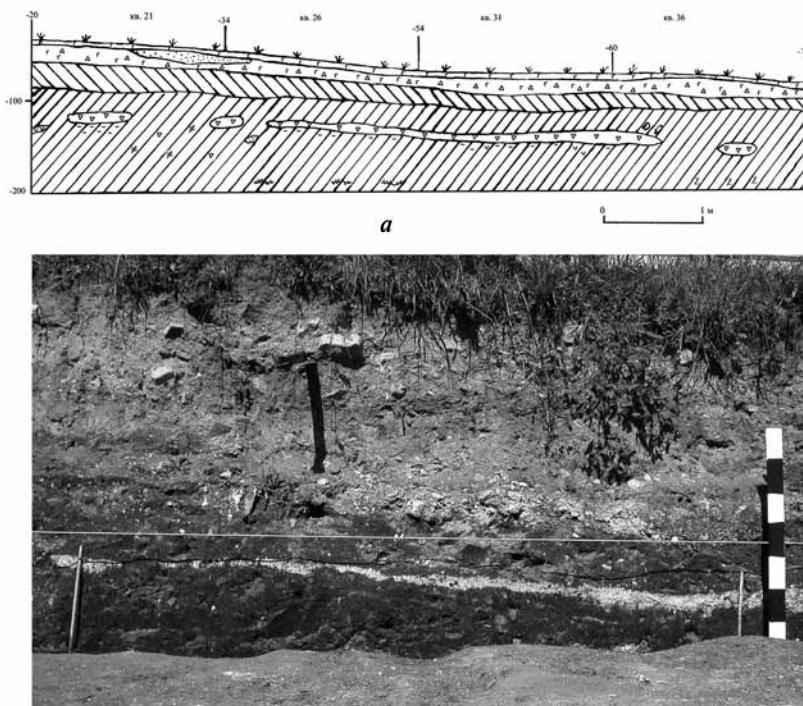

Рис. 10. Линза известни (северный профиль восточного участка раскопа):
а – чертёж; б – фотография профиля квадратов 26 и 31

глубинах от 40 до 130 см от дневной поверхности почти непрерывно прослеживаются следы сильного пожара в виде стратиграфически связанных между собой прослоек угля, золы, прокалённой глины, мощностью 2 – 10 см. (Буланкин, 2007. С. 129 – 130). Этот слой предположительно можно датировать 1646 г., когда «город Переяславль сгорел и монастыри и все церкви... и торговые ряды, все лавки и дворы все сгорели...» (Макарий, 1863. С. 58). Под прослойкой древесного угля располагается тёмно-коричневый плотный культурный слой с небольшими линзами палевого суглинка.

В восьмом пласте зафиксированы первые деревянные конструкции. Сохранность дерева очень плохая: по существу, это древесный тлен, сохранивший очертания брёвен.

Сооружение № 1 (рис. 11). Древесный тлен от этой постройки начал прослеживаться на рубеже седьмого и восьмого пластов (138 – 140 см) в кв. 18. Но целиком постройка прослежена в восьмом пласте. От неё сохранились юго-западный угол в кв. 17 – 18, части северо-западной и северо-восточной стен в кв. 21 и 26. В кв. 21, по-видимому, находился северо-западный угол сооружения. Длина северо-западной стены составляла около 5,2 м. Остатки древесины от этой стены сохранились в кв. 21; частично они перекрыты бровкой раскопа.

Сооружение № 3. Эта постройка сохранилась фрагментарно. Она располагалась в северо-западной части раскопа (кв. 6 – 7, 11 – 12). Из сохранившихся элементов конструкции можно отметить параллельно расположенные почти по линии запад – восток плахи в кв. 11 – 12, четыре дощечки в кв. 7, обломок доски в кв. 12, а также фрагмент бревна (?), примыкающий к дощечкам в кв. 7 и расположенный перпендикулярно им. Соотношение остатков постройки № 3 с постройкой № 1 не исключает возможности, что они объединялись в единый комплекс (расстояние от угла сооружения № 1 до фрагмента бревна в кв. 7 составляет 4,4 м).

Из керамических находок отмечу фрагмент белоглиняной игрушки-свистульки (7-11-12). Из 8 пласта (8-36-78) происходит дисковидная белоглиняная погремушка без росписи.

Белоглиняная ангобированная керамика представлена фрагментом кумгана (7-39-20).

В 8 пласте найдены два фрагмента импортных поливных сосудов⁴. Один из них – от западноевропейского (предположительно итальянского) блюда (8-17-242). Другой (8-27-223) – это фрагмент стенки

⁴ Определение поливной керамики проведено к. и. н. В.Ю. Ковалем.

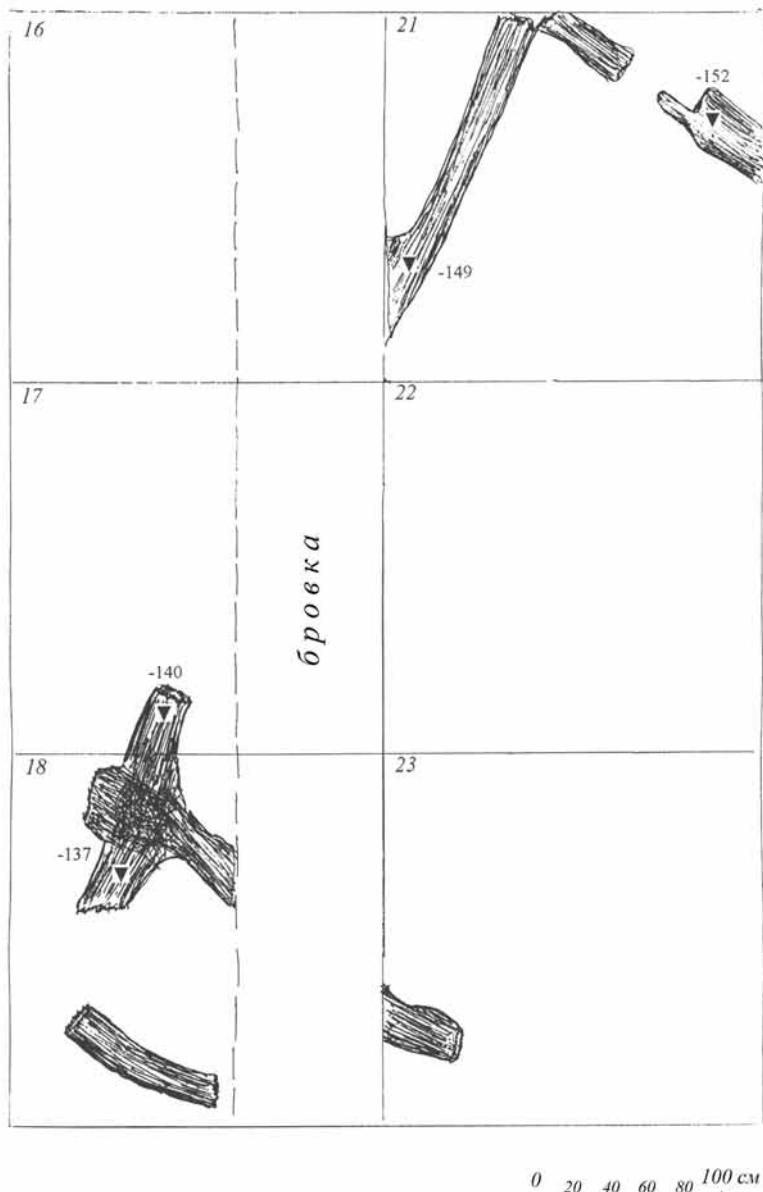

Рис. 11. Сооружение № 1

полуфаянсового (кашинного) кувшина с подглазурной полихромной росписью происходит из Турции (г. Изник) и датируется XVI в.

Многочисленны прядища и их заготовки, выточенные из стенок керамических сосудов. Всего найдено 11 таких изделий. Лишь один предмет был специально вылеплен из глины и затем обожжён (8-29-170). Нередко в качестве заготовок для прядищ использована импортная поливная керамика: два обломка прядищ (8-15-181) из стенок иранских полуфаянсовых (кашинных) кувшинов с подглазурной синей росписью датируются XV в.; обломок прядища (8-22-221) из стенки иранского полуфаянсового (кашинного) кувшина XIV в. с подглазурной росписью тёмно-серой и синей красками.

В 7 и 8 пластиах найдено 18 фрагментов изразцов. Из них семь относятся к типу красноглиняных рамочных, восемь – к типу белоглиняных с зелёной поливой и три небольших фрагмента – к типу полихромных. Из сюжетов, встречающихся на изразцах, отмечу фрагменты красноглиняных изразцов: с изображением осады крепости с лестницей (7-30-93), с цветочным орнаментом (из разборки осыпи стенки) и с узором из пальметт (поясовой изразец).

Многочисленны в 7 и 8 пластиах фрагменты стеклянных сосудов, украшенных цветной палочкой (всего найдено более 70 фрагментов). Основа этих сосудов в большинстве случаев прозрачная. Лишь в четырёх случаях найдены фрагменты с основой синего цвета. Исследователи относят сосуды, декорированные цветными стеклянными палочками, к голландскому импорту и датируют их в основном XVII в. (Векслер, Лихтер, 2001). В абсолютном большинстве случаев подобные фрагменты происходят от граненых сосудов (кварт). Иногда кварты имели свинцовое горло, закрывающееся свинцовой же пробкой, которые также представлены среди находок.

Культурный слой 9 пласта представлен влажным суглинком тёмно-коричневого цвета. Основные примеси в культурном слое – палевый суглинок (иногда образующий довольно крупные линзы). Особенно значительно присутствие суглинка на восточном участке, где слой в ряде случаев представлен перемесом гумусированного слоя и суглинка. Иногда линзы суглинка имеют значительную мощность (до 20 – 25 см). В культурном слое пласта часто встречается древесный уголь, образующий в центральной части восточного участка небольшую прослойку на глубине 175 – 177 см. На восточном участке в культурном слое встречены также известняк, кирпичная крошка, обожжённая глина. В 9 пласте наряду с древесным тленом встречена щепа.

В 9 пласте найдено большое количество фрагментов глиняных игрушек. Среди них дисковидные белоглиняные погремушки и шарики от них. Корпуса погремушек покрыты линейным орнаментом, нанесённым красным ангобом. Фигурки зверей (они представлены фрагментами ножек) вылеплены из красножгущейся глины и покрыты белым ангобом. Найдено семь свистулек, две из которых оказались целыми и в рабочем состоянии.

Среди железных изделий 9 пласти пять ножей, один из которых являлся специализированным орудием для раскрова кожи (9-21-12).

Найдено семь подков. Крепились подковы как с помощью гвоздей (как правило, подковы имели четыре округлых отверстия), так и с помощью трёх шипов, расположенных по краям и в центре подковы. Ширина подков составляла около 8 – 10 см.

Отмечу ромбовидный наконечник стрелы с упором гнёздовского типа (9-19-22). Известно, что такие наконечники были широко распространены в VIII—середине XI в. (*Медведев, 1966. С. 65*), но подобные по форме и пропорциям пера наконечники меньших размеров и менее изящных очертаний бытовали и позднее (*Медведев, 1959. С. 165*).

С сооружением № 2 связаны два декоративных гвоздя со сферической шляпкой и коротким (1,5 – 2 см) стержнем (9-10-30, 9-20-43).

Из 9 пласти происходит крестик с изображением Никиты, побивающего беса (9-20-14). Крест четырёхконечный односторонний с прямоугольными лопастями. На лицевой стороне в углубленном крестообразном ковчежце – рельефное изображение великомученика Никиты, побивающего беса; по сторонам погрудные изображения предстоящих в трёхчетвертном повороте к центру композиции. На верхней оконечности – монограмма (Ника)(?). На нижней оконечности – погрудное изображение святого. Оглавие отсутствует, верхняя оконечность креста имеет утолщение, в котором проходит сквозное отверстие. Датируются подобные крестики концом XIV–XVI в. (*Станюкович, Осипова, Соловьёва, 2003*).

Другой крестик (9-9-40), или отлитый из олова, или лужёный⁵, также четырёхконечный односторонний с расширениями на концах древа и килевидным завершением нижней оконечности. В центре – шестиконечный Голгофский крест с венком в средокрестии. Нижний конец древа креста раздвоен. На верхней и нижней оконечностях в прямоугольных медальонах – сильно стёртые инициалы. На боковых

⁵ Анализ металла проводился в Рентгено-спектральной лаборатории кафедры геохимии Геологического факультета МГУ по неразрушающему рентгено-флюорисцентному энергодисперсному безэталонному методу (РФЭ) к. г.-м. н. Р.А. Митояном.

оконечностях сохранился только инициал на правой лопасти: (Иисус Христос?).

В 9 пласте впервые на раскопе вскрыты деревянные конструкции удовлетворительной сохранности. Хотя древесина быстро рассыхалась на воздухе и превращалась в труху, но особенности конструкции и отдельные детали могли быть зафиксированы.

Сооружение № 2 (рис. 12).

Постройка расположена в южной части западного участка раскопа (кв. 10, 15, 20). В раскоп попала только северная часть сруба. Остатки верхних сохранившихся брёвен сооружения № 2 были зафиксированы ещё в 8 пласте. От конструкции сохранился тлен от двух брёвен, пересекающихся под прямым углом, который являлся северо-восточным углом постройки (Завьялов, 2006). Сруб рублен в обло с остатком, концы брёвен выступают за стену на 12 – 18 см. Постройка ориентирована по линии северо-восток – юго-запад, длина северной стены 5,30 м. На расстоянии 1,50 м от северо-восточного внутреннего угла сруба в северную стену врублено бревно внутренней стены. Глубина вруба 10 см, ширина 12 см. Таким образом, сооружение № 2 можно рассматривать как двухкамерную постройку.

Заполнение сруба – тёмно-коричневый слой со щепой и отдельными включениями кирпичной крошки. В южной части кв. 15, как уже отмечалось, в слое фиксируется значительная примесь древесного угля. Сооружение № 2 примыкало с юга к мостовой.

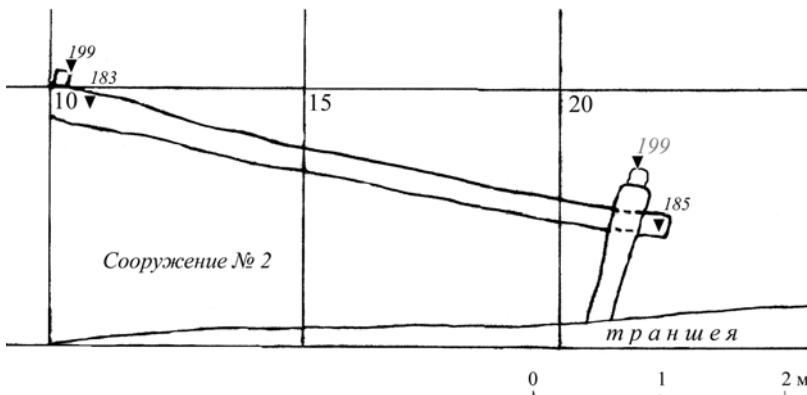

Рис. 12. Сооружение № 2

Мостовая (рис. 13).

Настил мостовой вскрыт в квадратах 3, 8, 9, 13, 14, 19, 25. В квадратах 14 и 19 сохранились фрагменты лаг от верхнего уровня мостовой. Настил располагался по направлению запад – восток с отклонением около 30° к северу. Конструкция мостовой обычна для древнерусских сооружений такого типа: на три параллельно лежащие лаги уложены плахи (доски?) плоской стороной вверх. В нижней части плах имеются вырубы, куда входили лаги для более прочного соединения. Интересно отметить, что для лаг использовалась сосна, а для плах – дуб. Мостовая расположена на глубине 168 – 171 см. Плахи были плотно подогнаны одна к другой, а вскрытые разрывы между ними объясняются следами изношенностии или образовались в результате разрушения древесины.

Диаметр лаг 18 – 20 см. Стыковку лаг по длине проследить не удалось. Расстояние между южной и центральной лагами 1,25 м, между центральной и северной – 1,0 м. Ширина плах 20 – 22 см, толщина 5 – 7 см, максимально они выступают за края лаг на 42 см. Таким образом, ширина мостовой была около 3,4 – 3,5 м. В квадрате 25 северная часть мостовой разрушена при строительстве сооружения № 4 (ширина сохранившейся части мостовой здесь составляет 1,6 – 2,2 м). Зазоры между плахами доходят до 6 – 8 см.

Две крайние западные плахи имеют поперечный пропил шириной 1,5 см по всей ширине плахи. Пропил в первой плахе совпадает с северным краем центральной лаги, пропил во второй плахе расположен на 50 см южнее пропила первой плахи. Пропилы сделаны на всю толщину плах. В четвёртой с запада плахе обнаружен прямоугольный выруб шириной 11 см, северная часть которого совпадает с пропилом во второй плахе. Скорее всего, это следы разборки мостовой, после того как она пришла в негодность.

В непосредственной близости от мостовой вскрыты описываемые ниже постройки. Расстояние между стенами сооружений № 2 и № 5 и мостовой составляет около 40 см, а сооружение № 4 даже разрушило северный край настила, что может свидетельствовать о строительстве этого сруба, после того как мостовая на вскрытом участке перестаёт функционировать.

Сооружение № 4 (рис. 14).

Постройка расположена на восточном участке раскопа в квадратах 27 – 29, 32 – 34, 37. Сруб, рубленный в обло с остатком, ориентирован по линии север – юг с незначительным отклонением к северо-востоку. Размеры постройки 5 х 5 м. Толщина брёвен 22 – 25 см. В

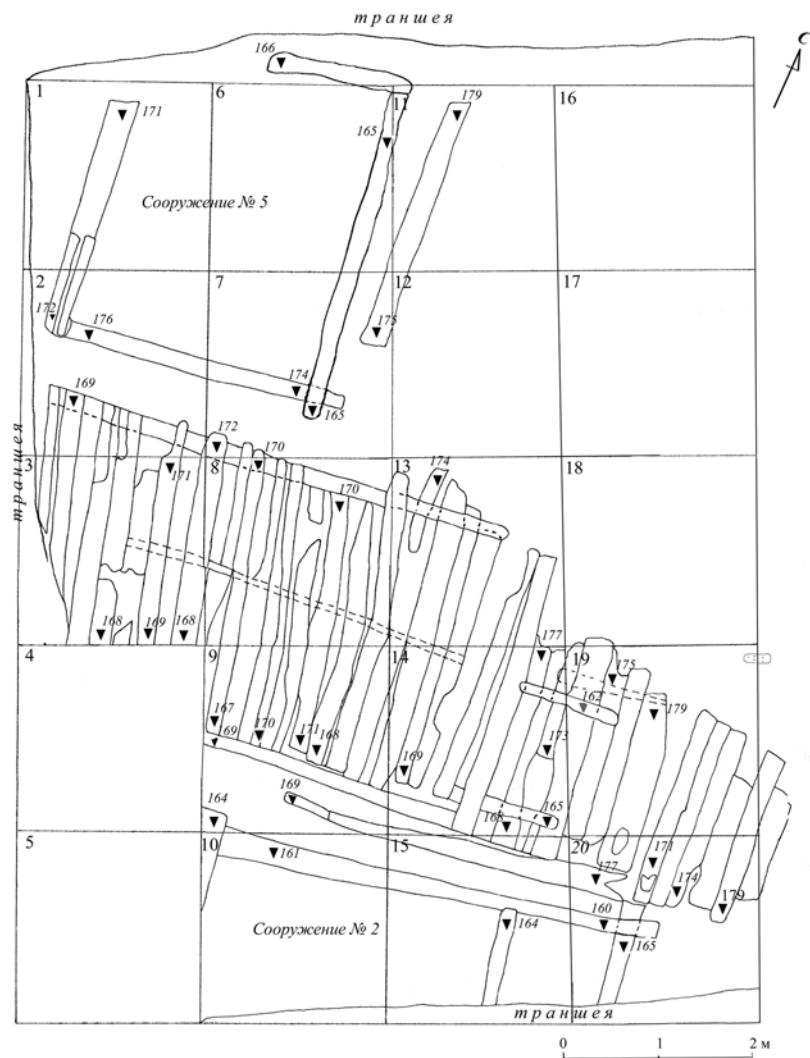

Рис. 13. Мостовая

южной части сооружения фиксируются внутренние стены размерами 3 (северная стена) x 2 (южная стена) м. Внутри сруба в юго-восточном углу зафиксировано пятно суглинка полукруглой формы, окаймлённое чёрным горелым слоем. На границе кв. 28 и 33 размещается обогрелая в южной части доска размерами 75 x 16 см.

Культурный слой внутри сруба характеризуется перемесом тёмно-коричневого слоя и пестроцвета (включения суглинка, битого кирпича, древесного угля). В южной части встречаются пятна суглинка подпрямоугольной формы размерами 35 x 28, 20 x 20 см.

К западу от сруба в кв. 22 – 23 в 25 см от западной стены параллельно ей расположено бревно длиной около 4 м и шириной 18 – 20 см.

С северной стороны к сооружению примыкают деревянные конструкции. По-видимому, они были разобраны в древности, и их значение для постройки остаётся пока не выясненным. Сохранность древесины плохая, что также не позволяет однозначно толковать вскрытые сооружения. Нижний венец северной стены постройки расположен в кв. 26, 32, 37. На расстоянии 175 см от восточного угла в стену врублена лага. Лага прослежена в длину на 1 м в южном направлении. С юга к лаге примыкает обрубок бревна с прямоугольным сквозным вырубом. Размер выруба 12 x 17 см. С севера на расстоянии 35 см от стены постройки параллельно ей расположено бревно (деталь завалинки?). На расстоянии 1,35 м от западного конца бревно перерублено и в него перпендикулярно вставлено бревно, простирающееся в северном направлении. Ширина переруба 25 см. Южным концом это бревно практически упирается в стену сооружения № 4. Этот конец бревна лежит на подкладке шириной около 10 – 12 см. Далее к северу параллельно стене сооружения № 4 лежат два бревна. Расстояние между ними около 1,25 м. Брёвна имеют следы вырубов, но имели ли они отношение к сооружению № 4 или же это была самостоятельная нижележащая постройка, до вскрытия следующего пласта сказать невозможно. Печь находилась в юго-западном углу постройки, на что указывает мощное угольное пятно в кв. 33 – 34. Пол в сооружении № 4, по-видимому, не сохранился. Но в нижней части расположен слой тяжёлого суглинка с примесью тонкозернистого кварцевого песка, который был добавлен преднамеренно. Под слоем суглинка мощностью 7 – 9 см располагался коричневый слой с примесью древесного угля, который в свою очередь лежал на частично обугленных досках, уходящих в следующий пласт. Создаётся впечатление, что сооружение № 4 было возведено на месте раннее

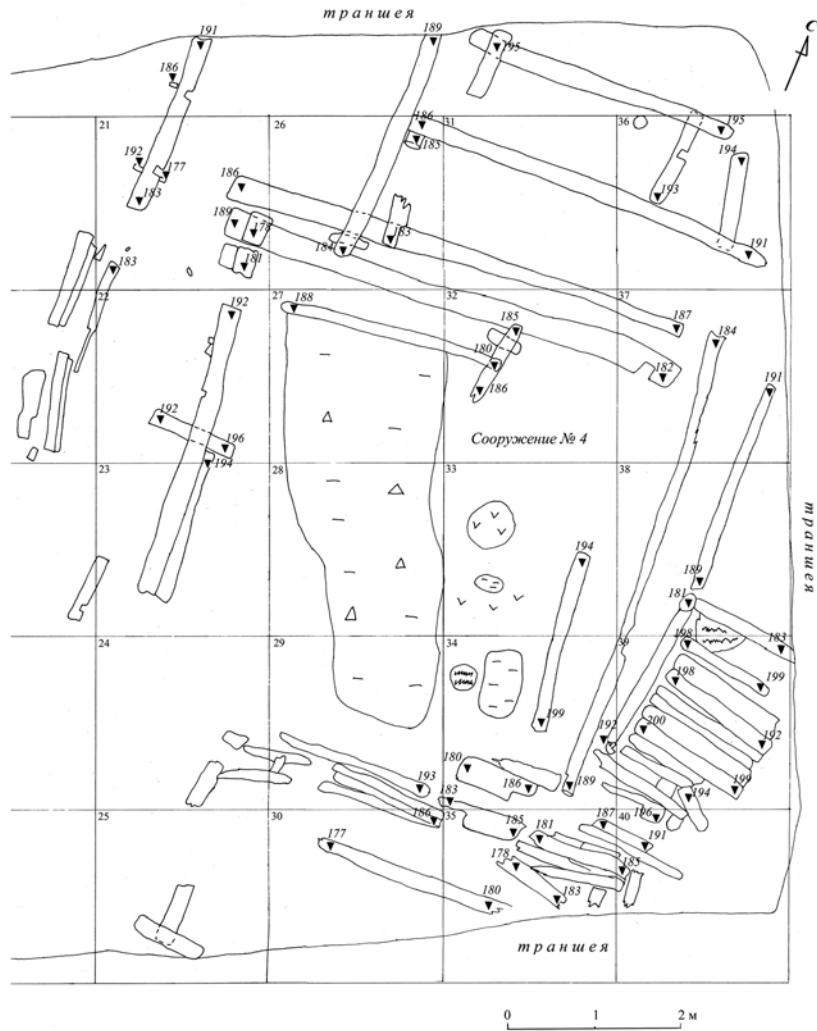

Рис. 14. Сооружение № 4

стоявшей постройки, возможно сгоревшей. Остатки предыдущей постройки перед строительством были засыпаны слоем суглинка с песком, который играл роль нивелировочной площадки и выполнял функции гидроизоляции.

Сооружение № 5 (рис. 15).

Постройка располагается в северо-западном углу раскопа. Она почти полностью вошла в раскоп. Верхняя часть брёвен сохранилась плохо. Сруб рублен в обло с остатком. Концы брёвен выходят наружу на 16 – 18 см. Постройка ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Размеры постройки 3,65 м (юго-восточная стена), 3,70 м (юго-западная стена). Северо-западный угол сруба уходит в стенку раскопа. Печь, по-видимому, располагалась в северо-восточном углу постройки. От неё сохранилось пятно жёлтого суглинка в форме незамкнутого кольца с углистым заполнением внутри этого кольца. Ширина пятна суглинка до 40 см по линии запад – восток, 100 см по линии север – юг. Углистый слой тянется от пятна суглинка вдоль северной границы раскопа, не доходя 50–60 см до неё. В юго-западном углу сруба – белый камень неправильной формы размерами в плане 23 x 17 см. Заполнение сруба – тёмно-коричневый слой с боль-

Рис. 15. Сооружение № 5

шим количеством щепы. У юго-восточной стены сруба под небольшим углом к ней расположено бревно (плаха?). Расстояние между бревном и стеной у южного конца 5 см, у северного – 20 см. Длина бревна 3,60 м, ширина 32 см. К востоку от бревна в кв. 12 и западной части кв. 17, как уже отмечалось, в слое зафиксировано большое количество щепы.

Интересной особенностью этого сооружения является пол, настланный из плотно подогнанных неошкуренных брёвен диаметром 18 – 20 см. Следует заметить, что настилка пола из подобного материала редко применялась в русском домостроении (Засурцев, 1963. С. 23) и свидетельствует о хозяйственном назначении сооружения. Пол настлан по направлению северо-северо-восток – юго-юго-запад. Вход в постройку, скорее всего, находился в северной стене постройки (южная стена почти вплотную подходила к забору, отделявшему усадьбу от мостовой). В юго-западном углу концы брёвен пола были обломаны, и удалось проследить переводину, расположенную в 20 см от южной стены. Диаметр переводины около 18 см. Некоторые брёвна имели пазы размерами 6 х 3 см, что, вероятно, свидетельствует о вторичном использовании брёвен. К югу от постройки на расстоянии 20 – 25 см зафиксированы фрагменты дощатого забора.

Культурный слой в 10 пласте отличается повышенной влажностью. Он тёмно-коричневого цвета, плотный. Примерно с глубины 185 – 190 см в слое большинства квадратов основной примесью становятся щепа и навоз. Встречаются линзы (иногда весьма значительные) палевого суглинка. Прослойки суглинка по большей части связаны с сооружениями: это или остатки печей, или подсыпки под пол. Известь и белый щебень практически полностью отсутствуют, а фрагменты битого кирпича встречены в единичных случаях. Древесный уголь встречается по всей площади раскопа, но наибольшая его концентрация наблюдается у развалов печей.

В кв. 17 обнаружен развал деревянной конструкции. Частично он заходит в кв. 16, 21 и 22. В южной части кв. 17 и юго-западном углу кв. 21 развал представлен вертикально вкопанными досками шириной 14 см (кв. 17) и 20 см (кв. 21). Толщина досок 7 см (кв. 17) и 8 – 9 см (кв. 21). Между досками лежат два бруса сечением 24 х 14 см и длиной 115 см. В верхних частях обоих брусов вдоль всей длины сделана прямоугольная выборка шириной 8 см и глубиной 6 см. Торцы брусов опилены по выборке на глубину 4 см. Аналогичный брус расположен в 23 см от северного и параллелен ему. Расстояние между северным и южным бруском около 30 см. К западу от южного бруса располагался фрагмент доски, у которой овально опилена северная

часть. Рассмотренные детали, скорее всего, являются фрагментами дверной коробки: два косяка и порог. В косяках имеются отверстия круглой формы для крепления детали к дверному проёму.

Интересное сооружение обнаружено в юго-восточном углу раскопа. При зачистке 9 пласта было зафиксировано пятно глины прямоугольных очертаний. Размеры пятна 1,8 x 2,1 м. Глина оконтурена древесным тленом шириной около 2 см. Основная часть этой конструкции располагалась в 10 пласте. При её разборке оказалось, что по углам древесный тлен (доски) примыкает к квадратным (5 x 5 см) столбикам. Глина располагалась на вымостке из плах, которые в свою очередь опирались на два параллельно лежащих бревна диаметром около 30 см. Внутри слоя глины обнаружены линзы пережжённой глины и прослойка золы мощностью 3 см. Вскрытая конструкция, по всей видимости, является остатками надворной глинобитной печи. Аналогичные печи известны по новгородским материалам (Засуров, 1963. Рис. 17, 2). Подобная печь была вскрыта при раскопках Переяславля Рязанского А.Л. Монгайтом в слоях XIV в. (Монгайт, 1961. С. 170).

Следует отметить значительное возрастание в 10 пласте по сравнению с предыдущими напластованиями керамического материала. Так, например, в 9 пласте число фрагментов кухонной керамики превышает количество керамики 7 и 8 пластов вместе взятых, а в 10 пласте возрастает на 14% по сравнению с 9 пластом.

Из наиболее интересных находок пласта отмечу равноконечный крест (10-20-102), вырезанный из тёмно-синего лазурита, происходящего из Бадахшана⁶. Длина горизонтальных лопастей 30 мм. Одна лопасть креста обломана, поэтому невозможно сказать, имел ли он отверстие для шнурка или вставлялся в оправу.

Особенный интерес представляет находка на развале обожжённых камней и кирпича в сооружении № 2 скопления мелких округлых стеклянных бус (более 30 экз.): расположение их в слое (10-15-127) свидетельствует о том, что это было единое ожерелье. Бусины из плотного коричневого стекла имеют диаметр около 6 мм и диаметр отверстия около 3 мм.

С сооружением № 2 связана и находка заготовки вставки для перстня (10-10-116). Диаметр заготовки 10 мм, толщина 3 мм. Вставка не закончена, на что указывают неровные края артефакта. Для вставки использовали осколок зеленоватого стекла, которому пытались придать круглую форму.

⁶ Определение пород камня выполнено Главным хранителем Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН М.Е. Генераловым.

Особым изяществом исполнения отличается костяная накладка (10-8-157), изготовленная из метаподиальной кости крупного рогатого скота. При её изготовлении применялись проточка, сверление, шлифовка, лощение. Дополнительно накладка украшена орнаментом из трёх крестообразных элементов, каждый из которых образован четырьмя бронзовыми гвоздиками.

Другая накладка из этого же пласта (10-20-146) отличается утончённостью формы. Накладка вырезана из рога оленя. Орнаментирована рядом штифтов (более 10) для крепления с черенком ножа.

Культурный слой 11 пласта характеризуется тёмно-коричневым цветом, плотностью, примесью щепы и навоза, повышенной влажностью. Изредка встречены линзы серо-голубого суглинка. В слое хорошо сохраняются предметы из органических материалов.

При зачистке 11 пласта восточного участка найден небольшой фрагмент красноглиняного изразца с изображением воинов, штурмующих крепость.

Среди находок из железа обращает на себя внимание нож с пластиначатой рукоятью (11-21-162). На плоскости клинка при расчистке выявлено клеймо, что указывает на западноевропейское (Германия)⁷ происхождение ножа.

В 11 пласте найдено два корпуса замка. Один из них (кв. 20), по всей видимости, относится к типу В. Цилиндрический корпус замка усилен по краям и по середине валиками. Другой замок (11-20-188) относится к типу Е, который появляется в Новгороде во второй половине XIV в. (Колчин, 1982. С. 162), но продолжает бытовать и позднее. Такие замки с горизонтальным расположением механизма получили на Руси название «сничных» (Никитин, 1971. С. 43). К этому же типу относится и ключ (11-38-160). На торце ключа хорошо видны медные паяные швы. Ещё один ключ (11-37-248) происходит от нутряного замка.

Из 11 пласта происходит калачевидное кресало (рис. 210, 10) (11-22-206). Хотя по новгородской хронологии этот тип кресал не встречается позднее середины XII в., подобная находка не редкость и в позднесредневековых слоях (Белов, Овсянников, Старков, 1981. С. 83; Завьялов, 1990. С. 150; Никитин, 1971. С. 36).

К предметам христианского культа относятся оглавие энколпиона (11-14-210) и образок с изображением Никиты, побивающего беса (11-25-168).

⁷ Определение проведено сотрудником ГосНИИР В.А. Понсовым.

Из 11 пластиа происходят две шахматные фигурки. Ладья выточена из рога оленя (11-16-236). Другая фигурка (11-21-218) – слон – выточена на токарном станке из дерева.

Важным вопросом является хронология вскрытых напластований. Как уже отмечалось, начиная с 6 пластиа, культурный слой в раскопе не имеет серьёзных нарушений. Это позволяет провести датирование пластов по археологическому материалу, принимая во внимание данные дендрохронологии.

Характер артефактов 3 – 6 пластов позволяет говорить, что эти слои складывались в конце XVII–XIX в. Они в значительной степени перемешаны, что не позволяет датировать их более точно. Предложенную датировку верхних пластов подтверждают и монетные находки: в 3 – 5 пластиах встречаются монеты советского периода, а в пласте 6 (кв. 30) найдена деньга 1743 г. с орлом типа 1730 г.

Середина – вторая половина XVII в. в Кремле Переяславля Рязанского отмечена интенсивным каменным строительством. Эта деятельность документирована в напластованиях, вскрытых на Житном раскопе, многочисленными пятнами и линзами извести, включениями в слой примеси (местами значительные) кирпичной крошки. Границы линз извести, как правило, расплывчатые. Начинаются эти линзы примерно с глубины 125 см и глубже представляют мощные прослойки. Линзы извести сосредоточены в восточной части участка. Под этими линзами на западном участке раскопа располагается мощная прослойка древесного угля, который в северной части раскопа достигает максимальной толщины 18 – 20 см. Под прослойкой древесного угля располагается тёмно-коричневый плотный культурный слой с небольшими линзами палевого суглинка.

Линзы извести заканчиваются на уровне 8 пластиа, т. е. эти напластования можно датировать временем середины XVII в. Углистую прослойку, располагающуюся под линзами извести («горизонт каменного строительства»), вероятно, можно связывать с пожаром 1646 г., когда «город Переяславль сгорел и монастыри и все церкви... и торговые ряды, все лавки и дворы все сгорели...» (*Макарий, 1863. С. 58*). Именно после такого глобального пожара стало возможным выделить значительную территорию в Кремле под строительную площадку.

После пожара 1646 г. исследуемая территория не имела жилой застройки. Косвенным образом об этом свидетельствуют и результаты палеоботанического анализа отмывок культурного слоя из 3 – 6 пластов, проведённого к. и. н. Е.Ю. Лебедевой. Насыщенность образцов

остатками злаковых растений является крайне низкой для средневековых коллекций (в среднем 7 на пробу: от 4 до 10 зёрен). Для сравнения можно привести данные по двум средневековым городам (правда, домонгольского времени), где пробоотбор и археоботаническое исследование проводились по той же самой методике. В Торжке этот показатель составляет в среднем 13 зёрен на образец, а в Старой Рязани – 19. На древнерусских селищах насыщенность зерном, как правило, существенно выше: от 25 до 40 зёрен на пробу (Лебедева, 2005).

Между пожаром 1646 г. и началом каменного строительства исследуемый участок находился в запустении, о чём свидетельствует незначительный культурный слой, накопившийся между слоем пожарища и горизонтом каменного строительства.

Датировку слоёв с линзами извести подтверждает и найденная в 7 пласте серебряная московская копейка Михаила Фёдоровича, чеканенная в 1642 – 1643 гг. (определение научного сотрудника РИАМЗ А.А. Гомзина).

К датирующему находкам 8 пласта относятся два однотипных бронзовых креста. Оба креста принадлежат к типу четырёхугольных с прямоугольными лопастями. На лицевой стороне изображён восьмиконечный крест с распятием и орудиями страстей, а в подножии креста – Голгофа. Оба креста сильно стёрты, поэтому надписи практически не читаются. Крест из квадрата 27 сохранил в углублениях на лицевой стороне остатки позолоты (?). Кресты этого типа относятся к типу I, подтипу 1 по классификации Э.П. Винокуровой и, судя по гладкому кольцевому ушку и тонкому пояску обводки по контуру, могут датироваться XVII–XVIII вв. (Винокурова, 1999. С. 334 – 336; Муравьёва, 2000).

Не противоречит предложенной датировке 7 – 8 пластов и анализ керамического комплекса, проведённый В.Ю. Ковалем. Сравнение полученных данных с аналогичными показателями, вычисленными по керамическому комплексу конца XVI–начала XVII в. (раскопки 2002 г. на ул. Затинной в Рязани), позволяют прийти к выводу о том, что комплексы пластов 6 и 7 несколько отличаются от него и являются более поздними: в них вдвое выше доля венчиков типа 3/4, однако по доле орнамента на венчиках горшков эти комплексы очень близки. По мнению исследователя, эти характеристики указывают на дату в пределах первой половины – середины XVII в. (Коваль, 2005. Табл. 1).

Слои 9 – 11 пластов по керамическому комплексу могут быть датированы концом XVI–началом XVII в. (или рубежом XVI–XVII вв.). На это указывают изменения в керамическом комплексе 10 – 11 пла-

стов: здесь преобладают горшки типов 3/3, 1/2 – 2/1 – 84,2 %, датируемые XVI в. Уже в 9 пласте практически исчезает парадная чернолощёная и черноморёная керамика, составлявшая в вышележащих пластиах 10 – 15%.

Для датирования напластований 9 – 11 пластов особое значение имеет дендрохронологический анализ. Сохранность древесины на раскопе позволила провести первые для Переяславля Рязанского дендрохронологические исследования⁸. Для анализа отобраны образцы с подкладок под сооружение № 2 (образцы №№ 1 – 2) и с лаги мостовой (образец № 3). Глубина залегания всех этих объектов – 199 см, что соответствует рубежу 9 и 10 пластов. Основной сложностью при попытке абсолютного датирования переяславских материалов явилось отсутствие датированных дендроматериалов из данного региона. В связи с этим были привлечены многолетние кривые погодично-го прироста образцов древесины из Твери и Кирилло-Белозерского монастыря, охватывающие отрезок XVI – 20-е гг. XVII в. А.А. Карпухиным было предложено два варианта датировки последних сохранившихся годичных колец изученных образцов:

- 1) образцы №№ 1, 2 – 1574 год, № 3 – 1617 год
- 2) образцы №№ 1, 2 – 1547 год, № 3 – 1590 год.

Таким образом, результаты дендрохронологического датирования подтверждают выводы, сделанные на основании анализа керамического комплекса, о том, что рубеж XVI – XVII вв. на исследуемом участке приходится на 9 – 10 пласти.

Первые полевые сезоны подтвердили правомерность избранной стратегии исследования культурного слоя Кремля Переяславля Рязанского. Стало очевидным, что верхние слои (примерно до глубины 80 – 100 см от дневной поверхности) представлены наносным и сильно перекопанным грунтом. Материалы, полученные в ходе работ 2004–2006 гг., свидетельствуют, что культурный слой хозяйственной части Архиерейского двора, где располагается Житный раскоп, отражает жизнедеятельность населения Переяславля Рязанского в XVII в. Слои второй половины XVII в. в значительной мере нарушены при строительстве каменных сооружений Кремля. В это время сносятся существовавшие на исследуемой территории дворы горожан, и позднее жилой застройки на этом участке Кремля не было. В слоях конца XVI–XVII в. прослежены городские усадьбы и постройки, типичные для древнерусских городов.

⁸ Дендрохронологическое изучение проводилось в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН А.А. Карпухиным, которому приношу свою искреннюю благодарность.

Литература

- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.*, 1981. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Часть II. М.
- Буланкин В.М.*, 2008. Отчёт об археологических наблюдениях при прокладке второй очереди газопровода в саду кремля Переяславля Рязанского (третий этап работ (21. 07. 2007 г.–5. 08. 2007 г.) / В.И. Завьялов. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2007 г. // НА РИАМЗ. № 3955.
- Векслер и др.*, 1997. Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О. Обувные подковки XV–XVII вв. (по материалам раскопок в г. Москве) // РА. № 3.
- Векслер А.Г., Лихтер Ю.А.*, 2001. Об одном типе стеклянных находок из культурного слоя Москвы // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск.
- Винокурова Э.П.*, 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы XVII в. М.
- Двуреченский О.В.*, 2004. Средства и приёмы ковки лошадей в Москве и Московской земле (XIII–XIX веках) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.
- Завьялов В.И.*, 1990. Изделия из чёрного металла // Очерки истории освоения Шпицбергена. М.
- Засуриев П.И.*, 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123.
- Кирпичников А.Н.*, 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1–36. Л.
- Коваль В.Ю.*, 2006. Заключение по результатам статистической обработки керамического материала из раскопок 2005 г. в Кремле Переяславля-Рязанского // В.И. Завьялов. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2005 г. Архив ИА РАН.
- Колчин Б.А.*, 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Лебедева Е.Ю.*, 2005. Результаты археоботанического анализа образцов из Переяславля Рязанского // Завьялов В.И. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2004 г. Архив ИА РАН.
- Макарий*, 1863. Сборник церковно-исторических сведений о Рязанской епархии. М.
- Макаров М.М.*, 1973. Отчёт об археологическом наблюдении за земляными работами в Кремле Переяславля-Рязанского летом 1973 г. // НА РИАМЗ. № 2873.
- Медведев А.Ф.*, 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. М.
- Медведев А.Ф.*, 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1–36. М.
- Монгайт А.Л.*, 1961. Рязанская земля. М.
- Муравьёва А.Н.*, 2000. Кресты XVII–XIX вв. из археологических коллекций ВСМЗ // Государственный Владимира-Сузdalский музей-заповедник. Материалы исследований. Владимир.
- Никитин А.В.*, 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. Вып. Е1–34. М.
- Розенфельдт Р.Л.*, 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Е1–39.
- Станюкович А.К., Осипова И.Н., Соловьёва Н.М.*, 2003. Тысячелетие креста. М.
- Судаков В.В., Буланкин В.М.*, 2005. Культурный слой Переяславля Рязанского // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М.
- Хворостова Е.Л.*, 1977. Отчёт об археологических исследованиях у западного фасада Певческого корпуса Рязанского кремля // Архив ИА РАН. Р-1. № 6520.
- Челяпов В.П.*, 1982. Отчёт о раскопках и разведках на территории Спасского и Рязанского р-ов Рязанской обл. в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8501.

В.Ю. Коваль

КЕРАМИКА ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО XVII–XVIII ВВ.

В эпоху средневековья каждый, даже не самый крупный русский город обладал собственным керамическим производством, обеспечивавшим посудой потребности как самого этого города, так и его ближайшей округи. В столицах княжеств, наиболее крупных городов Руси своего времени, производство посуды по необходимости становилось массовым. Имел такое производство и Переяславль Рязанский (современная Рязань), столица Великого княжества Рязанского в XIII–XV вв., центр Рязанского уезда в XVI–XVII вв. и Рязанской губернии в XVIII–XIX вв. Из письменных источников известно, что в конце XVI в. на Рязанском торге существовало 29 лавок горшечников – жителей Переяславля (Писцовые книги..., 1898. С. 3 – 5). Однако до сих пор керамика этого крупнейшего центра практически не описана в археологической литературе. Не известно было, имела ли она отличия от керамики других городов Руси и если да, то в чём конкретно эти отличия заключались. Отсутствует не только остро необходимое монографическое издание керамики Переяславля Рязанского, но долгое время не было даже сколько-нибудь объёмных публикаций отдельных керамических коллекций из этого города. Особенно рельефно отставание в исследованиях рязанской керамики стало заметно на фоне успехов в изучении гончарства Москвы и Подмосковья, других регионов Поочья – Старой Рязани, Ростиславля Рязанского, Коломны, памятников долины реки Вожи, – достигнутых в последние десятилетия (Стрикалов, 2003; Коваль, 1996, 2000; Черкасов, 2004; Зацаринный, 2002, 2004; Заидов, Шеков, 2009).

Впервые керамический материал из Переяславля Рязанского был опубликован В.И. Зубковым (1952. С. 138 – 142), обнаружившим в 1950 г. при земляных работах на ул. Свободы, у дома № 22, две ямы (?), служившие складами для готовой гончарной продукции – красноглиняных горшков и чернолощёной столовой посуды, причём большинство сосудов сохранилось целиком. Обычная кухонная посуда так и осталась не описанной в публикации, а о чернолощёной было указано, что она представлена кувшинами-крынками, кубышками, горшками и мисками. Но ни количество найденных сосудов, ни какие-то иные их характеристики указаны не были, а на фотографии были показаны только 3 сосуда – кувшин-крынка, кубышка и миска, причём без масштаба (Зубков, 1952. Рис. 56). Внимание издателя при-

влекло полное отсутствие в обоих комплексах кувшинов, столь распространённых в Москве. Датировка этих находок была предложена в пределах XVII в., а сами они послужили основанием для предположения, что в то время гончарная слобода Рязани размещалась именно в районе современной ул. Свободы.

Результаты раскопок 1950 гг. нашли отражение в фундаментальном труде А.Л. Монгайта «Рязанская земля», однако там керамике Переяславля было посвящено всего две страницы, в том числе материалам XVII–XVIII вв. – шесть строк, из которых можно узнать только о присутствии среди этой керамики чернолощёных и ангобированных сосудов (*Монгайт*, 1961. С. 281. Рис. 120, 121). Судя по иллюстрациям, в ходе раскопок не удалось полностью разобраться в хронологии керамики (из-за её перемешанности в слое) – материал разного времени оказался перепутан: на одном рисунке среди образцов XIII–XIV вв. помещены два обломка горшков XVI в. (*Монгайт*, 1961. Рис. 118, 6, 8), на другом – среди керамики XVI–XVII вв. – горшок XIV в. (*Монгайт*, 1961. Рис. 120, 1). Никакой конкретной информации о соотношении разных типов посуды и качественной характеристики каждого из них в этой публикации не содержится.

Дальнейшее изучение керамики Переяславля Рязанского связано с работами В.В. Судакова. По результатам раскопок 1980 гг. в Рязанском кремле им была разработана типология венчиков горшков (10 типов), различавшихся по морфологии и хронологии, исходя из их стратиграфического залегания в культурном слое (*Судаков*, 1986. Табл. 42). На базе полученных материалов В.В. Судаковым впервые были сделаны конкретные выводы о составе продукции рязанских гончаров: наиболее многочисленной в Рязани оказалась группа керамики без дополнительной обработки поверхности, бытовавшей с XII по XVIII вв., а чернолощёная и морёная керамика появилась здесь только в XVI в. Краснолощёная и поливная посуда встречалась очень редко и принадлежала обломкам горшков и кувшинов (*Судаков*, 1988. С. 32, 33). К сожалению, сами образцы керамики остались неопубликованными, статистическую обработку материала провести не удалось, и изучение рязанской керамики на этом приостановилось.

В ходе охранных археологических раскопок в остроге и на посаде Переяславля Рязанского, проводившихся в 1990–2000 гг., были получены интересные материалы, ярко характеризующие керамику этого города в XII–XVII вв., но в кратких публикациях приводились лишь отдельные образцы венчиков горшков (*Судаков, Буланкин*, 2003. Рис. 3, 4) без подробного описания обнаруженных комплексов. Правда,

удалось опубликовать некоторые статистические данные об этих материалах (*Коваль*, 2005. Табл. 1. С. 256).

Раскопки в Рязанском кремле, организованные под руководством В.И. Завьялова в 2004 г. и продолжающиеся по сей день¹, дали новый и весьма объёмный материал, доступный для статистической обработки, который позволил впервые в истории изучения керамики Переяславля Рязанского дать её полную характеристику. В настоящей работе рассматривается керамика из раскопок 2004–2005 гг., когда исследовались позднесредневековые отложения (XVII–XVIII вв.). Главным методом изучения этого материала стала статистическая обработка керамики из пластов 6 – 8 Житного раскопа², осуществлявшаяся по методике, разработанной и успешно применявшейся при обработке керамики из Ростиславля Рязанского, Коломны, Дурковского селища, Переяславля Рязанского (2002–2005 гг.), основные положения которой опубликованы (*Коваль*, 1996; 2000; 2004). Статистической обработке было подвергнуто 5250 обломков керамики размерами не менее 3 × 3 см (т. е. площадью 10 кв. см или более). Обработка только крупных обломков позволяла минимизировать ошибки, неизбежно появляющиеся при статистической обработке сильно фрагментированного (переотложенного) керамического материала в открытых комплексах³. В то же время репрезентативность выборки делала маловероятной статистическую погрешность.

В результате проведённого статистического анализа было установлено, что в позднесредневековом культурном слое раскопа керамика домонгольской и золотоордынской эпох составляла не более 4 %. Эта керамика отличалась формовочными массами с примесью мелкого или среднего (отчётливо фиксируемого визуально) песка, днищами на зольных и песчаных подсыпках (в т. ч. с клеймами), характерной профилировкой венчиков и орнаментом (линейным и волнистым) на стенках (рис. 1, 1–11). Поскольку в настоящей работе не ставится задача охарактеризовать эту керамику (тем более при фрагментарности находок), мы не будем более подробно останавливаться на её характеристиках. Отметим только, что облик этой керамики в целом схож с керамикой XII–XIV вв. из Старой Рязани и Ростиславля Рязанского

¹ Благодарю В.И. Завьялова за предоставленный для исследования материал из раскопок в Рязанском кремле.

² Пласти 3 – 5 были сильно перемешаны, поэтому статистическая обработка керамики из этих пластов не проводилась.

³ Все исследованные в 2004–2005 гг. комплексы (слои почти горизонтального залегания) относились к числу «открытых», представленных тёмноокрашенными грунтами, в которых локальные перекопы могут быть зафиксированы лишь в исключительных случаях.

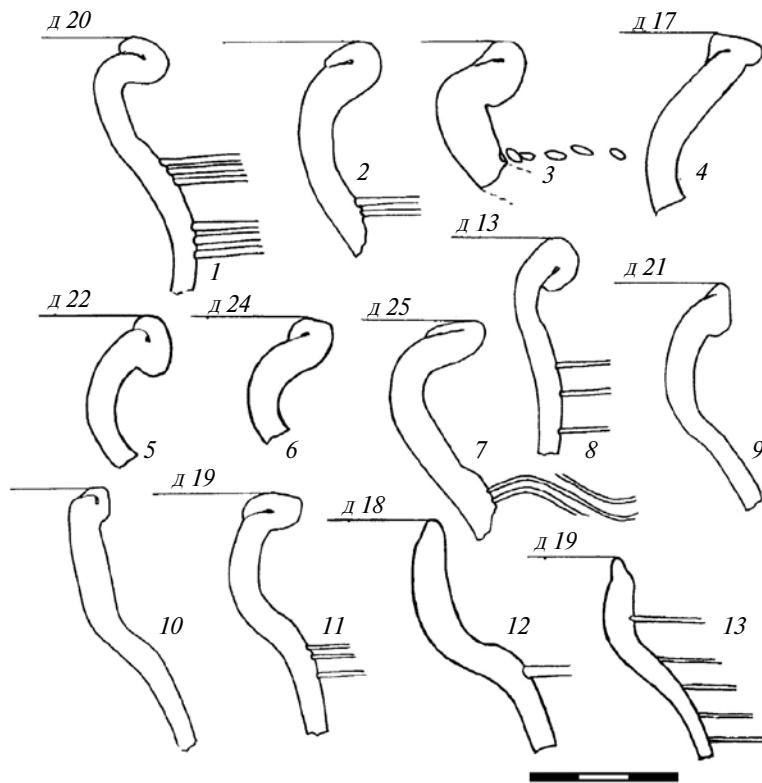

Рис. 1. Керамика XII-XIII вв. (1-7), XIII-XIV вв. (8-11) и XV-XVI вв. (12-13 вв.).
1-5 – пласт 8; 7-9 – пласт 7; 6, 10, 12-13 – пласт 6; 11 – пласт 5

(Стрикалов, 1996, 2003. Рис. 1, 4, 5; Коваль, 1996; 2004). Наиболее ранние образцы в этом наборе могут быть датированы второй половиной XII–первой третьей XIII в. (рис. 1, 1, 3, 5 – 7).

Керамика XV–XVI вв. была представлена в исследованных материалах, видимо, также очень небольшим числом образцов (речь о них пойдёт ниже), так что основную массу керамики (не менее 90 %) в пластах 6 – 8 Житного раскопа составляли образцы XVII–XVIII вв. Это позволяет рассматривать данный комплекс, при всей его «открытости», т. е. частичной перемешанности, вполне представительным для характеристики рязанской керамики этого времени.

Начнём с определения основных групп внутри этого массива. Прежде всего в нём выделяется большая группа ординарной кухонной керамики без дополнительной обработки поверхности (в основном, горшки), составлявшая 80 % всего материала. Почти 17 % керамики относилось к числу обломков чернолощёных и морёных сосудов. Краснолощёная посуда составляла всего 0,2 % комплекса, белоангобированная – 1,7 %, поливная – 0,3 %. Очень важно практически полное отсутствие в исследованном комплексе керамики с признаками изготовления на круге быстрого вращения путём вытягивания из куска глины (на этапах РФК-7, 8 по А.А. Бобринскому) – рифлением на стенках, следами среза на днище. Такой керамики встречено всего 8 обломков (0,2 % сбора), причём все они найдены в пласте 6, куда они могли попасть по перекопам из более поздних вышележавших отложений. Учитывая тот факт, что передовая технология вытягивания сосудов даже в керамике столичной Москвы фиксируется только с середины XVIII в. (*Розенфельдт*, 1968. С. 28, 44, 49), можно предполагать, что в Переяславле Рязанском внедрение этой технологии могло произойти еще позже. Следовательно, керамический комплекс пласта 6 отложился никак не позже XVIII в., а, скорее всего, еще раньше. Доля поливной керамики в исследованном комплексе выглядит слишком небольшой для отложений XVIII в. (для сравнения: в слоях XVIII в. в Ново-Иерусалимском монастыре в Подмосковье такая керамика составляла около 1/5 всего сбора⁴). Такая низкая доля поливной посуды может указывать на относительно раннюю дату культурных отложений – не позже начала –первой половины XVIII в.

Единичность образцов краснолощёной и поливной посуды указывает на её привозной характер. Вероятно, краснолощёная керамика могла попадать в Переяславль Рязанский из Коломны или Москвы конца XIV–середины XVI в. или Можайска второй половины XVI в., где существовали крупные центры производства такой посуды.

Среди поливной керамики можно выделить несколько групп:

а) белоглиняная кухонная керамика с росписью красной краской на внешней поверхности и глазированием внутренней. Такая керамика появляется в Москве с XVIII в., что было связано с влиянием гончарства Украины (*Коваль*, 2001), где этот способ декорирования кухонной посуды был особенно распространён. Но появление глазури на белоглиняной керамике следует относить к ещё более позднему времени (не ранее конца XVIII в.);

⁴ Материалы раскопок Л.А. Беляева и В.Ю. Коваля в 2009 г.

б) кухонная посуда из других типов глин (в том числе ожелезнённых);

в) белоглиняная и красноглиняная столовая посуда разнообразных профилировок: тарелки, миски, кувшины, миниатюрные горшки, плошки;

г) красноглиняная поливная помадная банка с облицовкой бесцветной глазурью (встречена в единственном экземпляре).

Почти все находки поливной посуды происходили из верхних переотложенных слоёв раскопа, а потому достоверная их датировка затруднительна.

Вернёмся к керамике без дополнительной обработки поверхности. Соотношение функциональных форм сосудов в этой группе показано в таблице 1.

Таблица 1. Формы керамики Переяславля Рязанского

Функциональные формы	Без дополнительной обработки поверхности	Чернолощёная
Горшки	828 (90,8%)	19 (13,3%)
Крышки от горшков	28 (3,1%)	7 (4,9%)
Миски	13 (1,4%)	6 (4,2%)
Кувшины	18 (2,0%)	35 (24,5%)
Кувшины-крынки	25 (2,7%)	73 (51,0%)
Кумганы	—	3 (2,1%)
Итого	912	143

Из таблицы видно, что горшок был наиболее массовой формой посуды в этой группе. Существенно реже встречаются крышки от горшков, кувшины и кувшины-крынки, миски. Других форм керамики не встречено.

Если говорить о технологии изготовления керамики рассматриваемой группы, то в ней выделяются несколько разновидностей посуды. К первой разновидности кухонной посуды относились горшки, изготовленные ленточным налепом с последующим обтачиванием на ручном гончарном круге (РФК-5-6 по А.А. Бобринскому) из неожелезнённой (беложгущейся) глины без всяких видимых примесей, как правило, полного окислительного обжига. Поверхность горшков этого вида в том случае, если они не покрыты бытовым нагаром, имеет чисто-белый, реже – серовато-стальной или кремовый цвет.

Горшки, использовавшиеся при приготовлении пищи, покрыты на-гаром по венчикам и плечикам, а нижняя часть тулов и дна имеет в этом случае серый или грязно-серый цвет, излом пропитан чёрной перегоревшей органикой. В случае вторичного обжига белый цвет поверхности и излома восстанавливается. Венчики горшков имеют вертикальную постановку (типы 3/3 и 3/4), с заострёнными или закруглёнными краями, днища заглажены и не имеют следов подсыпок, орнамент (почти исключительно линейный) собран на венчике или переходе от венчика к плечику (рис. 2, 3). Такая керамика хорошо известна по раскопкам в Коломне, где в XV в. было положено начало традиции её производства. В XVI–XVII вв. эта керамика начала изготавливаться в Туле (а возможно, и иных местах Поочья) и распространялась по всему Среднему и Нижнему Поочью, Москворечью и Среднему Поволжью – от Москвы до Нижнего Новгорода и Казани (Коваль, 2001, 2005). В результате массовых поставок коломенской керамики в Москву слои XVII–XVIII вв. здесь до такой степени насыщены её обломками, что долгое время она считалась продукцией московских гончаров и получила условное наименование «московской белой гладкой» керамики (Розенфельдт, 1968. С. 44 – 45. Табл. 15, 16). Лишь после начала широкомасштабных раскопок в Коломне, проводившихся в 1990–2000 гг. под руководством А.Б. Мазурова и А.С. Сыроватко, и керамологических исследований В.В. Черкасова (2005) стало очевидно, что такая керамика производилась именно в Коломне и её ближайших окрестностях⁵.

Основную массу коломенской керамики составляли в исследованных комплексах Житного раскопа образцы XVII в. с венчиками типа 3/4, т. е. с округлым «чистовым краем», хотя заметным было количество более ранних форм с приострённым и слегка профицированным «чистовым» краем (венчики типа 3/3), характерных для XVI в. (рис. 2, 1, 4, 7, 9; 3, 1, 3, 4), встреченных во всех пластах раскопа. Возможно, подобные формы продолжали бытовать и на протяжении XVII в., хотя их доля постоянно снижалась. К концу XV в. относился только один венчик коломенского горшка (рис. 1, 13), имевший аналогии в синхронных материалах из Ростиславля Рязанского (Коваль, 2004. Рис. 11, 68 – 73).

Материалы Переяславля Рязанского позволяют впервые сопоставить масштабы экспорта керамики Коломны в Москву и Переяславль Рязанский.

⁵ К сожалению, этот факт до сих пор ещё не принят многими археологами Москвы, продолжающими использовать устаревшую терминологию.

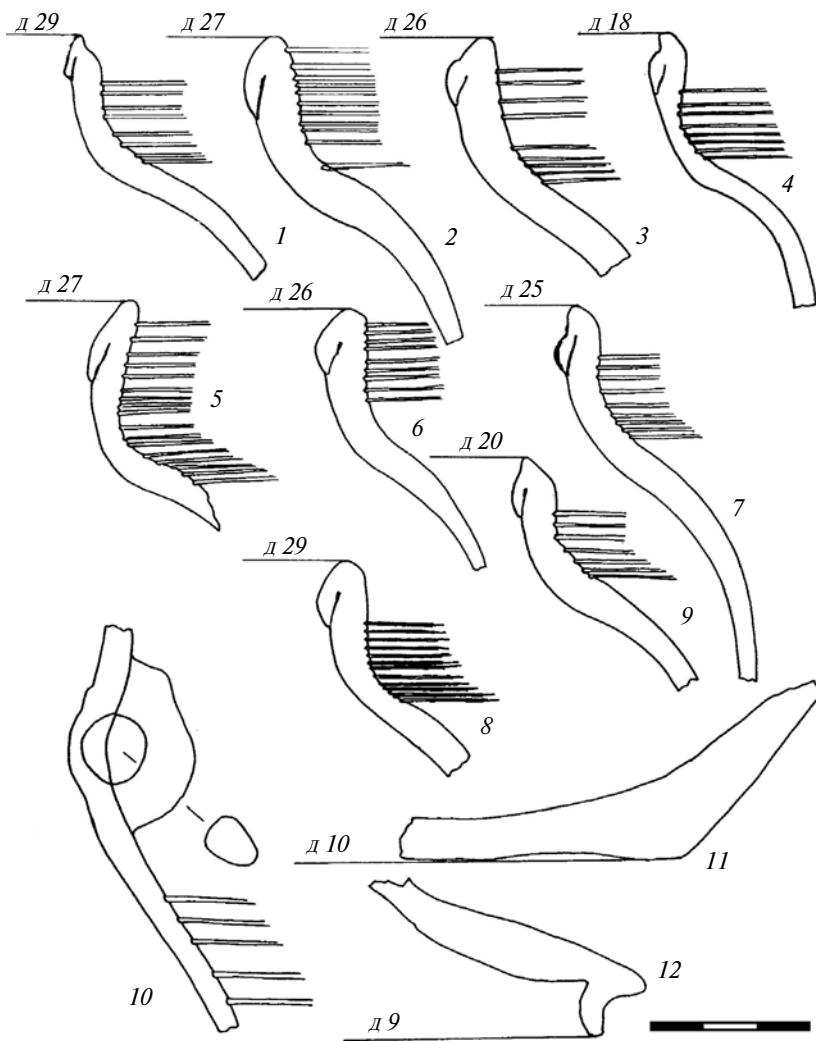

Рис. 2. Белоглиняная керамика Коломны XVI-XVII вв.
1, 2, 4 – пласт 8; 3, 5-12 – пласт 8

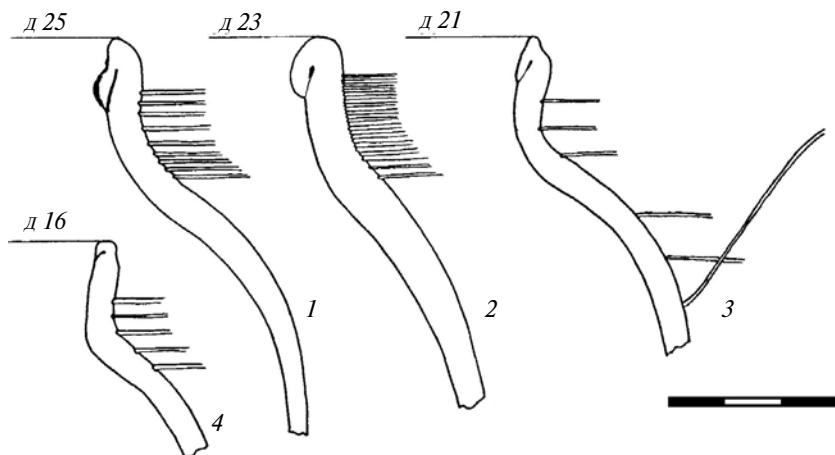
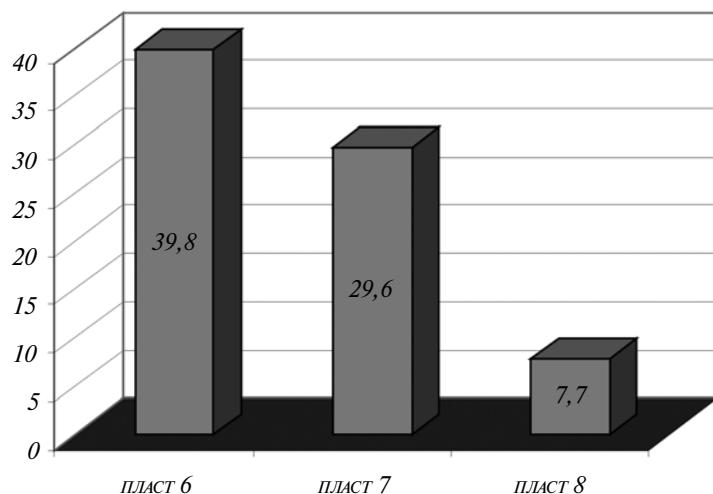

Рис. 3. Белоглиняная керамика Коломны XVI-XVII вв.
1-2 – пласт 6; 3 – пласт 5; 4 – пласт 7

Диаграмма 1. Доля керамики Коломны в пластовых сборах
кремлёвского раскопа

Из диаграммы 1 видно, что доля коломенской керамики в пластовых сборах имеет тенденцию к росту от пласта 8 к пласту 6 с 7,7 % до 39,8 %. Эта означает, что на протяжении XVII–XVIII вв. происходил постоянный рост ввоза коломенской керамики в Переяславль Рязанский. Следовательно, «экспансия» коломенской посуды была направлена не только в Москву, но и во все окрестные города. Переяславль Рязанский, размешавшийся ниже по Оке на небольшом расстоянии от Коломны, стал, видимо, одним из основных пунктов экспорта коломенских горшков. Однако даже в момент максимального экспорта керамика Коломны составляла здесь только 1/3 всей кухонной керамики. Очевидно, более массовому импорту препятствовало существование собственного (рязанского) керамического производства. Важно также отметить, что среди материалов пластов 6 – 8 (и в более поздних слоях) практически отсутствовала коломенская керамика XVIII в., характеризовавшаяся венчиками без орнаментации или с одной-двумя линиями, прочерченными по краю. Подобная керамика хорошо известна в Москве. Это означает, что такая посуда в Переяславль Рязанский уже не поступала. Единственная причина тому – развитое местное производство кухонной керамики. В таком случае отмеченный на диаграмме 1 рост ввоза коломенской посуды иллюстрирует относительно непродолжительный эпизод в истории развития местного рынка в XVI–XVII вв., на одном из этапов которого часть потребности в кухонной керамике удовлетворялась за счёт ввоза коломенских горшков. Наряду с горшками ввозились также крышки от горшков и кувшины-крынки с двумя маленькими ушками на горловине (рис. 2, 10, 12), но количество этой посуды было относительно невелико.

Вторая разновидность массовой кухонной керамики Переяславля Рязанского очень близка коломенской посуде. Это тоже горшки, изготовленные ленточным налепом с последующим обтачиванием на ручном гончарном круге (РФК-5-6 по А.А. Бобринскому) из формовочной массы, почти не имевшей видимых примесей, но содержащей мелкодисперсный песок, присутствие которого улавливалось по лёгкой шероховатости поверхности сосудов⁶. Такая масса изготавливалась из естественно-чистых слабоожелезнённых глин, имевших после полного окислительного обжига жёлтый (иногда оранжево-жёлтый) цвет поверхности и излома (рис. 4, 5), а после восстановительного обжига – светло-серый цвет излома (цвет поверхности та-

⁶ Для такой массы использовалась кодировка «1.1./1.2.», означающая переходный этап от масс с отчётливо фиксируемыми естественными примесями мелкодисперсного песка (1.2.) к массам без всяких видимых примесей (1.1.).

Рис. 4. Керамика Переяславля Рязанского из слабоожелезнённых глин, окислительного обжига (образцы венчиков горшков из пласта 7)

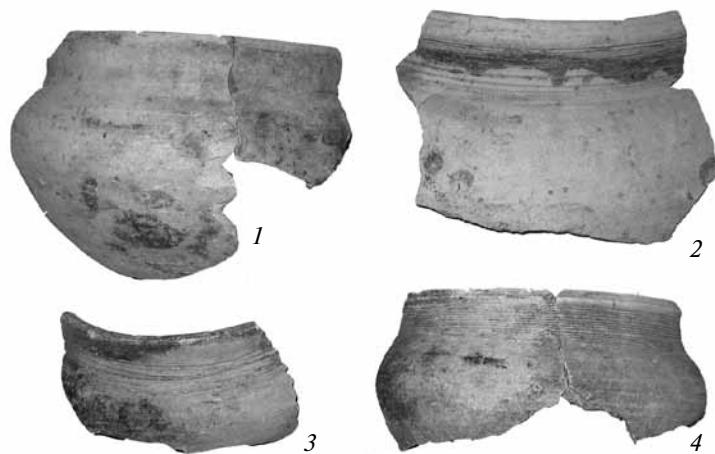

Рис. 5. Керамика Переяславля Рязанского из слабоожелезнённых глин, окислительного обжига (образцы венчиков горшков из пласта 8)

ких сосудов чаще всего бывал чёрным из-за применения «дымления» керамики на финальном этапе её изготовления или бытового органического нагара). В пластах 7 – 8, где количество такой керамики было максимальным (71 и 66 % всей керамики соответственно), она характеризовалась следующими признаками:

- восстановительный обжиг фиксировался на 19 % образцов, по другим своим характеристикам не отличавшихся от остальной керамики этой группы (рис. 6, 7);
- белоглиняная посуда составляла 4,4 %;
- изделия из слабоожелезненной глины – 75 % (рис. 4; 5; 8 – 17).

Итак, для изготовления подобной керамики использовалась почти исключительно слабоожелезнённая глина своеобразной окраски и гранулометрического состава (с учётом керамики восстановительного обжига – более 90 % всей посуды данного вида). Поскольку эта керамика не известна в соседних городах Поочья (в частности, в Коломне), её можно уверенно относить к местному рязанскому производству. В дальнейшем изложении керамику с такими характеристиками будем называть рязанской.

Теперь рассмотрим подробнее другие характеристики этой керамики. Венчики горшков в целом мало отличались от коломенских – они относились к типам 3/3 (рис. 8, 1; 10, 1 – 2, 5 – 10; 11, 1 – 3, 6; 12, 10 и др.) и 3/4 (рис. 10, 3 – 4, 11 – 12; 12, 1 – 4, 6, 8 – 9; 13, 1, 3, 4, 6, 10 и др.), т. е. очень точно копировали коломенские горшки. Интересно распределение типов венчиков в пластиах раскопа (см. табл. 2., подсчёты проведены по 605 венчикам).

Тенденция прослеживается очень чётко: если в пласте 8 венчики обоих названных типов присутствовали практически в равном количестве, то в пластиах 7 и 6 начинают доминировать венчики типа 3/4. Такая тенденция была замечена давно (о ней, применительно к московским материалам, писал ещё Р.Л. Розенфельдт), но документально впервые её удалось зафиксировать только в 2002 г. на материалах раскопа на Затинной улице в Рязани (*Коваль, 2005. Табл. 1. С. 256*), по которым было установлено, что на рубеже XVI–XVII вв. венчики типа 3/3 перестают доминировать в керамике коломенского типа (как собственно коломенского производства, так и рязанского). Новые данные, полученные по материалам Житного раскопа, позволяют убедиться в справедливости полученного вывода, а главное – получить дату для отложений пласта 8 этого раскопа, исходя из

близости показателей хроноиндикаторов пласта и комплекса начала XVII в. на ул. Затинной⁷.

Таблица 2. Характеристики рязанской керамики XVI–XVII вв.

Хроноиндикаторы керамики	Пласт 6	Пласт 7	Пласт 8
Венчики типа 3/3 (в % к общему числу венчиков)	5	13	44
из них: вариант Б	—	11	14
вариант Е	—	31	40
вариант Ж	—	14	23
Венчики типа 3/4	85	83	47
из них: вариант А	22	38	54
вариант Г	75	47	44
Днища типа 2 (к общему числу днищ)	71	50	67
Днища типов 4 – 5	23	48	32
Днища типов 6 – 7	6	2	2
Орнаментация:			
на переходе от венчика к плечикам (в % ко всей совокупности орнаментированных обломков)	20	18	37
только на венчике	60	57	43

Следует обратить внимание также на динамику по вариантам венчиков типа 3/4, явно имеющую хронологическое значение: если в верхних напластованиях (пласт 6) доминировали венчики варианта «Г» (рис. 14, 1 – 6), то в нижних (пласт 8) – уже варианта «А» (рис. 10, 3 – 4; 12, 8 – 9).

Более ранняя керамика этой разновидности встречалась крайне редко. Речь идёт о горшках с вертикальными приострёнными венчиками и обязательно имеющих ребро на плечике (Судаков, 1986. Табл. 42. Тип IV), с линейным орнаментом, нанесённым палочкой на плечики (рис. 1, 12). Однако именно эти формы, близкие синхронным коломенским, и позволили, вероятно, рязанским гончарам быстро и легко начать копирование коломенских горшков. Вместе с тем надо подчеркнуть, что венчики рязанских горшков XV в., при всей своей

⁷ Комплексы пластов 6 и 7 Житного раскопа являются более поздними по отношению к материалам с ул. Затинной: в них вдвое выше доля венчиков типа 3/4, однако по доле орнамента на венчиках горшков эти комплексы очень близки. Вероятно, эти характеристики указывают на дату в пределах XVII в.

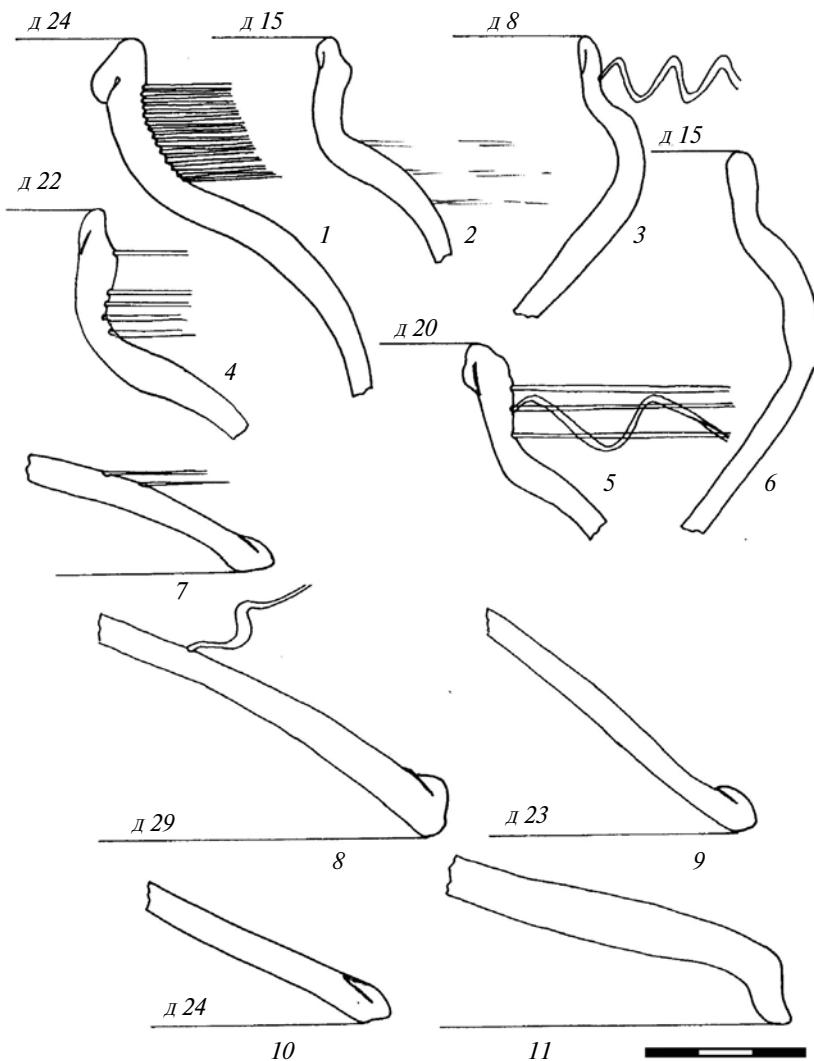

Рис. 6. Керамика Переяславля Рязанского из слабоожелезнённых глин,
восстановительного обжига, из пласта 8

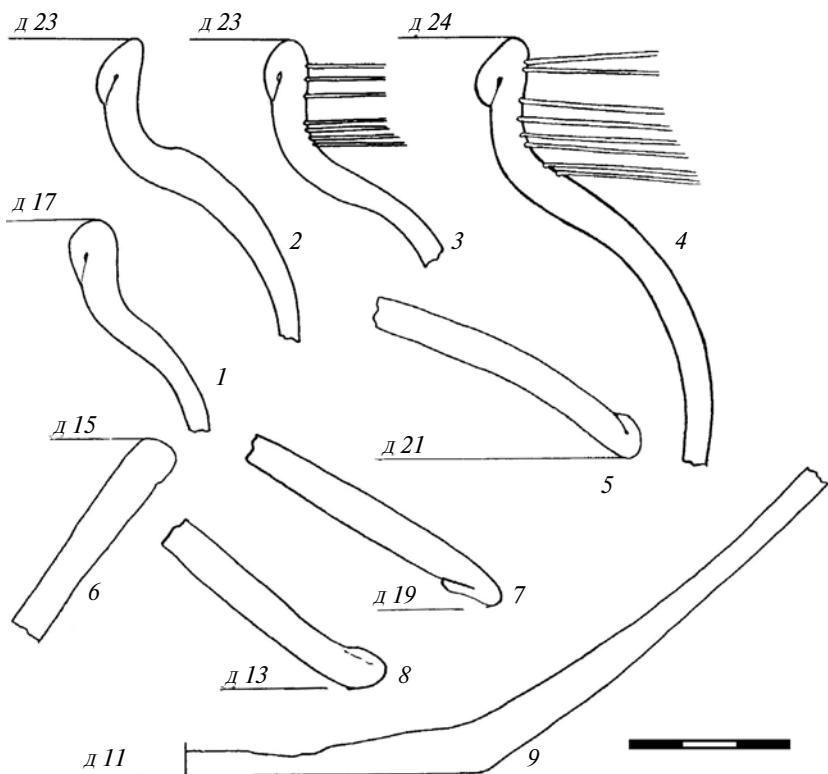

Рис. 7. Керамика Переяславля Рязанского из слабоожелезнённых глин, восстановительного обжига, из пластов 7 (№ 1, 2, 7, 8) 6 (№ 3-6) и 8 (№ 9)

близости коломенским, всё же имели заметные отличия от них: отсутствие деформаций «чернового» края, фактически совпадавшего с «чистовым», а также наличие ребра на плечике, не свойственного коломенским горшкам. Все эти морфотехнологические особенности не получили развития в рязанском гончарстве XVI в., что надо связывать с политическим событием – окончательным присоединением Рязанского княжества к Москве в 1521 г., за которым, вероятно, последовала экономическая экспансия Москвы и Коломны.

Днища рязанских горшков (рис. 7, 9; 8, 1; 11, 10–11; 12, 11–12; 14, 8, 9 и др.) не показывают столь же яркой тенденции к трансформациям, поэтому о них можно сказать лишь то, что среди них точно так же, как и в керамике Коломны, доминировали образцы без

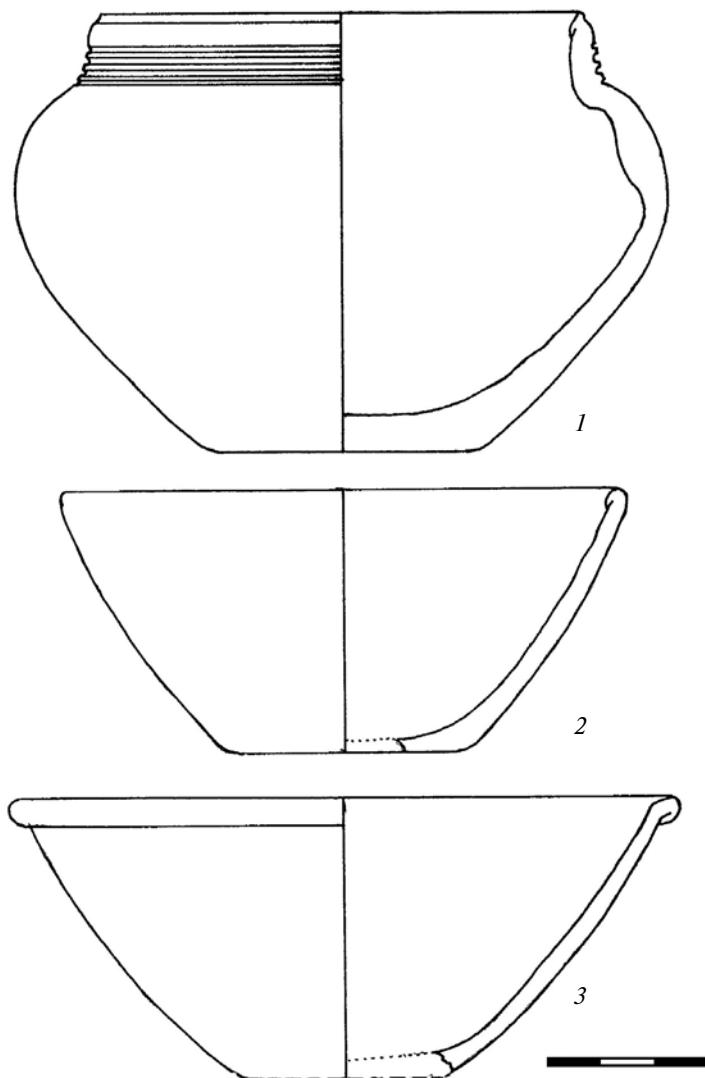

Рис. 8. Керамика Переяславля-Рязанского из слабоожелезненных глин, окислительного обжига, из пласта 8

каких-либо следов формовки (такие днища специально затирались, чтобы удалить остатки подсыпки, необходимой для беспрепятственного снятия сосуда с гончарного круга). Однако если в Коломне такие днища в XVII в. абсолютно доминировали (более чем у 90 % всех сосудов), то в Рязани от 1/4 до половины горшков оставлялись со следами подсыпок на дне. По этим следам видно, что подавляющее большинство горшков формовались здесь на подсыпках из мелкого песка и лишь незначительная часть гончаров использовали для такой подсыпки золу (табл. 1).

Рис. 9. Керамика Переяславля Рязанского из слабоожелезненных глин, окислительного обжига, из пласта 8 (миски)

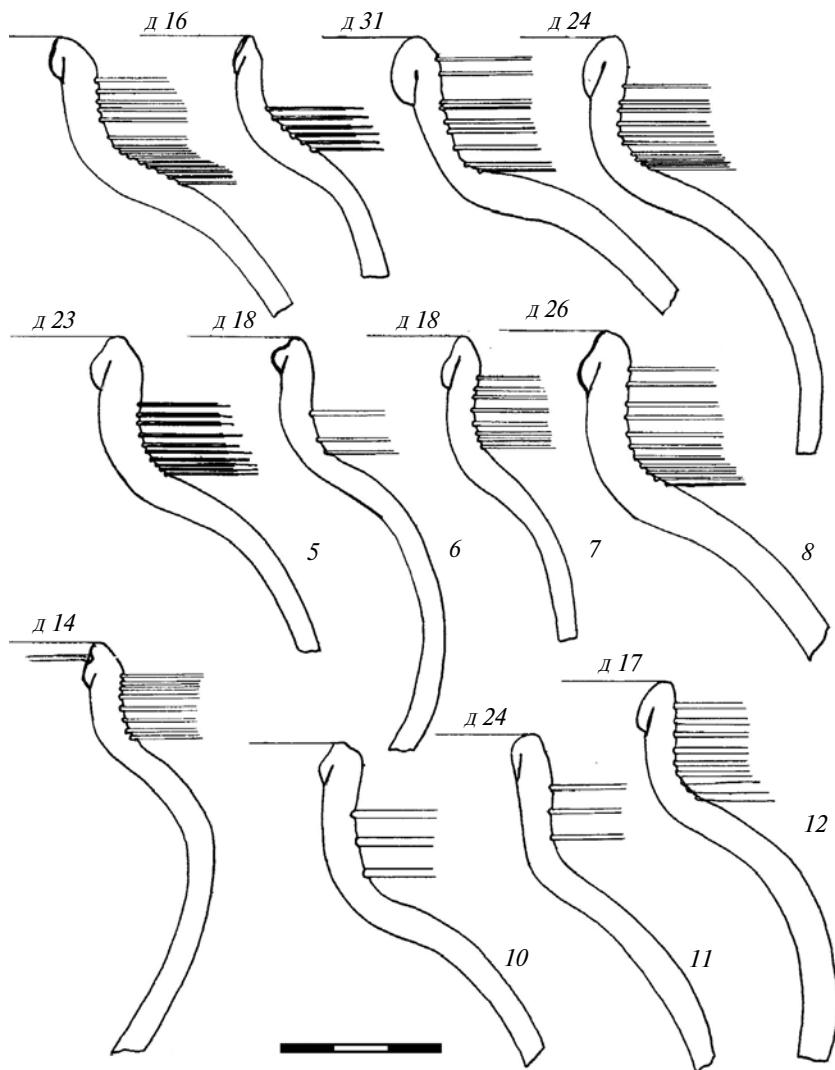

Рис. 10. Керамика Переяславля Рязанского из слабоожелезнённых глин,
окислительного обжига, из пласта 8

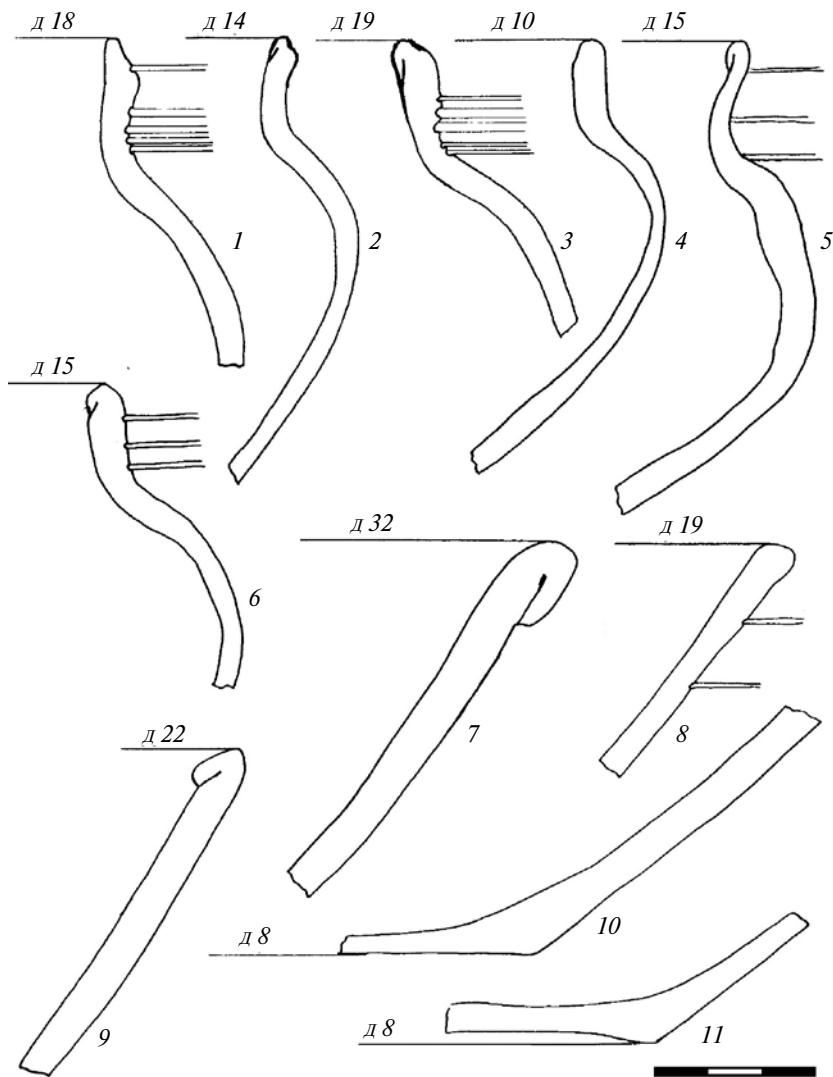

Рис. 11. Керамика Переяславля Рязанского из слабоожелезнённых глин, окислительного обжига, из пласта 8

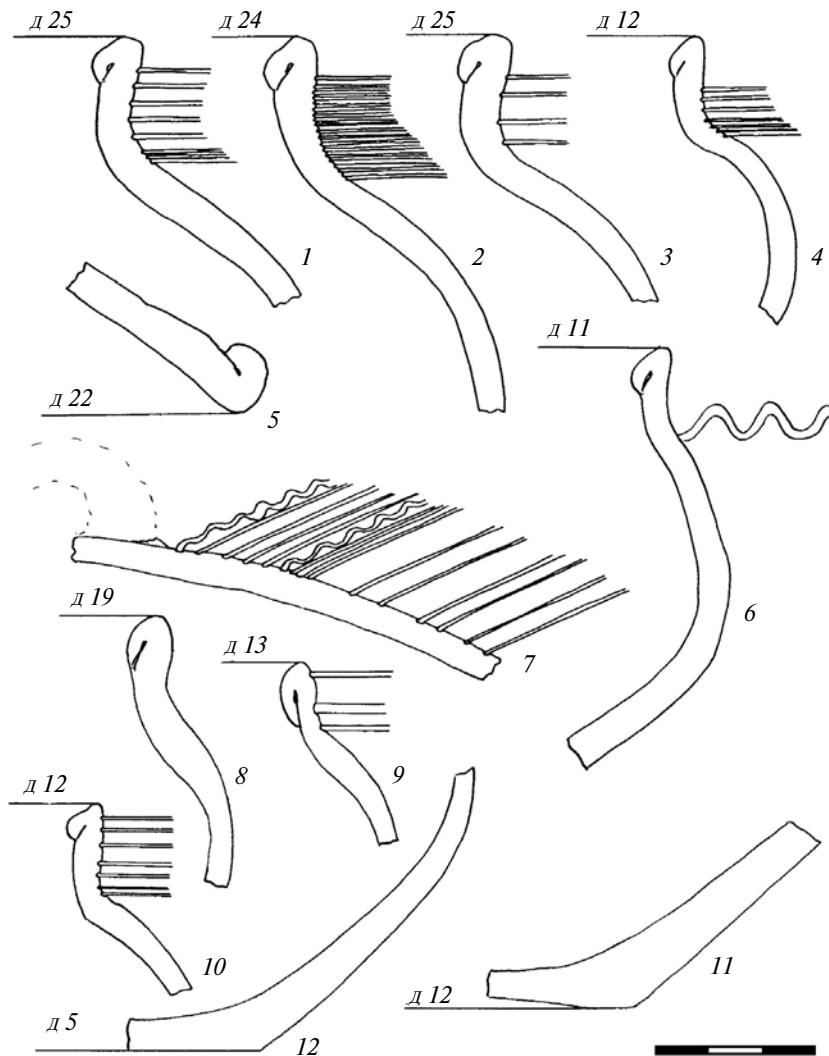

Рис. 12. Керамика Переяславля Рязанского из слабоожелезнённых глин, окислительного обжига, из пластов 7 (№ 1-5, 9-11) и 6 (№ 6-8)

Интересны наблюдения над орнаментацией горшков. Несмотря на большую вариативность данных, видно, что существовала выраженная тенденция к переходу линейного орнамента с нижней части венчика и зоны его перехода в плечико (рис. 8, 1; 10, 1, 2, 4 – 6; 11, 3; 12, 4 и др.) на среднюю и верхнюю части венчика (рис. 10, 3, 9 – 12; 11, 5, 6; 12, 1 – 3, 9 – 10 и др.), так что к концу рассматриваемого периода (отразившегося в материалах пласта 6 и относящегося, вероятно, ко второй половине XVII или даже началу XVIII в.) у большей части горшков орнамент располагался уже только на венчике и лишь у 1/5 образцов (а это могли быть переотложенные из более ранних слоёв обломки) он ещё фиксировался на переходе от венчика к плечику. Более того, в пласте 6 (позднейшем комплексе) 38 % всех венчиков вообще не несли орнамента (рис. 14, 1 – 6). Такой отказ от орнаментации с начала XVIII в. соответствует аналогичной тенденции, прослеженной нами ранее по коломенским образцам. Линейный орнамент наносился всегда палочкой по спирали сверху вниз в три и более (до 20) витков, причём в качестве инструмента использовались как заострённые палочки (ширина линии в этом случае колебалась в пределах 1 – 2 мм), так, вероятно, и железные ножи или обломки их лезвий (они давали глубоко врезанные линии шириной около 0,5 мм).

Характерной чертой рязанской керамики, рассматриваемой здесь, является заметное распространение в декоре горшков всех разновидностей (включая морёные) волнистого орнамента, наносившегося всегда палочкой по нижней части венчика в виде одного замкнутого пояса, иногда поверх уже нанесённого линейного орнамента (рис. 6, 3, 5; 12, 6; 13, 9).

Наряду с горшками, рязанские гончары изготавливали и иные формы посуды:

- крупные тарные сосуды (корчаги), иногда затейливо украшенные перекрещивающимися диагональными линиями, насечками и волнистым орнаментом (рис. 13, 9; 17, 1 – 2);

- крышки от горшков с петлевидными ручками, «черновые края» которых заворачивались как внутрь, так и наружу (рис. 12, 5, 7; 13, 11; 14, 7). Как правило, крышки не орнаментировались, но всё же изредка встречались экземпляры с волнистым и линейным орнаментом (рис. 12, 7; 13, 11);

- округлобокие миски усечённо-конической профилировки (рис. 8, 2, 3; 9; 11, 7 – 9; 13, 12, 13; 14, 7), среди которых следует отметить одну с горизонтально отогнутым краем (рис. 13, 12), скорее напоминающую небольшой таз;

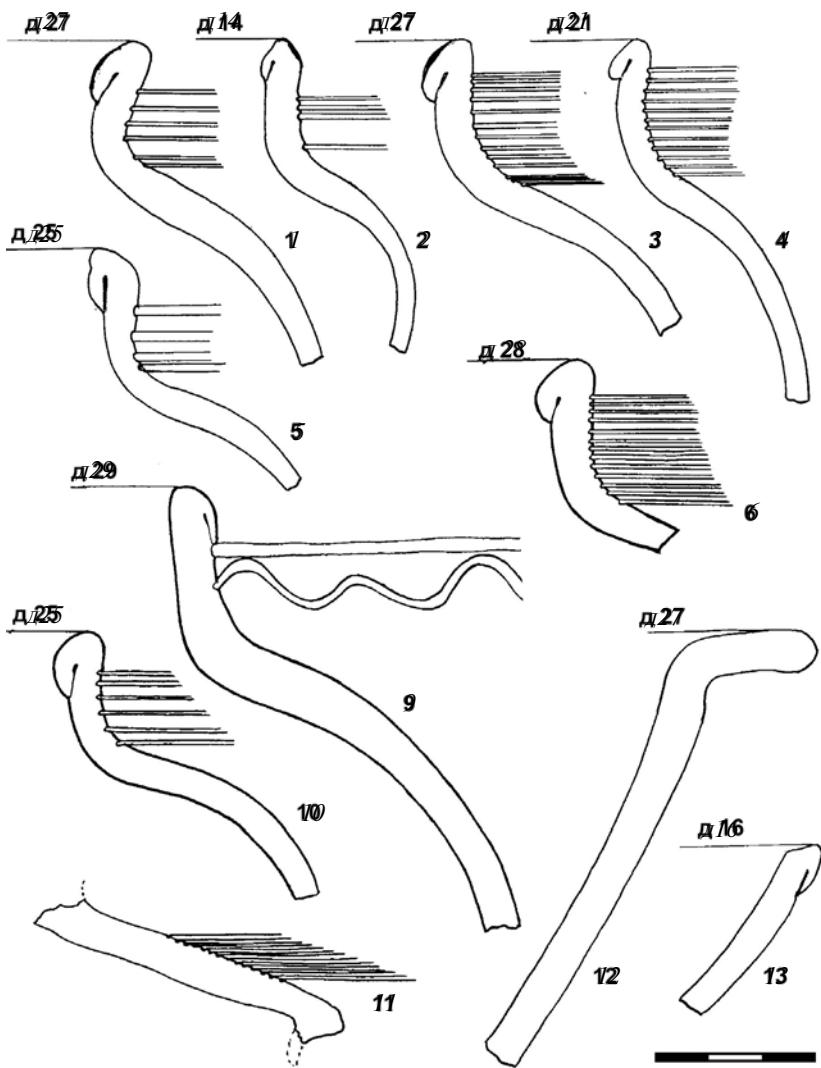

Рис. 13. Керамика Переяславля Рязанского из слабоожелезнённых глин, окислительного обжига, из пласта 7

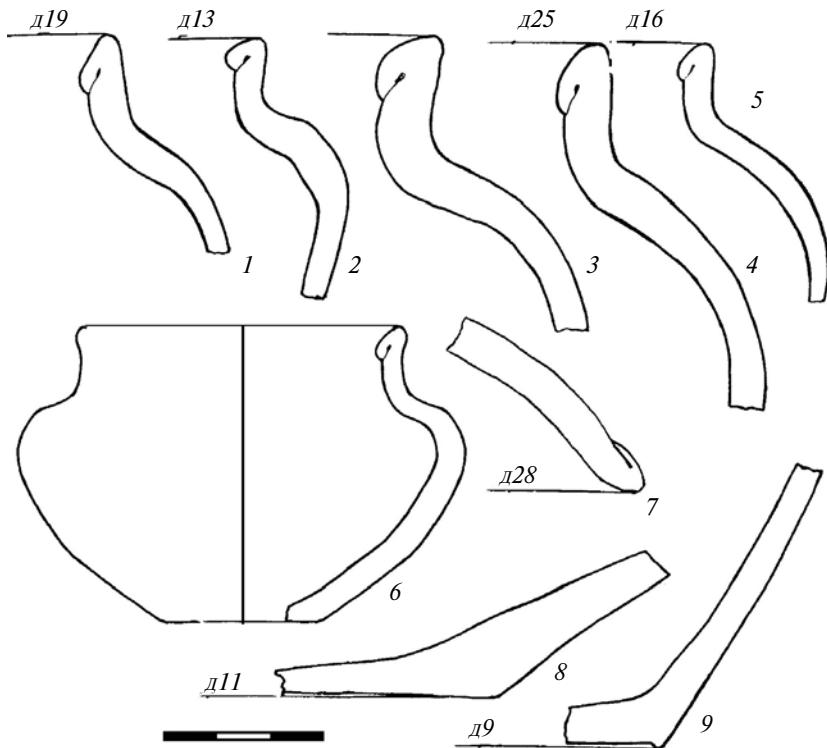

Рис. 14. Керамика Переяславля Рязанского из слабоожелезнённых глин, окислительного обжига, из пласта 6

- кувшины (встречено несколько обломков ручек) и кувшины-крышки с желобообразными сливами и маленькими круглыми ручками по обе стороны горловины (рис. 15; 17, 3 – 4), использовавшимися для подвешивания на веревке; форма этих сосудов заимствована из керамики Коломны, где подобные изделия известны с XVI в.

Единственной находкой представлена верхняя часть кубышки (рис. 16; 17, 5) – формы, совершенно не характерной для Переяславля Рязанского, следующей московским образцам.

Столь же экзотична ножка мискообразного сосуда-трипода (рис. 17, 6), вероятно копировавшего западнорусские «рынки» (трёхногие сковороды с втульчатыми ручками).

Рис. 15. Керамика Переяславля Рязанского из слабоожелезнённых глин, окислительного обжига, из пласта 8 (кувшины)

Наряду с керамикой окислительного обжига в составе ординарной кухонной посуды рязанского производства заметную долю (19%) составляла керамика восстановительного обжига (т. е. «морёная» чёрного или серого цвета), представленная теми же формами, что и посуда окислительного обжига, т. е. горшками, крышками от горшков и мисками (рис. 6; 7).

Третью разновидность керамики без дополнительной обработки поверхности в Переяславле Рязанском составляла посуда, изготовленная из формовочной массы на основе (неожелезнённой) беложгущейся глины с включениями большого количества мелкого песка (с концентрацией до 1:5). Её доля составляла всего 5,6% данной группы керамики. Незначительную часть такой посуды (не более 1/6) состав-

Рис. 16. Верхняя часть кубышки из слабоожелезнённой глины, окислительного обжига, из пласта 7

ляли обломки гжельских кувшинов XVI–XVII вв. с характерными венчиками, формовавшимися заворотом «чернового края» наружу (Розенфельдт, 1968. Табл. 15), а все остальные образцы принадлежали горшкам, довольно точно копировавшим формы коломенских и рязанских прототипов (рис. 23). Отличия состояли в своеобразии профилировки некоторых венчиков горшков (рис. 23, 4, 6, 8) и днищах, формовавшихся в основном на песчаных подсыпках. Место производства керамики этой разновидности остаётся неизвестным. Близость визуальных характеристик формовочной массы горшков с керамикой Гжели в данном случае не является решающим аргументом, поскольку продукция Гжели XVII–XVIII вв. пока недостаточно хорошо изучена. В то же время близкие формовочные массы могли применяться и в других местах в Южном Подмосковье и Поочье.

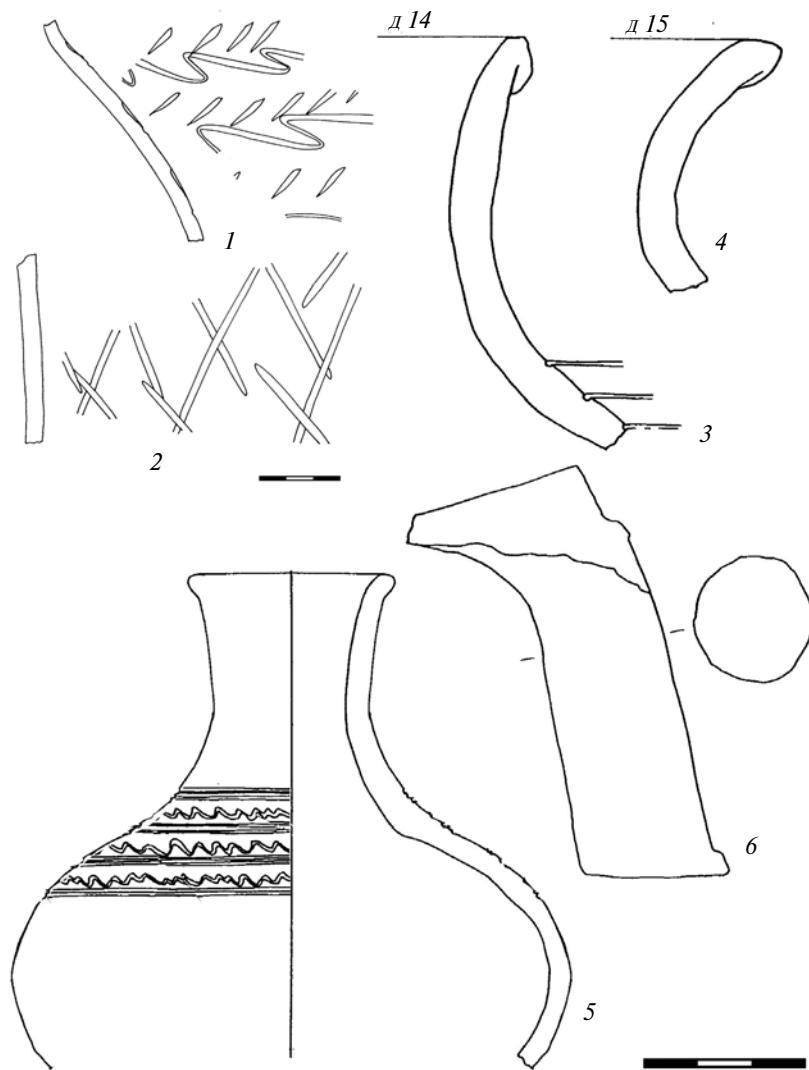

Рис. 17. Керамика Переяславля Рязанского из слабоожелезнённых глин, окислительного обжига, из пластов 8 (№ 1-4) и 7 (№ 6-7)

Теперь перейдём к характеристике керамики с дополнительной обработкой поверхности. В этой группе, за исключением поливной посуды, рассмотренной выше, присутствуют три серии изделий: белоангобированные, краснолощёные и чернолощёные. Краснолощёная посуда представлена единичными обломками и не может быть полно охарактеризована. Единичность и измельчённость находок (она составляла всего 0,2% всей керамики) указывает на то, что вся она была переотложена из более ранних слоёв. По происхождению эта посуда могла быть связана с Москвой, где в XIV–XVI вв. существовало её массовое производство (наряду с московской, среди мелких обломков могли встречаться также трудноопознаваемые образцы изделий Волжской Булгарии и Коломны).

Интересна белоангобированная керамика (1,7% сбора), представленная только обломками горшков, копирующими коломенские (рис. 24). Судя по формовочной массе (из слабоожелезнённой глины, с включениями очень мелкого песка), вся эта керамика производилась в Переяславле Рязанском (не встреченено ни одного экземпляра, который можно было бы связывать с производством Москвы или Коломны). Между тем в Москве и Коломне красноглиняная керамика, покрытая сплошь белым ангобом, появилась в XVI в. как подражание коломенской белоглиняной посуде. Вероятно, белоангобированная керамика Переяславля Рязанского появилась также в XVI в., но, в отличие от Москвы и Коломны, она могла производиться здесь и на протяжении XVII в.

Чернолощёная столовая посуда составляла 16,7% керамического комплекса. Для сравнения: в Москве XVII в. доля чернолощёной керамики достигала в среднем 19 %, а в отдельных комплексах её количество колебалось в пределах 15 – 25% (Рабинович, 1971. Табл. 15). Следовательно, в Рязани такая керамика была распространена столь же широко, как и в Москве.

В отличие от керамики без дополнительной обработки поверхности (т. е. в основном кухонной), 3/4 чернолощёной посуды составляли кувшины (рис. 19, 3) и кувшины-крынки (табл. 1), но присутствовали также горшки (13,5 %) (рис. 18, 6 – 8, 10 – 11; 19, 4 – 7; 20, 7; 21; 22, 1 – 4), а миски составляли всего 4% (рис. 19, 10; 22, 7). Преобладание кувшинов среди чернолощёной столовой посуды характерно для большинства городов позднесредневековой России и, в частности, Москвы, однако в последней почти не встречаются кувшины-крынки, которые в Переяславле Рязанском были самой популярной формой (рис. 18, 1 – 5; 19, 1 – 2). Показательна находка

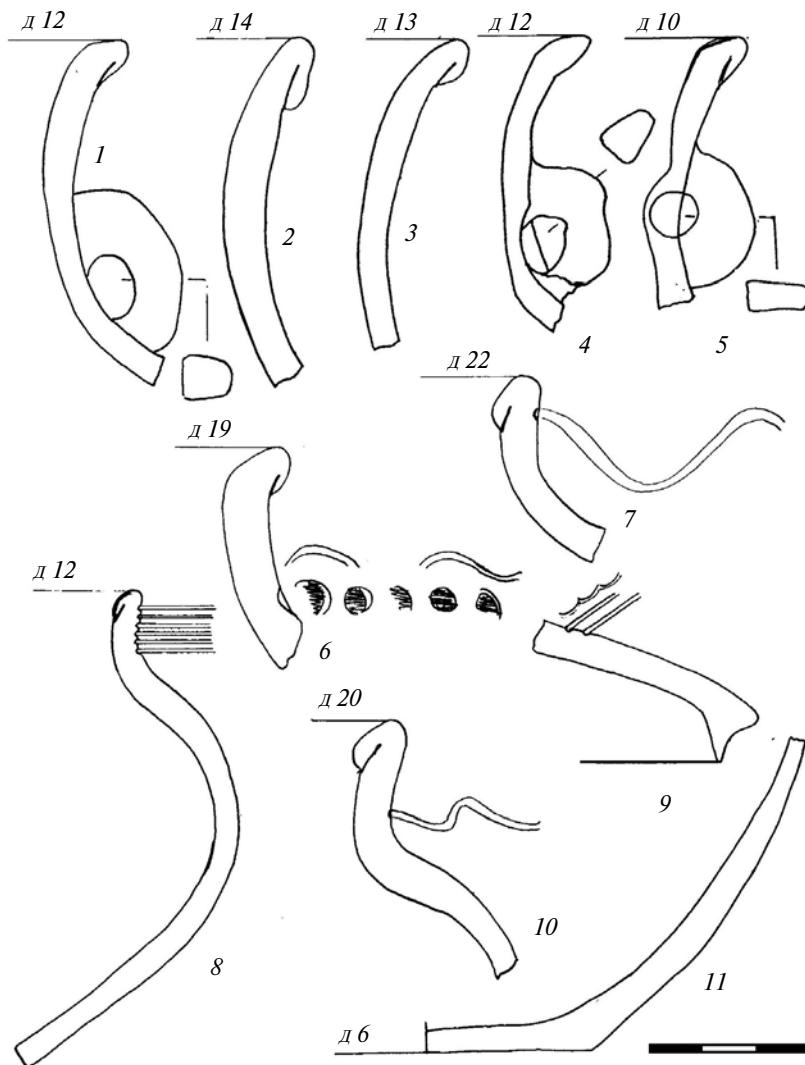

Рис. 18. Чернолощёная керамика Переяславля Рязанского из пластов 7 и 8

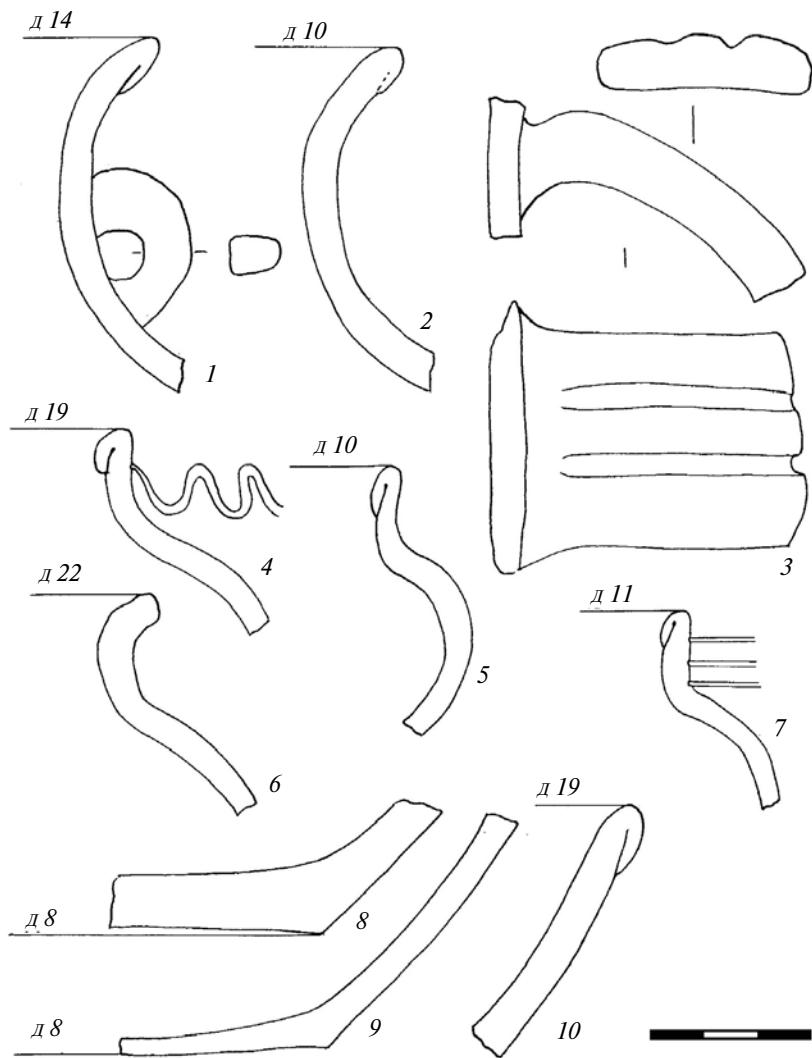
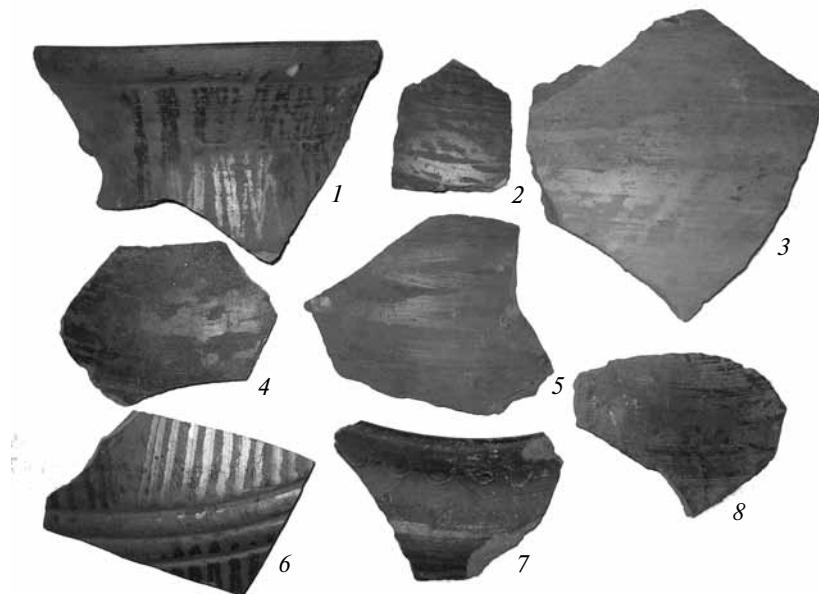

Рис. 19. Чёрнолощёная керамика Переяславля Рязанского из пластов 7 и 6

*Рис. 20. Чернолощёная керамика Переяславля Рязанского из пласта 7
(обломки кувшинов)*

всего трёх обломков от двух-трёх кумганов – керамической формы, характерной для Москвы XVI в. (рис. 22, 9 – 11). Эти сосуды отличались своеобразной профилировкой горловин и днищами на ложных поднонах, с тщательным лощением всей поверхности, включая дно с нижней стороны. Единичность этих находок свидетельствует о почти полном отсутствии в Рязани московской чернолощёной посуды.

Рязанская чернолощёная посуда отличается не только своеобразием набора функциональных форм, но также небрежностью лощения. Если для московской посуды XVII в. характерно достаточно тщательное лощение, по крайней мере, верхних частей кувшинов и горшков, то рязанские изделия (включая кувшины) в это время лощились крайне небрежно, включая даже горловины кувшинов (рис. 20; 21).

Подводя итог проведённому исследованию, надо признать, что рязанское керамическое производство XVII–XVIII вв., обладая некоторым своеобразием, всё же полностью следовало коломенской традиции керамического производства, что видно как по ассортименту форм посуды, так и по технологии её производства, морфологиче-

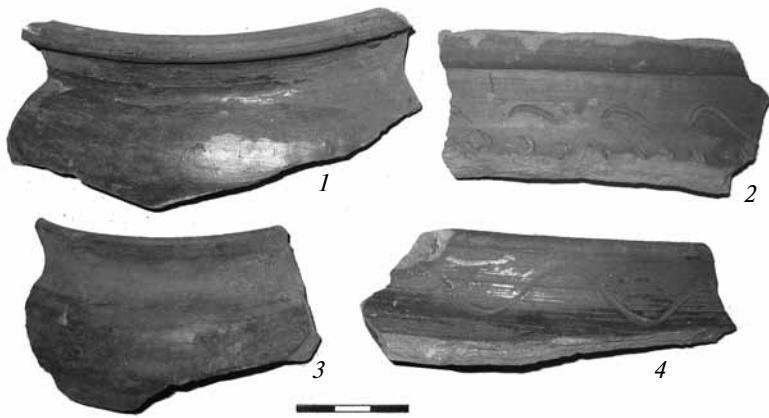

Рис. 21. Чернолощёная керамика Переяславля Рязанского из пластов 7 и 8 (венчики горшков)

ским признакам сосудов и орнаментации. Отличительной особенностью рязанского гончарства той эпохи было преимущественное применение слабоожелезнённых (желтовато-розовых) глин как сырья и технологии восстановительного обжига при изготовлении кухонной керамики. Весьма своеобразна также рязанская чернолощёная посуда, которая при всём сходстве с московской и коломенской отличалась невысоким качеством лощения и характерным набором форм изделий.

Все сделанные наблюдения позволяют констатировать доминирование коломенских традиций, воспринятых рязанским гончарством (вплоть до копирования форм горшков и кувшинов-крынок), при стабильном использовании тех источников сырья, которые применялись здесь ещё в XV в. Навыки производства рязанской чернолощёной и беллоангобированной посуды, надо полагать, также были восприняты у гончаров Коломны, поскольку параллели с московской керамикой (по особенностям морфологии и технологии) почти не прослеживаются. В то же время собственно коломенская (произведённая в окрестностях Коломны) керамика составляла не слишком заметную долю в рязанской посуде, а прослеженная тенденция роста импорта этой керамики на протяжении XVII в. указывает на то, что в более раннее время она почти не использовалась в быту рязанцев. Между тем восприятие коломенской традиции привело к полному отказу от прежней линии развития керамического производства, развивавшейся в Переяславле

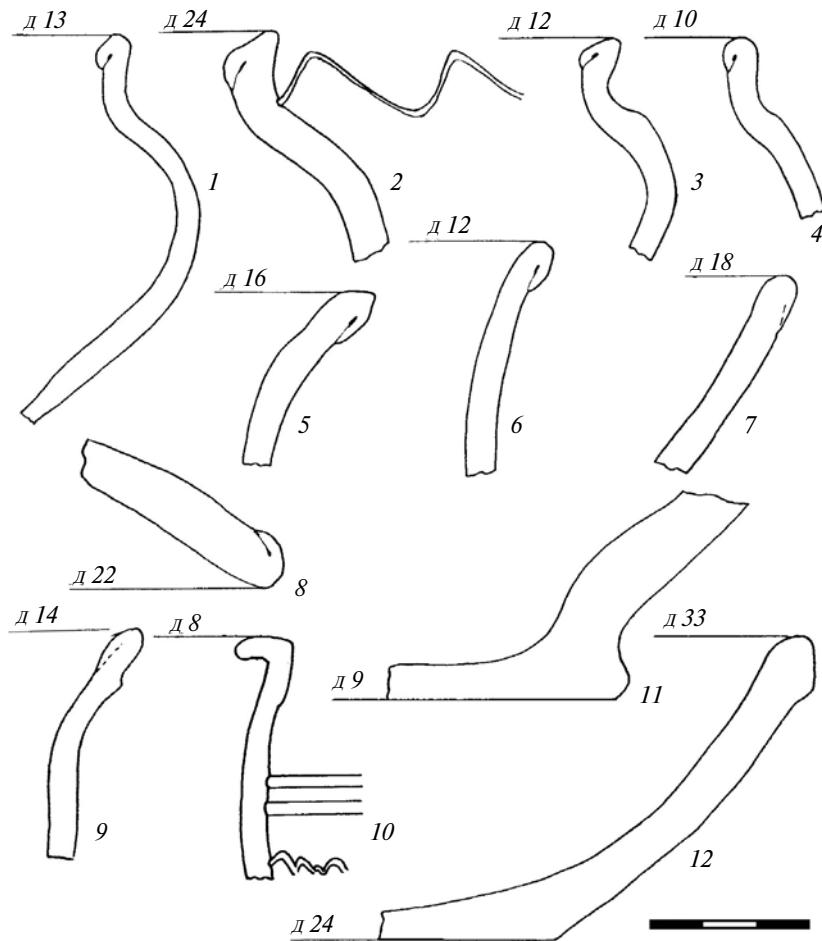

Рис. 22. Чернолощёная керамика Переяславля Рязанского (№ 1-8)
и Москвы (№ 9-12)

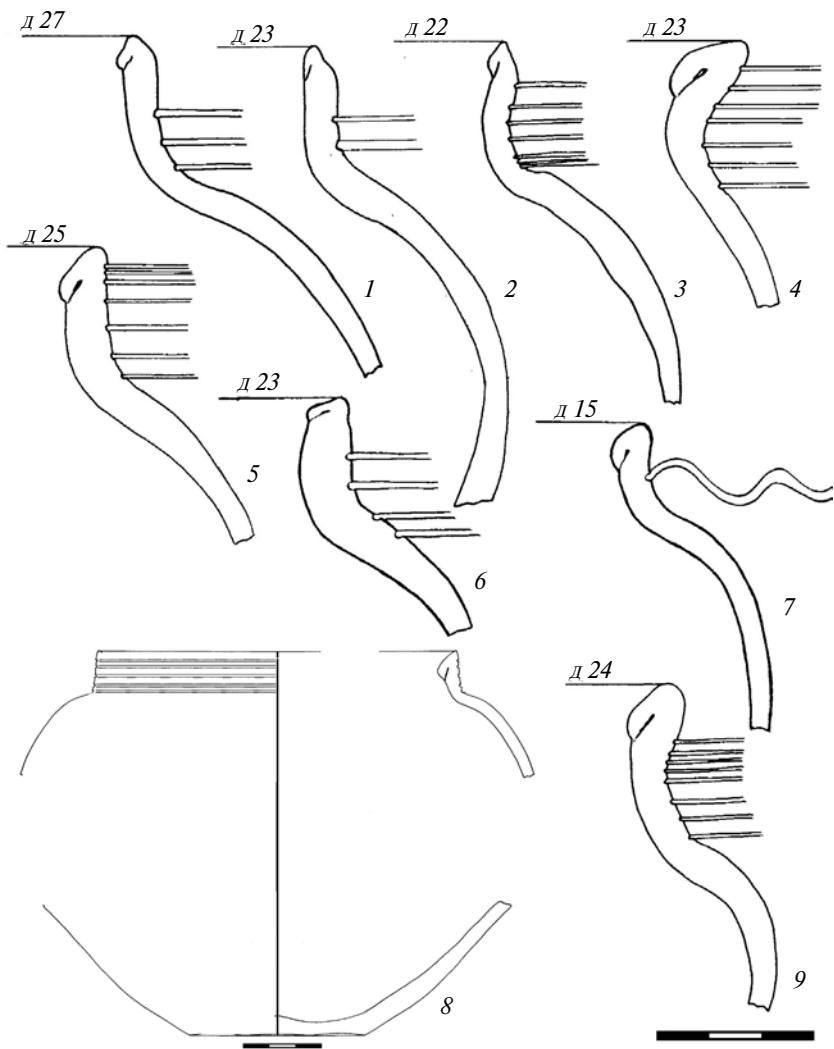

Рис. 23. Белоглиняная керамика из запесоченной формовочной массы из пластов 8 (№ 1-3), 7 (№ 4, 5, 8, 9) и 6 (№ 6, 7)

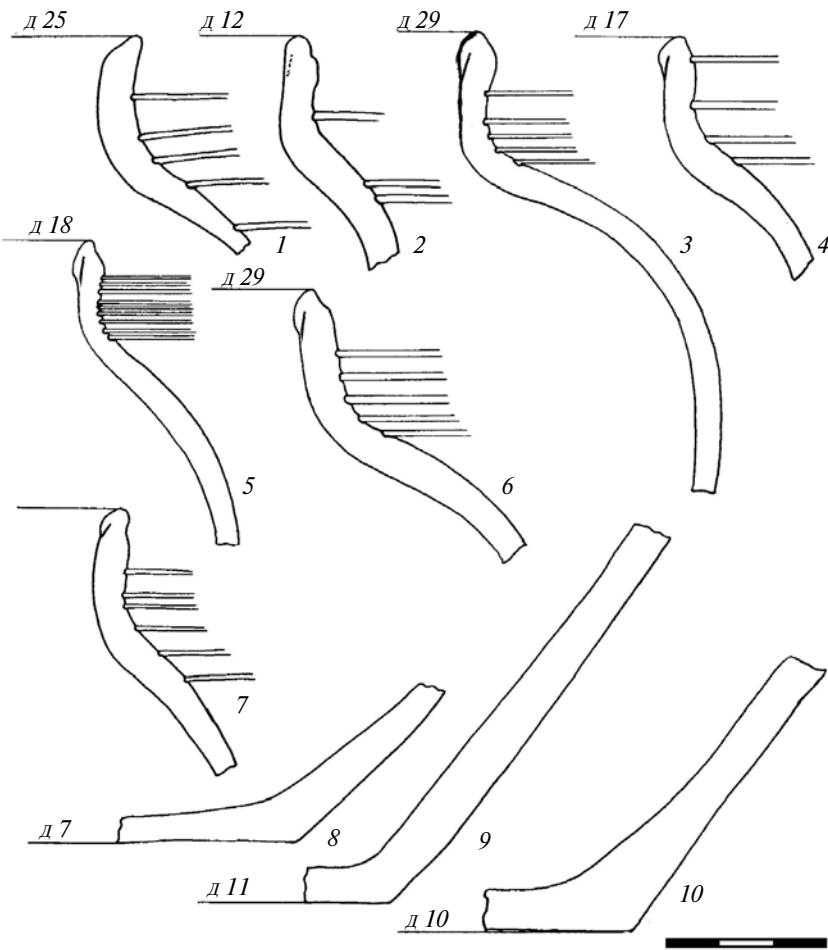

Рис. 24. Красноглиняная белоангобированная керамика из пластов 8
(№ 1-6), 7 (№ 7) и 6 (№ 8-10)

Рязанском на протяжении XIV–XV вв. Для объяснения данного феномена необходимо подробное изучение рязанской керамики XV и XVI вв., которое пока не проводилось. Разумеется, различия между керамическими традициями Переяславля Рязанского и Коломны были не слишком велики (напротив, они близки по технологии и морфологии), однако отказ от уже выработанных морфологических и орнаментальных схем (например, горшков с вертикальными венчиками без деформаций края, но с ребром на плечике и без всякой орнаментации) не мог произойти только по внешнеполитическим причинам вследствие присоединения Рязанского княжества к Москве. Для такой смены пусть даже близкородственных традиций, одна из которых в значительной части утратила выработанное предшествующими веками развития своеобразие, должны были быть какие-то весомые причины, в т. ч. экономического плана.

В ряде городов Поочья (Тула, Нижний Новгород) распространение коломенской посуды и её дериватов происходило, вероятно, в связи с крупным кирпичным строительством (сооружением каменных крепостей), к которому широко привлекались коломенские гончары. Во Владимире появление этой посуды могло быть связано с монастырским строительством (Зоц, 2009. С. 369 – 370), но там она быстро исчезла из употребления, поскольку хорошо развитое местное гончарство не восприняло чуждую ему традицию. По-иному происходил этот процесс в Москве, где коломенская керамика вытеснила местную после ряда разорений города (опричнина, «смута» начала XVII в.), которые, вероятно, привели к резкому сокращению численности местных гончаров и возникновению дефицита посуды на рынке (Коваль, 2001). На этом фоне рязанский вариант полного восприятия коломенской традиции выглядит несколько своеобразно. Вероятно, для такого восприятия необходимо было личное участие коломенских гончаров в налаживании производства керамики, а для появления пришлых мастеров была необходима соответствующая весомая причина – большое кирпичное строительство либо уничтожение гончарной слободы Переяславля Рязанского. Поскольку каменный Кремль в городе так и не был построен, более вероятной представляется вторая причина. Но для её конкретизации необходимы более полные данные о времени смены гончарной традиции на протяжении XVI в.

Литература

- Заидов О.Н., Шеков А.В., 2009. Керамические комплексы средневекового Белева // Позднесредневековый город II: археология, история. Тула.
- Зацаринный С.В., 2002. Керамический комплекс раннего этапа заселения Тульского кремля // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Тула.
- Зацаринный С.В., 2004. Круговая керамика финального этапа заселения Сорокина городища (средневековый Алексин) // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань.
- Зоц С.А., 2009. Позднесредневековая керамика из города Владимира (по материалам раскопок 2006 года) // Археология Подмосковья. Вып. 6. М.
- Зубков В.И., 1952. Археологические находки в Переяславле Рязанском // КСИ-ИМК. Вып. XLVII.
- Коваль В.Ю., 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Труды музея истории г. Москвы. Вып. 9.
- Коваль В.Ю., 2000. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики // Труды музея истории г. Москвы. Вып. 10.
- Коваль В.Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1.
- Коваль В.Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. М.
- Коваль В.Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Кулико-во Поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула.
- Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.
- Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского кремля (МИА. № 167). М.
- Стрикалов И.Ю., 2003. Древнерусская керамика XIII века Старой Рязани и её окружья // Русь в XIII веке. Древности тёмного времени. М.
- Судаков В.В., 1986. Отчёт об охранных раскопках в Кремле г. Рязани в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12119.
- Судаков В.В., 1988. Керамика Переяславля Рязанского // Археология Рязанской земли. Рязань.
- Судаков В.В., Буланкин В.М., 2003. Раскопки в Рыбашкой слободе г. Переяславля Рязанского в 2002 г. // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань.
- Черкасов В.В., 2004. Круговая керамика Коломны XII–XVIII вв. (эволюция гончарной продукции). Дис... канд. ист. наук. М.

М.Д. Кочанова, А.С. Алёшинская, Е.А. Спиридонова

РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРЕЯСЛАВЛЬ-РЯЗАНСКОГО КРЕМЛЯ

Споро-пыльцевой или палинологический анализ – один из палеоботанических методов, который широко применяется во многих научных направлениях: в ботанике, геологии и географии, археологии, фармакологии и медицине, криминалистике. В области геологогеографических исследований палинологический анализ используется в стратиграфии, палеогеографии, геоморфологии, в прикладной геологии, при поисковых и разведочных работах.

Всё более широкое применение находит споро-пыльцевой анализ в археологии. Первоначально палинологический анализ применялся для уточнения и сравнения датирования культурных слоёв внутри отдельных стоянок или между различными стоянками, иногда расположеными на очень больших расстояниях друг от друга. Чаще такие исследования проводились для стоянок палеолита, мезолита и иногда неолита. Вторым моментом было изучение влияния древнего человека на окружающую среду. Одним из первых исследований такого рода была работа Е. Иверсена (*Iversen*, 1949), позволившая по палинологическим данным восстановить природную обстановку и датировать начало неолита в Дании. К началу 1960 гг. споро-пыльцевой анализ уже широко применялся археологами во всём мире.

Споро-пыльцевой анализ заключается в определении под микроскопом и регистрации ископаемых пыльцы и спор, выделенных из соответствующей фракции породы. Возможность такого анализа базируется на трёх моментах (*Сладков*, 1962; *Куприянова, Алёшина*, 1972).

Во-первых, споры и пыльца различных видов, родов имеют характерные морфологические особенности, позволяющие распознавать и определять споры и пыльцевые зёрна. При этом учитываются определённые диагностические признаки. К ним относятся: 1) форма (эллипсоидальная, округлая, округло-лопастная, многоугольная и прочие); 2) размер зёрен; 3) толщина оболочки и количество слоёв (эндэкзина, эктэкзина, мессэкзина); 4) строение наружной оболочки: структура (точечная, мраморовидная), скульптура (шиповатая, бугорчатая, ямчатая и др.); 5) наличие щели, борозд, пор, их строение (одно-, трёхлучевая щель у спор; щелевидные, короткие, округлые

борозды у пыльцы, их количество; строение и количество пор у пыльцы) (рис.1).

Во-вторых, наружные оболочки пыльцы и спор большинства высших растений состоят из трудноразрушающего пробкоподобного вещества (полленин, пропетин). Они стойки к химическим воздействиям, почти не разрушаются, слабо минерализуются и поэтому исключительно долго сохраняются в ископаемом состоянии.

В-третьих, высшие растения продуцируют огромное количество пыльцевых зёрен или спор, оболочки которых, попадая на поверхность суши или воды, консервируются и переходят в ископаемое (фоссильное) состояние, становясь компонентом отложений и образуя спорово-пыльцевые спектры. Спорово-пыльцевой спектр является совокупностью пыльцы и спор различных видов растений, произрастающих в пределах того региона, где происходило захоронение этих микрофоссилий. Фоссильные (ископаемые) спектры – ключ к пониманию растительности прошлого.

Основная масса пыльцы и спор при рассеивании попадает на поверхность суши вблизи растений, их производящих, и подвергается фоссилизации. Однако некоторое количество пыльцы переносится ветром на значительные расстояния. Как правило, заносная пыльца и споры не составляют большого процента, так как местная пыльца абсолютно преобладает. Однако в районах, где растительность занимает ограниченные участки (высокогорье, тундра), а также при бедном растительном покрове, процент заносной пыльцы может увеличиваться.

Сопоставляя пыльцу и споры поверхностного горизонта почв с растениями современных ареалов, можно установить дальность воздушной транспортировки. Так, за пределы своего ареала в большом количестве выносится пыльца сосны; в сравнительно небольшом – пыльца ели, берёзы, ольхи; в ничтожных количествах – пыльца дуба, липы, вяза, граба. К малолетучим зёрнам помимо пыльцы широколиственных пород относят пыльцу большинства видов травянистых растений, а также многие споры. Чаще пыльца основных древесных пород характеризует более обширные территории, а пыльца травянистых, кустарничковых растений и споры, распространяющиеся на меньшие расстояния, помимо зональных особенностей в большей степени отражают локальные условия. Зная величину «летучести» пыльцевых и споровых зёрен, можно вносить соответствующие поправки при интерпретации результатов.

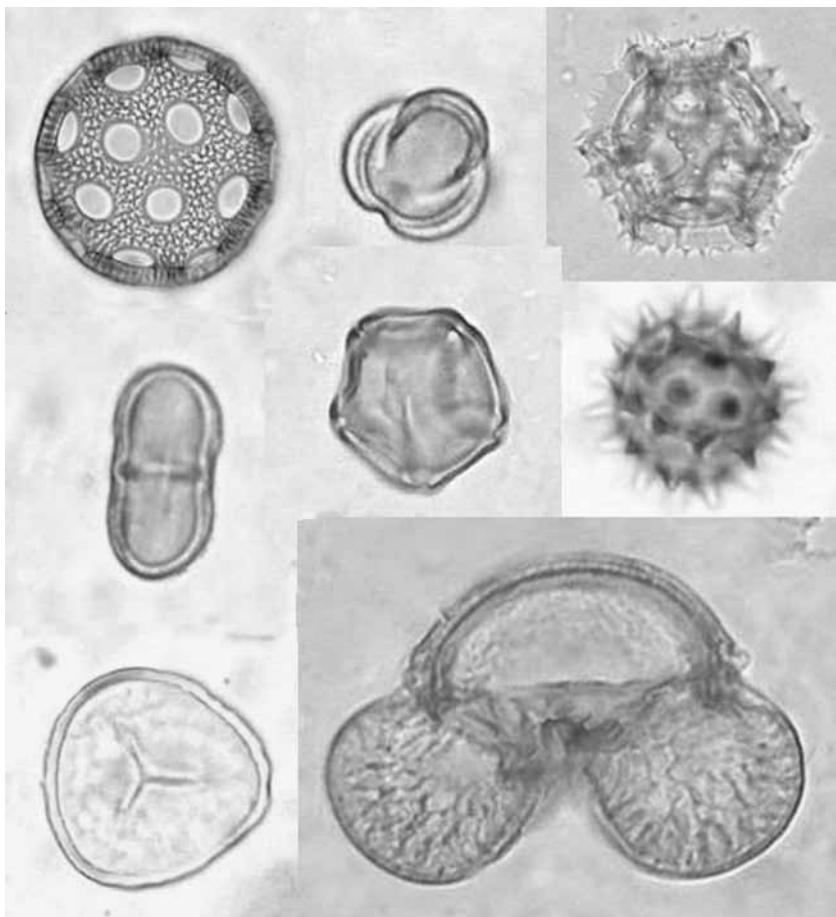

Рис. 1. Различные морфологические типы пыльцевых зёрен и спор

Обилие пыльцы и спор в исследуемых пробах позволяет статистически обработать данные палинологического анализа и получить не только качественные, но и количественные характеристики.

Палинологический анализ можно разбить на несколько этапов, от качества выполнения которых зависит достоверность конечного результата. Это – отбор образцов, лабораторная обработка образцов, микроскопическое исследование: определение и подсчёт количества пыльцевых зёрен и спор.

Суспензия, полученная в результате лабораторной обработки, подвергается детальному анализу под микроскопом при 400-кратном увеличении. В препарате определяются и подсчитываются все встреченные пыльца и споры. Подсчёт ведётся по трём группам: древесные и кустарниковые породы, травянистые и кустарничковые растения, споры. Затем производится статистическая обработка полученных данных, составление ведомостей и построение диаграмм. Раньше все подсчёты и построения производились вручную. В настоящее время появился ряд компьютерных программ, позволяющих обрабатывать данные палинологического анализа и строить диаграммы (*Кочанова и др.*, 2005).

Проанализировав диаграмму, можно выделить, как правило, несколько спорово-пыльцевых комплексов. В спорово-пыльцевой комплекс объединяются образцы, которые имеют одинаковый качественный и количественный состав доминирующих форм.

В отдельных случаях для более детального изучения спорово-пыльцевых спектров используются гистограммы.

Послойное и детальное изучение археологических объектов палинологическим методом даёт возможность: 1) восстанавливать палеоландшафты и определять степень влияния человека на природную среду; 2) фиксировать особенности культурного слоя по данным палинологического анализа; 3) обосновывать возраст культурного слоя или нескольких слоёв на многослойных памятниках; 4) проводить корреляцию одновозрастных культурных слоёв как в пределах одного археологического объекта, так и между различными памятниками, расположенными даже в различных ландшафтных зонах; 5) для более поздних культур определять роль земледелия в хозяйственном укладе древнего человека; 6) устанавливать цикличность хозяйственного природопользования.

Более подробно особенности интерпретации результатов палинологического анализа для целей археологии рассматриваются в работах А.С. Алёшинской, Е.А. Спиридоновой, М.Д. Кочановой (*Алёшина, 1997; Спиридова, Алёшина, Кочанова, 2008а; 2008б*).

Из культурного слоя Житного раскопа Переяславль-Рязанского кремля палинологическим методом проанализировано шесть образцов, которые были последовательно отобраны из северо-западного угла раскопа. Все образцы содержали достаточное для статистической обработки количество пыльцы и спор, а также другие органические остатки: золу, древесный уголь, истлевшую древесину (табл. 1).

По результатам анализа было выделено два спорово-пыльцевых комплекса (рис.2).

Таблица 1.

*Результаты спорово-пыльцевого анализа
по разрезу на территории Переяславль-Рязанского кремля*

<i>Систематический список</i>	<i>4 0,8 м зерна/ проц</i>	<i>5 1 м зерна/ проц</i>	<i>6 1,2 м зерна/ проц</i>	<i>7 1,4 м зерна/проц</i>	<i>8 1,6 м зерна/ проц</i>	<i>9 1,8 м зерна/ проц</i>
<i>ОБЩИЙ СОСТАВ</i>						
<i>Д е р е в ь я</i>	<i>42 / 20,4</i>	<i>51 / 22,9</i>	<i>21 / 11,1</i>	<i>21 / 11,2</i>	<i>19 / 9,5</i>	<i>24 / 13,3</i>
<i>T r a v y</i>	<i>141 / 68,4</i>	<i>150 / 67,3</i>	<i>164 / 86,3</i>	<i>153 / 81,4</i>	<i>170 / 85</i>	<i>138 / 76,7</i>
<i>С п о р ы</i>	<i>23 / 11,2</i>	<i>22 / 9,9</i>	<i>5 / 2,6</i>	<i>14 / 7,4</i>	<i>11 / 5,5</i>	<i>18 / 10</i>
<i>Д е р е в ь я</i>						
<i>Деревья основные</i>	<i>32 / 76,2</i>	<i>45 / 88,2</i>	<i>17 / 81</i>	<i>14 / 66,7</i>	<i>15 / 78,9</i>	<i>13 / 54,2</i>
<i>Picea</i>	<i>2 / 4,8</i>	<i>4 / 7,8</i>	<i>2 / 9,5</i>	<i>2 / 9,5</i>	-	-
<i>Pinus sylvestris</i>	<i>11 / 26,2</i>	<i>19 / 37,3</i>	<i>7 / 33,3</i>	<i>6 / 28,6</i>	<i>4 / 21,1</i>	<i>7 / 29,2</i>
<i>Alnus</i>	<i>5 / 11,9</i>	<i>8 / 15,7</i>	<i>1 / 4,8</i>	-	<i>3 / 15,8</i>	-
<i>Betula sec. Albae</i>	<i>9 / 21,4</i>	<i>5 / 9,8</i>	<i>3 / 14,3</i>	<i>2 / 9,5</i>	<i>2 / 10,5</i>	<i>2 / 8,3</i>
<i>Corylus</i>	<i>2 / 4,8</i>	-	-	-	-	-
<i>Salix</i>	<i>3 / 7,1</i>	<i>9 / 17,6</i>	<i>4 / 19</i>	<i>4 / 19</i>	<i>6 / 31,6</i>	<i>4 / 16,7</i>
<i>Деревья широколистственные</i>	<i>6 / 14,3</i>	<i>6 / 11,8</i>	<i>4 / 19</i>	<i>7 / 33,3</i>	<i>4 / 21,1</i>	<i>11 / 45,8</i>
<i>Quercus</i>	<i>1 / 2,4</i>	<i>2 / 3,9</i>	<i>1 / 4,8</i>	<i>4 / 19</i>	<i>4 / 21,1</i>	<i>8 / 33,3</i>
<i>Ulmus</i>	<i>1 / 2,4</i>	-	-	-	-	-
<i>Tilia</i>	<i>4 / 9,5</i>	<i>4 / 7,8</i>	<i>3 / 14,3</i>	<i>3 / 14,3</i>	-	<i>3 / 12,5</i>
<i>Кустарники</i>	<i>4 / 9,5</i>	-	-	-	-	-
<i>Viburnum</i>	<i>4 / 9,5</i>	-	-	-	-	-
<i>T r a v y</i>						
<i>Травы основные</i>	<i>66 / 46,8</i>	<i>49 / 32,7</i>	<i>63 / 38,4</i>	<i>65 / 42,5</i>	<i>95 / 55,9</i>	<i>73 / 52,9</i>

<i>Ephedra</i>	-	-	-	1 / 0,7	1 / 0,6	-
<i>Poaceae</i>	31 / 22	24 / 16	26 / 15,9	33 / 21,6	56 / 32,9	33 / 23,9
<i>Poaceae Cerealia</i>	11 / 7,8	9 / 6	5 / 3	17 / 11,1	27 / 15,9	28 / 20,3
<i>Cyperaceae</i>	10 / 7,1	7 / 4,7	17 / 10,4	12 / 7,8	7 / 4,1	8 / 5,8
<i>Chenopodiaceae</i>	13 / 9,2	6 / 4	15 / 9,1	2 / 1,3	4 / 2,4	4 / 2,9
<i>Artemisia</i>	1 / 0,7	3 / 2	-	-	-	-
<i>Разнотравье</i>	75 / 53,2	101 / 67,3	100 / 61	88 / 57,5	75 / 44,1	65 / 47,1
<i>Typha</i>	-	-	8 / 4,9	-	-	-
<i>Liliaceae</i>	1 / 0,7	-	1 / 0,6	2 / 1,3	-	-
<i>Fagopyrum</i>	2 / 1,4	-	3 / 1,8	-	-	2 / 1,4
<i>Polygonaceae</i>	8 / 5,7	6 / 4	7 / 4,3	2 / 1,3	4 / 2,4	2 / 1,4
<i>Polygonum</i>	1 / 0,7	-	1 / 0,6	1 / 0,7	2 / 1,2	-
<i>Cannabaceae</i>	-	-	-	1 / 0,7	-	-
<i>Plantago</i>	-	-	-	-	1 / 0,6	-
<i>Brassicaceae</i>	3 / 2,1	7 / 4,7	5 / 3	8 / 5,2	12 / 7,1	11 / 8
<i>Ranunculaceae</i>	-	-	-	-	-	1 / 0,7
<i>Rosaceae</i>	-	-	-	2 / 1,3	7 / 4,1	7 / 5,1
<i>Rubus</i>	-	-	-	-	2 / 1,2	-
<i>Lamiaceae</i>	1 / 0,7	1 / 0,7	-	-	2 / 1,2	-
<i>Caryophyllaceae</i>	-	1 / 0,7	2 / 1,2	-	-	-
<i>Filipendula</i>	3 / 2,1	3 / 2	6 / 3,7	2 / 1,3	4 / 2,4	-
<i>Fabaceae</i>	2 / 1,4	-	-	1 / 0,7	1 / 0,6	2 / 1,4
<i>Linum</i>	-	-	-	1 / 0,7	-	-
<i>Apiaceae</i>	3 / 2,1	4 / 2,7	2 / 1,2	1 / 0,7	-	9 / 6,5
<i>Thalictrum</i>	-	-	1 / 0,6	1 / 0,7	-	2 / 1,4
<i>Cichoriaceae</i>	40 / 28,4	72 / 48	53 / 32,3	49 / 32	29 / 17,1	19 / 13,8
<i>Asteraceae</i>	11 / 7,8	7 / 4,7	11 / 6,7	16 / 10,5	11 / 6,5	10 / 7,2
<i>Centaurea</i>	-	-	-	1 / 0,7	-	-

<i>Водные</i>	-	-	1 / 0,6	-	-	-
<i>Potamageton</i>	-	-	1 / 0,6	-	-	-
<i>Сноры</i>						
<i>Bryales</i>	9 / 39,1	6 / 27,3	2 / 40	7 / 50	5 / 45,5	12 / 66,7
<i>Sphagnum</i>	7 / 30,4	7 / 31,8	1 / 20	4 / 28,6	2 / 18,2	5 / 27,8
<i>Lycopodium clavatum</i>	3 / 13	3 / 13,6	1 / 20	-	-	1 / 5,6
<i>Polypodiaceae</i>	4 / 17,4	6 / 27,3	-	3 / 21,4	4 / 36,4	-
<i>Pteridium</i>	-	-	1 / 20	-	-	-

Споро-пыльцевой комплекс I (сосна, широколиственные породы с участием ивы, преобладают злаки и разнотравье) охарактеризован по образцам 8 и 9 с глубин 1,6 м и 1,8 м соответственно (пласти 8 – 9, археологически датируемые началом XVII в.).

В общем составе в спектрах преобладает пыльца травянистых растений (77 – 85%), пыльцы древесных пород немного (9 – 13%), на споры приходится 6 – 10%.

В группе древесных пород чаще всего встречается пыльца сосны (*Pinus sylvestris*) (21 – 29%) и широколиственных пород (21 – 46%), которые представлены преимущественно дубом (*Quercus*) (21 – 33%), а также липой (*Tilia*) (до 12%). Довольно часто присутствует пыльца ивы (*Salix*) (17 – 31%). Содержание пыльцы берёзы (*Betula*) составляет 8 – 11%. Кроме этого, в верхах комплекса отмечена пыльца ольхи (*Alnus*) (16%).

Для травянистых растений характерно примерно равное содержание пыльцы разнотравья и злаков (*Poaceae*) – по 44 – 47%. При этом необходимо отметить, что из общего содержания пыльцы злаков 16 – 20% приходится на культурные формы. Довольно значительно количество пыльцы осок (*Cyperaceae*), особенно в низах комплекса (до 16%). Разнотравье представлено пыльцой семейств цикориевых (*Cichoriaceae*) (14 – 17%), астровых (*Asteraceae*) (около 7%), крестоцветных (*Brassicaceae*) (7 – 8%), зонтичных (*Apiaceae*) (до 9%). Кроме этого, в небольших количествах или единично встречена пыльца семейств маревых (*Chenopodiaceae*), гречишных (*Polygonaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), яснотковых (*Lamiaceae*) бобовых (*Fabaceae*), родов: горца (*Polygonum*), подорожника (*Plantago*), василистника (*Thalictrum*), малины или ежевики (*Rubus*).

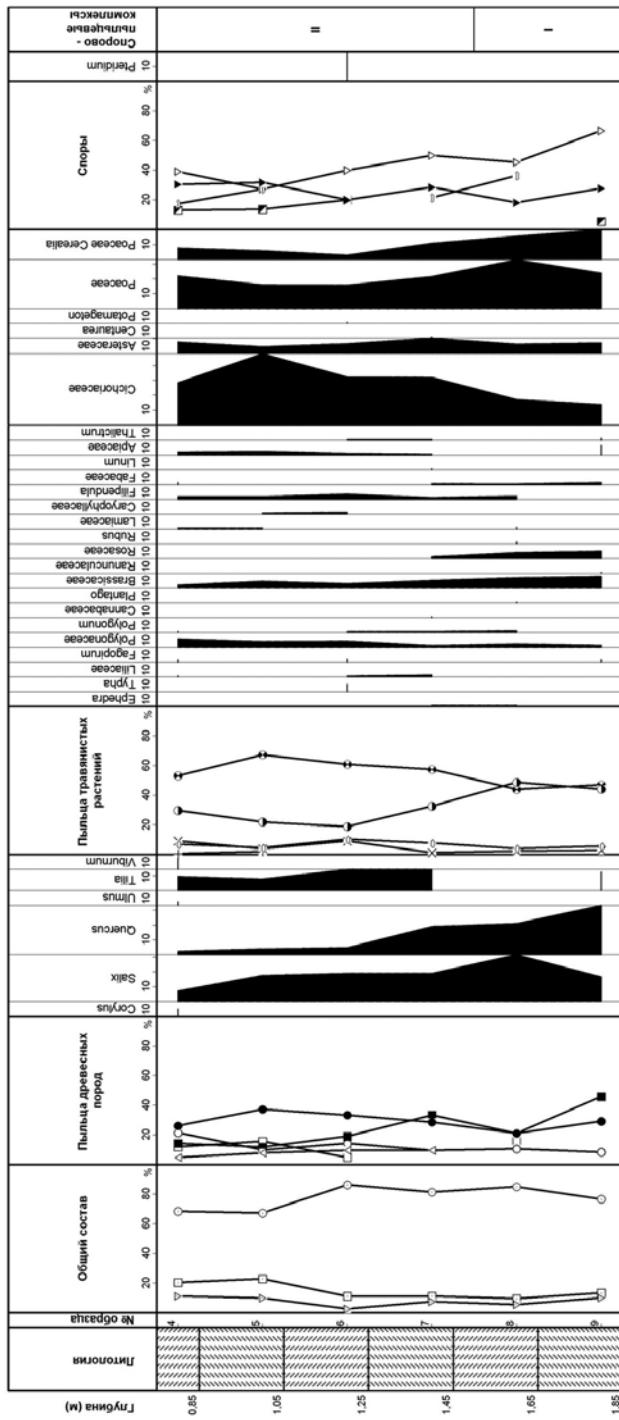

Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу на территории Переяславль-Рязанского кремля

Споровые растения играют незначительную роль в спектре комплекса. Доминируют споры зелёных мхов (*Bryales*) (45 – 67%), на споры папоротников семейства *Polypodiaceae* приходится 36% и 18 – 28% – на сфагновые мхи (*Sphagnum*). Споры плаунов (*Lycopodium*) встречены единично.

По данным спорово-пыльцевого анализа можно говорить о существовании в это время довольно тёплых умеренно влажных условий. В окрестностях Переяславль-Рязанского кремля господствовали открытые ландшафты, представленные разнотравными лугами с высоким содержанием злаков. В составе разнотравья в большом количестве встречаются сорные растения из семейств астровых, цикориевых, лебедовых, связанные с деятельностью человека. Присутствие культурных форм злаков в довольно значительных количествах (до 20%) говорит о развитом земледелии и существовании в окрестностях Кремля пашен, занятых зерновыми культурами. Также можно предположить, что обширные разнотравно-злаковые луга использовались под пастища и сенокосы. Существовали и небольшие участки, занятые лесом, преимущественно широколиственным, в состав которого помимо дуба и липы также входили сосна и берёза. С высокой степенью вероятности можно говорить о том, что эти перелески располагались в непосредственной близости от изученного объекта. Об этом свидетельствует присутствие пыльцы дуба в скоплениях, что указывает на отсутствие транспортировки этой пыльцы на дальние расстояния. Довольно высокое содержание таких древесных пород, как ольха и особенно ива (до 30%), свидетельствует о наличии вблизи водоёма. Интересно отметить присутствие в спектрах пыльцы рода *Rubus* – малины или ежевики.

Спорово-пыльцевой комплекс II (сосна, при участии широколиственных пород, берёзы и ели, преобладает разнотравье). Комплекс описан по образцам 4, 5, 6 и 7 с глубин 0,8; 1,0; 1,2 и 1,4 м соответственно (5 – 7 пласти, археологически датируемые первой половиной XVII в.).

В общем составе, как и в предыдущем комплексе, доминируют травянистые растения. На их долю приходится 67 – 86%, значение древесных пород несколько возрастает и составляет 11 – 23%. Содержание споровых растений по-прежнему незначительно – 3 – 11%.

Характер состава древесных пород по сравнению с предыдущим комплексом изменился. В их составе появилась пыльца ели (*Picea*) (5 – 10%). Сократилась роль широколиственных пород (до 12 – 19%), только в низах комплекса они ещё составляют 33%. Состав широ-

колиственных также изменился: здесь преобладает липа (*Tilia*) (8 – 14%), встречена пыльца вяза (*Ulmus*). Содержание пыльцы дуба сократилось. На пыльцу берёзы (*Betula*) приходится от 10 до 21%, по-прежнему довольно много пыльцы ивы (*Salix*) (до 19%). Роль пыльцы сосны (*Pinus*) сильно не меняется – 26 – 37%. Довольно высоко (особенно в верхней части комплекса) содержание ольхи (*Alnus*) (до 16%). Единично встречается пыльца лещины (*Corylus*).

Среди травянистых растений возрастает роль разнотравья (53 – 67%), в котором больше всего пыльцы семейства цикориевых (*Cichoriaceae*) (28 – 48%). Также встречается пыльца семейств маревых (*Chenopodiaceae*), астровых (*Asteraceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*), гречишных (*Polygonaceae*) (в том числе родов *Fagopyrum* и *Polygonum*), зонтичных (*Apiaceae*), рода таволга (*Filipendula*). Единично отмечена пыльца семейств лилейных (*Liliaceae*), яснотковых (*Lamiaceae*), бобовых (*Fabaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), рода василистник (*Thalictrum*). Содержание пыльцы злаков (*Poaceae*) сокращается, хотя остаётся довольно высоким (22 – 32%). При этом в большей степени сокращается содержание культурных форм. Пыльца осок (*Cyperaceae*) составляет от 5 до 10%. В спектре образца 6 отмечено скопление пыльцы рогоза (*Typha*).

Значение споровых невелико. Примерно в равных количествах встречены споры зелёных (*Bryales*) и сфагновых (*Sphagnum*) мхов, папоротников семейства *Polypodiaceae*. Отмечены споры плаунов (*Lycopodium*), единично встречаются споры папоротника орляка *Pteridium*.

Состав спектров свидетельствует о том, что, как и в предшествующее время, в районе Кремля преобладали открытые пространства. Для состава травянистой растительности, как и в предыдущем комплексе, характерно высокое содержание сорного разнотравья и злаков. Опираясь на то, что содержание культурных форм злаков сократилось более чем в два раза, а роль сорных растений (преимущественно из семейства цикориевых) существенно возросла, можно говорить о сокращении пахотных угодий и запустении пашни. Пыльцевые спектры древесных пород также отличаются от предыдущего этапа. Появление в спектрах пыльцы ели, сокращение значения широколиственных пород говорят о некотором похолодании по сравнению с предыдущим этапом. Условия также стали и более влажными. Состав широколиственных пород изменился, увеличивается доля липы, которая по сравнению с дубами может произрастать и в более влажных местах. Особенно явно влажные условия характеризу-

ет спектр образца 6. Вероятнее всего, он отражает кратковременный этап повышенной влажности в пределах данного временного интервала. Кроме самого высокого в разрезе содержания осок в это время отмечено присутствие пыльцы водного растения рдест (*Potamogeton*) и скопления пыльцы прибрежного растения рогоза, что говорит о наличии водоёма со стоячей или медленно текущей водой. Не исключено, что сокращение пахотных площадей также связано с этими изменениями природных условий.

Следует отметить, что вывод о некотором похолодании, нашедшем отражение в спорово-пыльцевом комплексе II, согласуется с археологической датировкой слоёв – первой половиной XVII в., которая соответствует началу третьей фазы малого ледникового периода.

Литература

- Алёшинская А.С., 1997. Спорово-пыльцевой анализ и его применение в археологии // Приложение к монографии «Древние охотники и рыболовы Подмосковья». М.
- Кочанова и др., 2005. Новое программное обеспечение для обработки данных спорово-пыльцевого анализа // Материалы XI Всероссийской палинологической конференции «Палинология: теория и практика». М.
- Куприянова Л.А., Алёшина Л.А., 1972. Пыльца и споры растений флоры Европейской части СССР. Т. 1. Л.
- Сладков А.Н., 1967. Введение в спорово-пыльцевой анализ. М.
- Спиридонова Е.А., Алёшинская А.С., Кочанова М.Д., 2008а. Новые методические направления в палинологии при исследовании археологических памятников Средневековья // КСИА. Вып. 222.
- Спиридонова Е.А., Алёшинская А.С., Кочанова М.Д., 2008б. Некоторые аспекты применения палинологического анализа при изучении археологических памятников // Человек, адаптация, культура. М.
- Iversen J., 1949. The influation of prehistoric man on vegetation. Danm. Geol. Under 4:3, 6. Copenhagen.

Л.Н. Соловьёва

**СОСТАВ ПОРОД ДЕРЕВЯННЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЖИТНОГО
РАСКОПА КРЕМЛЯ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2007 – 2009 ГГ.)**

Наличие мокрого слоя в Кремле Переяславля Рязанского способствует сохранности в земле различных органических материалов, в том числе и археологической древесины. За период полевых работ 2007–2009 гг. было извлечено и атрибутировано более 170 деревянных находок различных категорий, из них 61 единица подверглась анализу на определение пород древесины по микроскопическим признакам.

Деревянные находки Переяславля Рязанского имеют хорошую сохранность, однако здесь представлены далеко не все категории вещей средневекового быта. Большинство находок было изготовлено из местных, произрастающих в средней полосе, пород древесины, из привозных пород выявлен только самшит. При этом необходимо отметить ограниченный набор местных пород древесины. Так, совершенно отсутствуют лиственница, осина, орешник, яблоня и крушина. Берёза, липа, ива и ольха представлены в единичных экземплярах. В то же время много находок оказались изготовленными из сосновой коры (см. приложение 1). Несмотря на относительную скучность материала, можно предполагать, что выбор породы древесины для изготовления тех или иных предметов был не случаен. Так, для деталей, требующих особой прочности и износостойчивости, применялся дуб или древесина хвойных. Это яdroвые породы, умеренно усыхающие и малоподверженные разрушению грибами. Также из хвойных, как правило, вырезались древки стрел. Для посуды, напротив, в основном шли лиственные породы, отличающиеся мягкостью материала, гладкостью и красотой текстуры.

По своему назначению деревянные находки Переяславля Рязанского могут быть разделены на несколько групп. 1. Предметы быта. К этой группе относятся: посуда, деревянные рукояти железных ножей, веретёна, гребни и оправы зеркал. 2. Детские игрушки: мечи, волчки (кубари), лодочки. 3. Охотничье и рыболовное снаряжение: древки стрел, томар, поплавки. 4. Мебель. 5. Орудия труда и отходы производства: чекмары, лопаты, бобышки. 6. Детали саней и водного транспорта: копылы, весло. 7. Крест, футляр для печати, посох. 8. Неопределённые предметы.

Предметы быта. В эту группу объединены вещи повседневного обихода, соответственно, это наиболее часто встречающиеся в слое находки. При изготовлении этих вещей целенаправленно отдавалось предпочтение лиственным породам. Так, из девяти взятых на анализ предметов столовой утвари (ложки и их заготовки, ковши, черпаки) четыре экземпляра оказались вырезанными из вяза, использовались также клён и ольха. Для древесины вяза (*Ulmus L.*) характерен красивый рисунок из волокнистых сплошных полосок, идущих вдоль годичных слоёв. По своим физико-механическим свойствам этот материал умеренно лёгкий, умеренно усыхающий и умеренно мягкий.

Древесина клёна (*Acer L.*) – однородного строения, плотная и блестящая – обладает высокими декоративными свойствами; умеренно усыхающая, вязкая и твёрдая – это традиционный материал для изготовления резной посуды. Клён обладает белой, иногда чуть желтоватой древесиной. Годичные слои хорошо различаются на всех разрезах пограничной узкой, плотной и тёмной полоской, довольно ясно заметной на всех разрезах.

Ольха (*Alnus L.*) обладает лёгкой, малоусыхающей, мягкой и умеренно прочной древесиной.

Кроме того, отмечено использование при изготовлении ложек сосновой коры – материала, наиболее часто употребляемого для вырезания детских лодочек, поплавков и подкладок в задники кожаной обуви.

Для веретён трудно выявить какое-то определённое сырьё: из четырёх исследованных предметов все были изготовлены из различных лиственных пород (клён, берёза, ива, и одно из сосновой коры). Берёза (*Betula*) относится к заболонным породам. Она имеет однаковую окраску древесины по всему сечению ствола. Древесина белого цвета с лёгким желтоватым или красноватым оттенком. Годичные слои плохо заметны на всех разрезах. Древесина берёзы блестящая и плотная, умеренно тяжёлая, сильно усыхающая, умеренно мягкая и умеренно вязкая.

Одна взятая на анализ оправа зеркала была определена как еловая. Ель (*Picea*) обладает лёгкой, мягкой и умеренно усыхающей древесиной. Кроме того, она имеет красивый белый, иногда с жёлтым оттенком цвет.

Деревянные гребни подразделяются по своему назначению и породам древесины, из которых они были вырезаны. Так, прядильные гребни для расчёсывания шерсти оказались изготовленными из клёна. Туалетные гребни были вырезаны из самшита (*Buxus L.*). Это за-

болонная порода со светло-жёлтой матовой и очень плотной, твёрдой и тяжёлой древесиной. Наряду с прочностью, самшит имеет очень нарядную текстуру. Кроме гребней, из самшина были изготовлены рукоятки ножей, найденные на уровне 15 и 16 пластов, причём два из них обнаружены внутри сооружения № 12 (16-33-489; 16-27-480), а третий (15-21-212) – на прилегающем к срубу квадрате на территории усадьбы.

Для изготовления детских игрушек использовались различные породы: на лодочки обычно бралась сосновая кора, меч был вырезан из сосны, а волчки были из ясения, клёна и сосны. Древесина сосны (*Pinus S.*) идеально подходит по своим физико-механическим свойствам в качестве как строительного, так и поделочного материала. Древесина сосны отличается лёгкостью обработки, это ядерная порода, умеренно усыхающая, мягкая и умеренно хрупкая.

Из охотничьего и рыболовного снаряжения был определён сосновый томар и поплавок из сосновой коры.

Фрагмент мебели (14-21-168) был выполнен из дуба (*Quercus R.*). Балысина, напротив, была изготовлена из древесины липы (*Tilia cordata*). По своим физико-механическим показателям это лёгкая и непрочная, сильно усыхающая и мягкая порода.

Такие вещи, как орудия труда, а также детали наземного и водного транспорта, требуют особой надёжности. Соответственно чекмари, как правило, дубовые. То же можно сказать и о копылах – из четырёх экземпляров все были сделаны из дуба. Землеройные лопаты обычно резались из сосны. Для вёсел брались как хвойные, так и лиственные породы. Найденное на Житном раскопе весло (14-21-13) изготовлено из ясения (*Fraxinus L.*). Древесина ясения вязкая, твёрдая и умеренно усыхающая, она обладает красивой гладкой и белой текстурой. Это ядерная порода с широкой белой заболонью и бурым ядром. Переход заболонной древесины в ядерную постепенный.

В целом для деревянных находок Житного раскопа характерно доминирование лиственных пород древесины. По имеющейся на данный момент статистике, из предметов, прошедших анализ, менее 1/6 части приходится на хвойные породы. Возможно, это объясняется особенностями древесного состава лесов Переяславля Рязанского, однако вопрос этот требует дополнительного исследования, а также дальнейшего накопления материала по породам древесины Переяславля Рязанского.

Приложение I.

Название	Всего	Сосна (Pinus) (Picaea)	Ель (Picea)	Можжевельник (Juniperus)	Дуб (Quercus)	Вяз (Ulmus)	Ясень (Fraxinus)	Клён (Acer)	Берёза (Betula)	Липа (Tilia)	Ольха (Alnus) (Salix)	Ива (Salix)	Самшит (Buxus)	Кора сосны
ложка	6					2				1				1
заготовка ложки	1													1
ковши	1													
чертак	1													
руковать ножа	3													3
рукоятка	1					1								
крышка (?)	1													1
оправа зеркала	1					1								
ребенок	6													6
ребенок для кудели	2													
веретено	4									1		1		1
лодочка	1													1
игрушечная														1
заготовка														
игрушечный	1													
лодочки														
меч игрушечный	1			1										
волчок	4	2										1		1

Название	Всего	Сосна (Pinus) (Picea)	Ель (Picea)	Можжевельник (Juniperus)	Дуб (Quercus)	Вяз (Ulmus)	Ясень (Fraxinus)	Клён (Acer)	Берёза (Betula)	Липа (Tilia)	Ольха (Alnus)	Ива (Salix)	Самшит (Buxus)	Кора сосны
крест	1											1		
посох	1										1			
пенал	1											1		
балдачина	1										1			
мебели фрагмент	1													
копьи	4													
подкладка														
в задник	1													
кожаного сапога														
лопата	1	1												
тюмар	1	1												
весло	1								1					
полавок	1												1	
затычка (?)	1								1					
собышка	1											1		
поделка	9	1				2		1	1		1	1		2
предмет	1	1												
чекмарь	1							1						
всего	61	7	1	1	8	4	4	7	2	2	3	9	11	

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖИТНОГО РАСКОПА)

Обработка кости – одно из старейших видов производства. Костяные изделия являются частыми находками на территории древнерусских поселений: это рукояти ножей, гребни, иглы, предметы игры (шахматы, шашки), бусы, наконечники стрел, гарпуны и т. д. Нередко встречаются и отходы косторезного производства.

В отличие от других органических материалов кость и рог менее подвержены разрушительному воздействию времени. Поэтому находки из этого материала многочисленны не только на памятниках с влажным культурным слоем (где хорошо сохраняется органика), но и там, где изделия из дерева, кожи и другого сырья не сохраняются.

Анализ предметов, выполненных из рога и кости, – неотъемлемая составляющая исторического исследования, раскрывающая традиции ремесла. Обзор костяных находок присутствует в каждом монографическом исследовании памятника. Работ, посвящённых технологическому процессу обработки кости, описанию и классификации изделий, достаточно много (*Даркевич, Борисевич, 1995; Закирова, 1988; Изюмова, 1949; Медведев, 1966; Монгайт, 1961; Кирпичников, 1973*), некоторые из них по праву стали основополагающими. Однако исследования, посвящённые находкам из кости в Переяславле Рязанском, немногочисленны, что отражает относительно слабую изученность этого памятника. Среди исследований находок из кости следует отметить монографию А.Л. Монгайта «Рязанская земля» (1961. С. 184). К сожалению, в силу различных обстоятельств в результате раскопок под руководством Александра Львовича, произведённых в Кремле Переяславля Рязанского в 1955–1957 гг., не удалось собрать значительной коллекции костяных предметов. Так, разведывательный раскоп, заложенный у Консисторского корпуса в 1955 г., большей частью пришёлся на фундамент здания XVI–XVII вв. и оказался бедным на находки, среди предметов из кости известен лишь гребень. В 1956 г. раскопки были перенесены на территорию бывшего архиерейского сада, где в средневековье должны были располагаться жилые кварталы и торг Переяславля (Монгайт, 1961. С. 168). Из 368 предметов, найденных на этом раскопе, костяные изделия по описи составляют лишь 17 экземпляров. Это фрагменты гребней, брунчалка, наковаленка и предметы, функциональное назначение которых

неизвестно. В 1957 г. в результате продолжившихся раскопок было обнаружено 11 костяных предметов из общего количества в 919 единиц.

Обзор находок из кости приведён в сборнике «Подземная охранная зона исторической территории Рязанского кремля» (Подземная охранная зона..., 1995. С. 31), где освещаются важнейшие ремесленные производства горожан, в том числе и косторезное. Наиболее полно костяные изделия из фондов Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника освещены в статье В.В. Судакова (1996), где автор классифицирует и описывает предметы, обнаруженные на территории Кремля вплоть до 1994 г.

В 2001 г. в Ставрографическом сборнике была опубликована статья И.Б. Барышева «Костяные резные крестики-тельники из раскопок Переяславля Рязанского», в которой автор описывает и датирует концом XV – началом XVI в. три резных крестика, обнаруженных при раскопках в 1992 г. на территории Острога. Автор отмечает, что костяные крестики-тельники с резным рельефным изображением являются редкой находкой. Они были не массовой продукцией, а индивидуальными изделиями резчиков (Барышев, 2001. С. 307).

Для сравнения количества костяных изделий, обнаруженных на территории Кремля Переяславля Рязанского в разное время, приводим таблицу 1.

Таблица 1. Соотношение общего количества артефактов и предметов из кости по раскопам в Кремле Переяславля Рязанского

№ п/п	Руководитель раскопа, год, место	Общее число предметов	Предметы из кости
1	Н.П. Милонов, 1929 г., два во дворе Дворца Олега, один в северо-западной части сада музея, в б. Спасском монастыре	3293	нет
2	Н.П. Милонов, 1945 г., вал с южной стороны, небольшой раскоп возле Архангельского собора	484	нет
3	А.Л. Монгайт, 1955 г., у Консисторского корпуса	ок. 260	1

4	А.Л. Монгайт, 1956 г., территория бывшего архиерейского сада	368	17
5	А.Л. Монгайт, 1957 г., территория бывшего архиерейского сада	919	11
6	М.М. Макаров, 1983 г., юго-восточная часть кремлёвской платформы	726	27
7	В.В. Судаков, 1986 г., юго-восточная часть кремлёвской платформы	680	16
8	В.В. Судаков, 1988 г., юго-восточная часть кремлёвской платформы	1231	34
9	М.М. Макаров, В.В. Судаков, 1989 г., юго-восточная часть кремлёвской платформы	526	18
10	В.В. Судаков, 1990 г., набережная р. Трубеж	660	3
11	В.В. Судаков, 1990 г., юго-восточная часть кремлёвской платформы	380	11
12	В.И. Завьялов, 2005 г., Житный раскоп	266	12
13	В.И. Завьялов, 2006 г., Житный раскоп	238	21
14	В.И. Завьялов, 2007 г., Житный раскоп	363	15
15	В.И. Завьялов, 2008 г., Житный раскоп	512	21

Целью нашей статьи является описание и введение в научный оборот костяных предметов, обнаруженных при раскопках Кремля Переяславля Рязанского в 2005–2008 гг. (датировка слоя относится к началу XVI–XVII в.). Исследование основано на визуальном анализе артефактов и определении состава сырья. Общеархеологическая

ситуация находок приводится по отчётом руководителя экспедиции В.И. Завьялова, хранящихся в научном архиве РИАМЗ.

Главным материалом косторезного производства были кости крупных домашних животных, рога оленей, лосей, иногда использовали рога косуль, а также материал явно привозного характера – моржовый клык¹. Чтобы превратить кость домашнего животного в поделочный полуфабрикат (для производства шли берцовые, пястные и плюсневые кости), её необходимо было обезжирить, а затем расправить. После длительного процесса вываривания кости в щёлочке её под сильными прессами расправляли в пластины.

При работе с материалом косторезы применяли все виды приёмов обработки: точение, проточку и строгание, шлифовку, лощение, шабление.

Условно находки можно подразделить на шесть групп.

I группа – предметы бытового и хозяйственного назначения:

рукояти ножей (10 экз.)

затыльники (8 экз.)

обоймицы (2 экз.)

кочедык (1 экз.)

иглы (4 экз.)

гребни (4 экз.)

печать (1 экз.)

II группа – предметы для игр:

астрагалы (2 экз.)

шахматные фигуры (2 экз.)

брунчалки (10 экз.)

III группа – декоративные предметы:

накладка (1 экз.)

бусы (41 экз.)

IV группа – предметы боевого снаряжения:

наконечники стрел (2 экз.)

V группа – фрагменты костей, функциональное назначение которых неизвестно

VI группа – отходы производства

I группа – предметы бытового и хозяйственного назначения. Обнаруженные рукояти, ручки можно условно отнести к двум типам: составные, представляющие собой наборные муфты или пластины с

¹ Таксономический анализ изделий из кости выполнен старшим научным сотрудником Института археологии РАН, к. б. н. Е.Е. Антипиной.

запирающим навершием, и цельные или, пользуясь классификацией В.В. Судакова, односоставные (*Судаков, 1996*).

Составные представляют собой пластины из распрямлённых рёбер и рога или составные шайбы округлой формы. Наиболее распространенными являются рукояти, выполненные из пластин, на поверхности которых имеются сквозные отверстия для крепления при помощи штифтов и заклёпок. К этому типу можно отнести три рукояти, найденные в слое, датируемом XVII в. (рис. 1, 1 – 3). Для более наглядного их представления приведём размеры (первая цифра указывает длину, вторая – ширину, третья – толщину): 6,5 x 1,1 x 0,4 см; 11,3 x 1,4 – 1,8 x 0,5 см; 8,4 x 1,4 – 1,8 x 0,6 см. Ко второй половине XVI – началу XVII в. относятся три экземпляра (рис. 1, 4 – 6). Размеры: 8,7 x 1,6 x 0,6 см; 8,8 x 0,8 – 1,5 x 0,4 см; 6,4 x 1,2 x 0,5 см. Примером этого типа является рукоять, найденная в слое XVI в. (рис. 1, 7): 9,3 x 1,1 – 2 x 0,3 см. Два экземпляра украшены циркульным орнаментом, третий – каннелюрами и розетками, образованными сквозными отверстиями. Среди фрагментарно сохранившихся рукоятей этого типа встречается целая по сохранности рукоять, состоящая из двух пластин, скреплённых штифтами, затыльника и железной обоймицы. Поверхность украшена циркульным орнаментом (рис. 1, 6).

Целые рукояти из составных наборных шайб, так называемых муфт, в коллекции из Житного раскопа отсутствуют, имеются лишь фрагменты, что даёт нам основание говорить о существовании рукоятей подобного вида. В 2006 г. был обнаружен предмет без орнамента, состоящий из трёх рядом лежащих круглых пластинок толщиной 0,1, 0,2 и 0,5 см со сквозным отверстием (диаметром 0,7 см) по центру, боковые стороны ошлифованы (рис. 1, 8). Ещё две находки были сделаны в 2007 г., одна из них имеет форму цилиндра высотой 1,9 см со сквозным отверстием (диаметром 0,5 см) в центре, не орнаментирована (рис. 1, 9); другая, также цилиндрическая, высотой 2,9 см из трубчатой кости толщиной около 0,4 см. Изделие хорошо отшлифовано, поверхность украшена концентрическими кольцами и циркульным орнаментом (рис. 1, 10). В 2008 г. были обнаружены два предмета: гранёный фрагмент пластины толщиной 0,2 см с отверстием по центру и насечками из перекрёстных линий, необходимых, вероятно, для лучшего скрепления друг с другом подобных пластинок (рис. 1, 11); второе изделие овальной формы 3,5 x 2,9 см, в центре сквозное отверстие диаметром 0,4 см, на боковых стенках циркульный орнамент (рис. 1, 12).

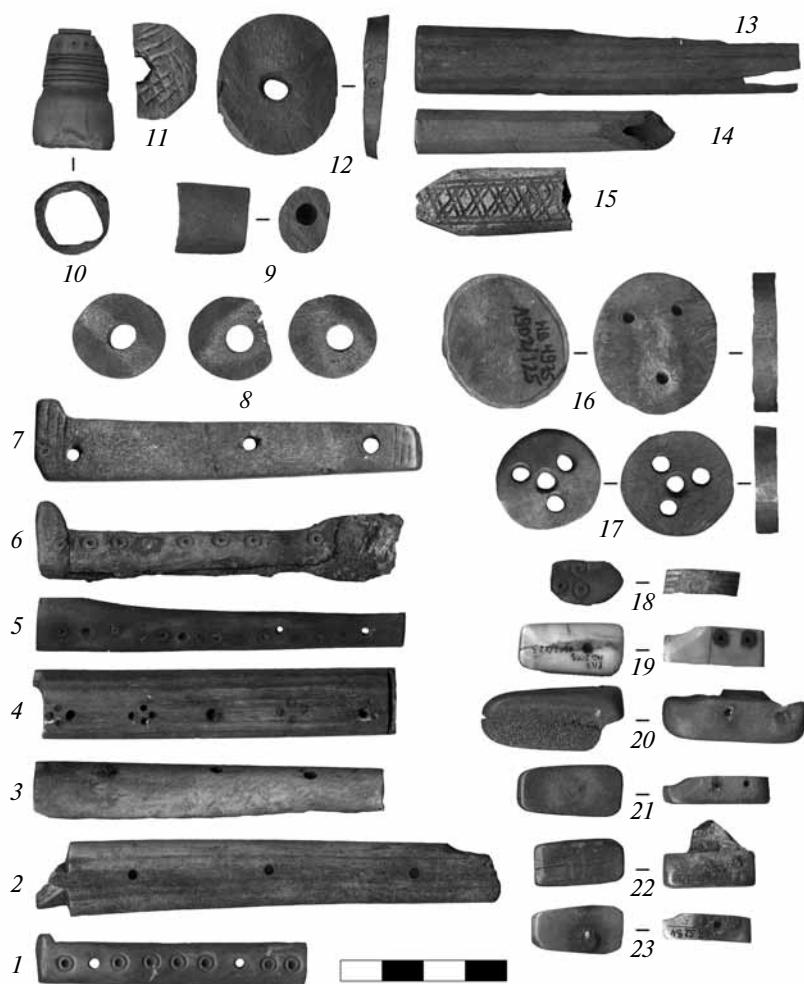

Рис. 1 Изделия из кости

Цельные ручки, обычно круглые или овальные в сечении. Встречено три таких предмета (рис. 1, 13 – 15): 9,1 x 1,7 x 1,1 см; 6,2 x 1,1 x 0,7 см; 3,7 x 1,6 x 0,9 см. Представленные рукояти овальные в сечении, одна из них (10-14-141) украшена каннелюрами и датируется второй половиной XV – началом XVII в. Рукоять (14-3-200) выполнена из оленевого рога, орнамент состоит из двух пар параллельных

прямых, расположенных между собой на расстоянии 0,8 см, пространство между ними заполнено пересекающимися наклонными двойными параллельными линиями, срез боковых граней верхней части представляет собой тупой угол. Предмет (12-12-42) представляет семигранную рукоять без орнамента.

К этой же группе находок относятся затыльники ножей – деталь, запирающая рукоятку. По форме среди них можно выделить округлые (рис. 1, 16, 17), миндалевидные с циркульным орнаментом на лицевой стороне (сохранность находки неполная, так как левая её сторона хранит следы огня) (рис. 1, 18) и прямоугольные с желобком по внутренней части и фрагментами штифтов на боковых сторонах (рис. 1, 19 – 23). При проведении таксономического анализа (*Антипина, 2007. С. 148 – 150*) было установлено, что основным материалом для изготовления затыльников служит олений рог, отмечается единичное использование моржового зуба, что говорит о привозном характере находки.

Обоймы – это пластины, приспособленные для крепления ножа в месте перехода черенка в лезвие и предохраняющие рукоятку от раскалывания (*Судаков, 1996*). Среди предметов к этой подгруппе относятся две находки, датируемые второй половиной XVI–началом XVII в. (рис. 2, 1, 2). Одна – круглой формы, диаметр 2 см, толщина 0,5 см, наружные боковые стенки имеют два параллельных прореза толщиной в 0,1 см. Вторая – миндалевидная, толщина 0,5 см, боковые стенки гладкие, шлифованные.

Среди бытовых изделий из кости необходимо выделить иглы. Обнаружено четыре предмета, в изготовлении которых применялись берцовые кости домашних свиней (*Антипина, 2006. С. 98 – 99*). Сохранность двух из них неполная: находка (7-20-61) (рис. 2, 3) (длина 6,3 см, ширина 0,7 см, толщина 0,5 см) прямоугольная в сечении, со сквозным отверстием диаметром 0,5 см, просверлённым на расстоянии 1,8 см и 4 см (отметим, что в период раннего средневековья более характерным способом обработки кости была резка, а не сверление), обломана с обеих сторон; игла (10-30-90) (рис. 2, 4) (длина 6,6 см, диаметр 0,4 см) круглая в сечении, заострена к одному концу, обломана с другого. Остальные иглы овальные в сечении с постепенным уплощением со стороны ушка, длина одной 8 см (рис. 2, 5), другая лощёная, длина 8,6 см (рис. 2, 6).

К группе предметов бытового и хозяйственного назначения относится кочедык – инструмент для плетения лаптей в виде плоского изогнутого шила (*Ефремова, 2000*) (рис. 2, 7), происходящий из рас-

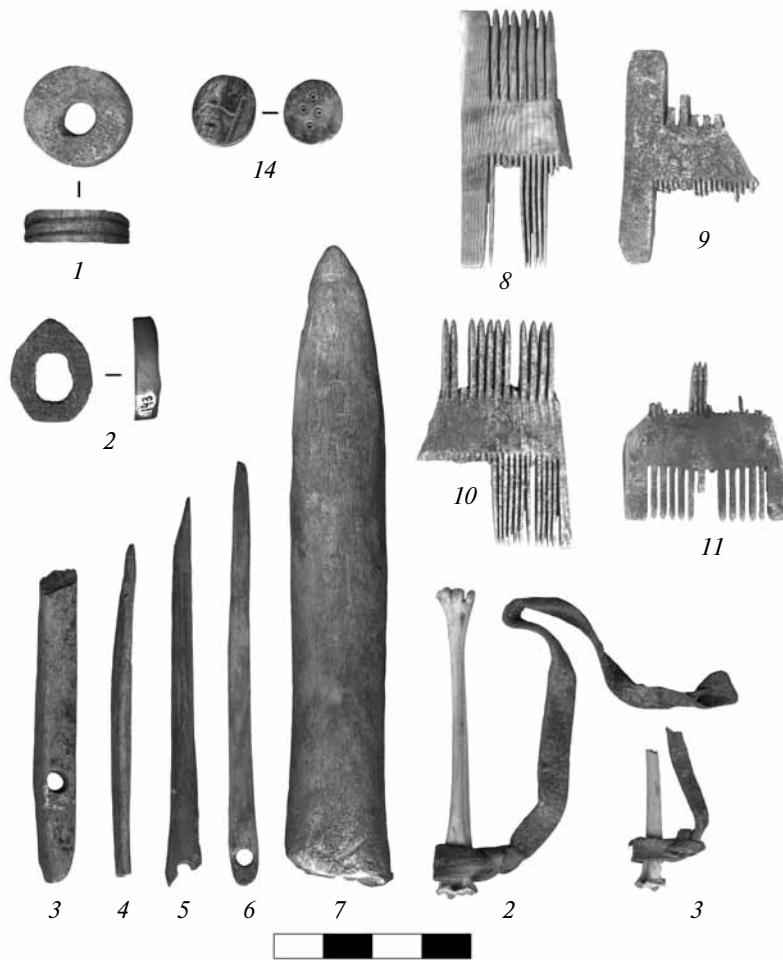

Рис. 2 Изделия из кости

копок 2005 г. (слой датируется второй половиной XVII в.). Предмет выполнен из трубчатой кости крупного рогатого скота, поверхность лощёная (Антипина, 2005. С. 101 – 104). Длина кочедыка 12,8 см. Верхняя часть внешней и внутренней стороны обработаны не до конца, то есть можем предположить, что это заготовка.

В результате раскопок Переяславля Рязанского было обнаружено четыре фрагмента костяных гребней, все они происходят из слоя,

датируемого второй половиной XVII в. Гребни относятся к цельным двусторонним прямоугольным изделиям, поверхность которых не орнаментирована. Остеологический анализ двух из них показал, что предметы выполнены из рога лося (*Антипина*, 2005. С. 101 – 104). Для большей наглядности дадим размеры: рис. 2, 8 – высота 5,3 см, рис. 2, 9 – 4,4 см, рис. 2, 10 – 4,6 см, рис. 2, 11 – 3,3 х 3,3 см. Размеры последнего предмета говорят о том, что это могла быть детская расчёска, или игрушечный гребень, или же изделие, используемое для расчёсывания бороды (Археология, 1997. С. 20).

Наиболее интересной находкой среди костяных изделий является печать (12-27-241) (рис. 2, 14), выполненная из метаподия лошади. Предмет овальной формы размерами 1,4 х 1,2 см, толщина 0,4 см по длинной оси и 0,3 см по поперечной. По длинной оси проходит сквозной канал диаметром 0,25 см. На лицевой стороне глубокой резьбой изображён воин, в правой руке держащий копьё, левой, согнутой в локте, опирается на меч. На обратной стороне – циркульный орнамент из четырёх кружков (*Завьялов*, 2007. С. 81).

Следующая группа изделий – предметы для игры. Они представлены большим количеством брунчалок (10 экз.) (рис. 3, 1, 2), выполненных из пястной или плюсневой кости свиньи (*Антипина*, 2006. С. 98 – 99; 2007. С. 148 – 150; *она же*, 2008. 180 – 182). В.И. Даль определяет брунчалки следующим образом: «...ж. гудалка, буркалило, жужжалка; косточка, либо досчечка, вздернутая на веревочку и урчащая, если завивать и растягивать веревочку, игрушка» (*Даль*, 2007. С. 161).

Для средневековых поселений характерны находки поделок из путового сустава, надкопытной кости домашнего животного – лошади, овцы, козы. Их использовали для изготовления альчиков (рис. 3, 3, 4), костей для древней игры в бабки. «Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля» так толкует слово альчик: «...м., арх. Игорная говяжья надкопытная кость, козна, козан, бабка, костыга, шляк, лодыга, баска; латинс. Talus» (*Даль*, 2007. С. 70). А от «лодыги», встретившейся в определении, образовано слово «лодыжник», что значит «игрок в бабки», а в переносном смысле – «лентяй, бездельник». Иногда встречались и следы шулерства. На кон ставили мослы со сточенными от долгого употребления в игре рожками – «точёнками», стесавшимися, уже негодными как биты. Битам же пытались иногда незаметно подточить самые острые грани или утяжелить их свинцом, маскируя высовленные в мослах дыры, например, грязью. Подобный предмет с просверлённым отверстием, датируемый рубежом XVI–XVII вв., был обнаружен в 11 пласте (11-27-228).

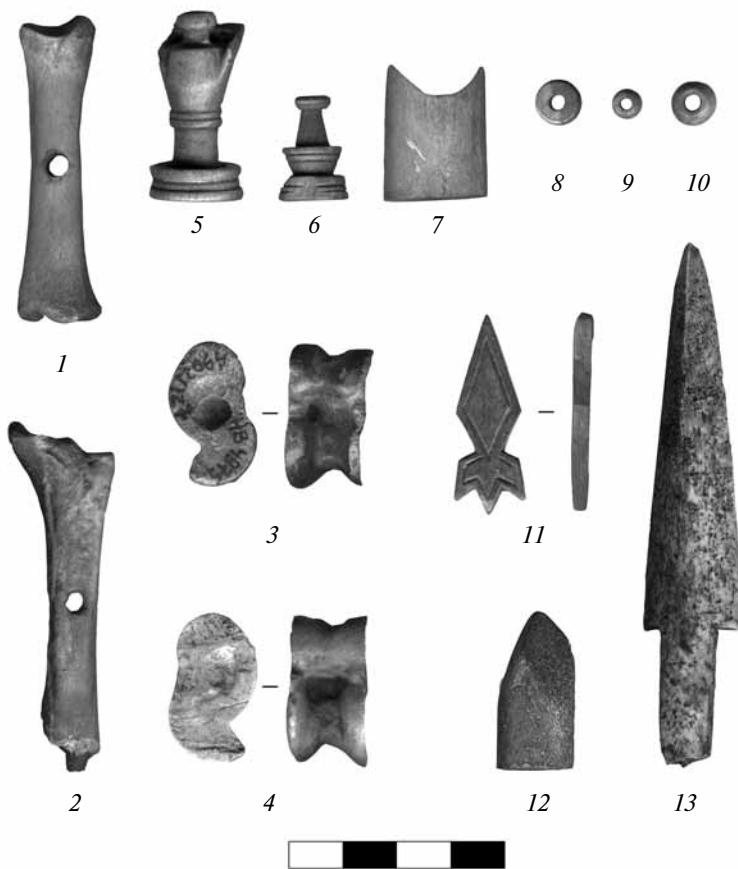

Рис. 3 Изделия из кости

Известны среди материалов из Житного раскопа находки шашек и шахмат (рис. 2, 10, 11, 12). В 16 пласте обнаружена шахматная фигура (16-36-439) (рис. 3, 5) высотой 3,5 см, диаметр тыльной стороны равен 1,7 см (предмет датируется первой половиной XVI в.). По расположению «воротника» (бортик полукруглой формы в верхней части фигуры) определяется передняя часть (не окаймлённая им) и задняя – с «воротником». Во внутренней части, между «головкой» и «воротником», сохранился окрашенный фрагмент, белый по цвету, таким образом игроки различали свои фигуры. По сохранившемуся «воротнику» мы можем предполагать, что это фигура высокого ранга,

скорее всего ферзь. Фигура изготовлена из оленевого рога на токарном станке (Антипина, 2008. С. 180 – 182), по всей высоте украшена рельефной резьбой в виде концентрических колец. Другая фигура (11-3-123) (рис. 3, 6), обнаруженная в слое XVI в., выполнена также из оленевого рога (Антипина, 2007. С. 148 – 150) и представляет миниатюрную фигуру – пешку высотой 2 см. В 2006 г. обнаружена ладья, вырезанная из оленевого рога (Антипина, 2006. С. 98 – 99). Фигура высотой 2,5 см не орнаментирована, имеет овальное сечение (рис. 3, 7).

III группа – декоративные изделия: бусы (41 экз. – находки 2005, 2006 гг.), накладка (2006 г.). В анализируемом материале из Житного раскопа представлены только лошёные неорнаментированные бусы, которые можно отнести к трём видам: плоские высотой 0,2 см, диаметром 0,7 – 0,8 см (2 экз.) (рис. 3, 8); маленькие округлые высотой 0,3 см, диаметром 0,5 – 0,6 см (3 экз.) (рис. 3, 9); крупная круглая высотой 0,7 см, диаметром 0,9 см (рис. 3, 10).

Накладка (рис. 3, 11) предназначена для украшения и укрепления изделий, выполнена из оленевого рога (Антипина, 2006. С. 99), представляет собой пластинку толщиной 0,3 см. При обработке использовалось точение и шабрение (шлифование при помощи снятия тончайшей стружки с поверхности предмета) (Антипина, 2006. С. 99).

IV группа – предметы боевого снаряжения, представлена наконечниками стрел. Один (рис. 3, 12) относится к втульчатым тупым томарам. Наконечник трёхгранный по форме, высота 3 см, диаметр 1,5 см, диаметр втулки 0,5 см. По классификации А.Ф. Медведева он относится к 5 типу – наконечникам для охоты на пушного зверя, обитающего на деревьях (Медведев, 1966. С. 87). Такие наконечники были распространены в X–XIV вв., но, судя по нашей находке, могли бытовать и позднее.

Другой наконечник (рис. 3, 13) относится к типу черешковых с плоским черешком. Наконечник треугольный в сечении, длина наконечника 7,1 см, общая длина 9,8 см (Медведев, 1966. С. 88).

V группа – фрагменты, функциональное назначение которых неизвестно. Предметов данной группы достаточно много:

– рога со следами спила (2 экз.) (рис. 4, 1, 2), один из них был обнаружен в слое второй половины XVII в. (8-1-206), другой – первой половины XVI в. (15-36-219);

– фрагмент С-образного предмета (рис. 4, 3), выполненного из оленевого рога, толщина 0,8 см, поверхность шлифованная;

– предмет (рис. 4, 4), выполненный из пястной или плюсневой кости свиньи, по всей длине (дл. 4 см) имеет круглое сквозное от-

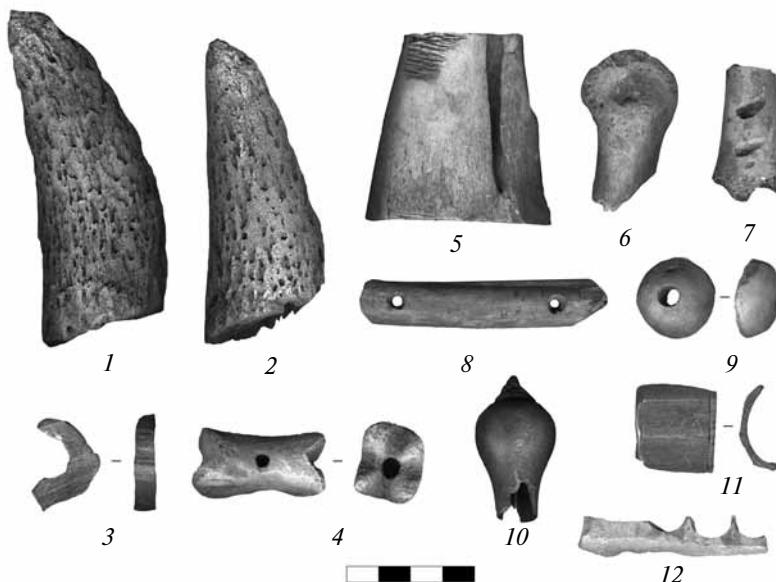

Рис. 4 Изделия из кости

верстие диаметром 0,7 см, на поверхности по центру отверстие диаметром 0,5 см;

– фрагменты трубчатых костей со следами спилов и резки на боковых гранях (3 экз.) (рис. 4, 5, 6, 7);

– предмет (рис. 4, 8) из кости рёбер длиной 7,7 см со сквозными отверстиями с обеих сторон на поверхности, предположительно, что это заготовка вертлюга, аналогии которому находятся и в предыдущих раскопках Переяславля Рязанского (Судаков, 1996. С. 170);

– изделие из головки бедренной кости (рис. 4, 9), имеющее форму полусфера (диаметр 2,5 см, высота 1,1 см) со сквозным отверстием в центре диаметром 0,7 см, несмотря на легкость предмета, можно предположить, что это заготовка для прядильца. Известно, что величина и вес прядильца влияли на качество скручиваемой нити: при использовании более лёгких прядильц получались лёгкие нити, а более тяжёлых – толстые и рыхлые;

– изделие (рис. 4, 10), округлое по форме (диаметр 2,6 см), несколько вытянутое, общая длина 4,7 см, с одной стороны железный конус высотой 0,9 см, с другой стороны отверстие глубиной 2,2 см,

диаметром 1,1 см, благодаря этому можно предположить, что предмет надевался на что-то, служил навершием;

– фрагмент предмета (рис. 4, 11) в виде гранёной пластины толщиной 0,3 см, высотой 2,6 см., на сторонах которого прочерчены прямые линии, в центре – с-образный орнамент, расположенный звеньями, друг за другом;

– находка отходов от производства пуговиц (14-28-17), представляющая собой обломок пластины толщиной 4 мм, длиной 60 мм, с тремя выточенными на токарном станке полукругами. Судя по следам обработки, заготовка для пуговицы была диаметром 12 мм и толщиной 3 мм, имела форму уплощённого цилиндра с вогнутыми несколько внутрь боками, подтверждением чему является двусторонняя проточка обнаруженного изделия (рис. 4, 12).

Несмотря на немногочисленность находок из кости (4,5 % от общего числа обнаруженных предметов), они говорят о разнообразии используемого материала. В основном изделия изготавливались из местного сырья: рога оленя, лося, кости свиньи. Найдки из привозного материала единичны (см. таблицу 2). Описанные нами предметы дополняют уже существующую коллекцию костяных предметов из Переяславля Рязанского и расширяют наше представление о жизни рязанцев XVI–XVII вв.

Таблица 2. Житный раскоп. Опись находок из кости

Рис.	Паспорт находки	Наименование предмета	Размеры (в см)	Таксономическая принадлежность/ элемент скелета	Датировка слоя
1,3	ПРАЭ 2005, 7-22-63	Рукоять ножа, фрагмент	8,4 x 1,4 – 1,8 x 0,6		2-я пол. XVII в.
1,1	ПРАЭ 2005, 8-15-179	Рукоять ножа, фрагмент	6,5 x 1,1 x 0,4	Лось/лопата рога	2-я пол. XVII в.
1,2	ПРАЭ 2005, 8-19-195	Рукоять ножа, фрагмент	11,3 x 1,4 – 1,8 x 0,5	Лось/лопата рога	2-я пол. XVII в..
1,6	ПРАЭ 2006, 9-37-67	Рукоять ножа	6,4 x 1,2 x 0,5		Рубеж XVI–XVII вв.
1,13	ПРАЭ 2006, 10-14-141	Рукоять ножа, фрагмент	9,1 x 1,7 x 1,1		Рубеж XVI–XVII вв.
1,5	ПРАЭ 2006, 10-20-146, гл. 183	Рукоять ножа, фрагмент	8,8 x 0,8 – 1,5 x 0,4	Семейство Оленевых Cervidae/рог	Рубеж XVI–XVII вв.

1,4	ПРАЭ 2006, 10-8-157	Рукоять ножа, фрагмент	8,7 x 1,6 x 0,6	Крупный рогатый скот/ метаподиальная кость	Рубеж XVI–XVII вв.
1,14	ПРАЭ 2007, 12-12-42	Рукоять ножа	6,2 x 1,1 x 0,7		XVI в.
1,7	ПРАЭ 2008, 16-28-531	Рукоять ножа, фрагмент	9,3 x 1,1 – 2,0 x 0,3	Семейство Оленьих Cervidae/ рог	1-я пол. XVI в.
1,15	ПРАЭ 2008, 14-3-200	Рукоять ножа, фрагмент	3,7 x 1,6 x 0,9	Семейство Оленьих Cervidae/ рог	1-я пол. XVI в.
1,8	ПРАЭ 2006, 11-28-213	Муфта ножа, фрагмент	2,1 x 2,0 x 0,5 2,1 x 2,0 x 0,5 толщина 0,2	Семейство Оленьих/рог	Рубеж XVI–XVII вв.
1,10	ПРАЭ 2007, 12-12-59	Муфта ножа, фрагмент	2,8 x 1,5 – 2,0		XVI в.
1,9	ПРАЭ 2007, 13-39-485	Муфта ножа, фрагмент	1,8 x 1,3 x 1,7		XVI в.
1,12	ПРАЭ 2008, 14-31-21	Муфта ножа, фрагмент	3,5 x 2,8 x 0,3 – 0,5	Семейство Оленьих Cervidae/ рог	1-я пол. XVI в.
1,11	ПРАЭ 2008, 14-26a-70	Муфта ножа, фрагмент	2,3 x 0,2		1-я пол. XVI в.
1,16	ПРАЭ 2006, 11-33-211	Затыльник ножа	3,4 x 3,0 x 0,6	Семейство Оленьих Cervidae/ рог	Рубеж XVI–XVII вв.
1,22	ПРАЭ 2007, 11-32-130	Затыльник ножа	2,1 x 1,1 x 0,8		XVI в.
1,19	ПРАЭ 2007, 12-31a-245	Затыльник ножа	2,4 x 1,1 x 0,9	Морж Odobenus rosmarus/зуб	XVI в.
1,20	ПРАЭ 2007, 12-6-293	Затыльник ножа	3,4 x 1,2 – 1,5 x 1,0	Семейство Оленьих Cervidae/ рог	XVI в.
1,23	ПРАЭ 2008, 14-28-5	Затыльник ножа	2,2 x 1,0 x 0,7	Семейство Оленьих Cervidae/ рог	1-я пол. XVI в.
1,21	ПРАЭ 2008, 14-33-108	Затыльник ножа	2,5 x 1,2 – 1,1 x 0,6	Семейство Оленьих Cervidae/ рог	1-я пол. XVI в.

1,17	ПРАЭ 2008, 14-27-157	Затыльник ножа	2,5 x 0,6	Семейство Оленевых Cervidae/ рог	1-я пол. XVI в.
1,18	ПРАЭ 2008, 16-22-465	Затыльник ножа	1,7 x 1,1 x 0,6	Семейство Оленевых Cervidae/ рог	1-я пол. XVI в.
2,1	ПРАЭ 2006, 9-24-52	Обоймица	2,1 x 0,6	Семейство Оленевых/рог	Рубеж XVI–XVII вв.
2,2	ПРАЭ 2006, 10-14-136	Обоймица	2,0 x 1,6 x 0,5	Семейство Оленевых/рог	Рубеж XVI–XVII вв.
2,11	ПРАЭ 2005, 7-27-75	Гребень, фраг- мент	3,3 x 3,3	Лось/лопата рога	2-я пол. XVII в.
2,8	ПРАЭ 2005, 7-28-113	Гребень, фраг- мент	высота 5,3		2-я пол. XVII в.
2,9	ПРАЭ 2005, 7-34-124	Гребень, фраг- мент	высота 4,4	Лось/лопата рога	2-я пол. XVII в.
2,10	ПРАЭ 2005, 8-34-227	Гребень, фраг- мент	высота 4,6	Лось/лопата рога	2-я пол. XVII в.
2,3	ПРАЭ 2006, 7-20-61	Игла, фрагмент	6,4 x 0,7 x 0,5		Рубеж XVI–XVII вв.
2,4	ПРАЭ 2006, 10-30-90	Игла, фрагмент	6,6 x 0,4	Свинья домашняя/ пястная кость	Рубеж XVI–XVII вв.
2,6	ПРАЭ 2006, 11-11-262	Игла, фрагмент	длина 8,5	Свинья домашняя/ пястная кость	Рубеж XVI–XVII вв.
2,5	ПРАЭ 2006, 10-35-263	Игла, фрагмент	длина 7,7	Свинья домашняя/ пястная кость	Рубеж XVI–XVII вв.
2,7	ПРАЭ 2005, 8-39-171	Кочедык	длина 12,8	Крупный рогатый скот/диафиз пястной кости	2-я пол. XVII в.
2,14	ПРАЭ 2007, 12-27-241	Печать	1,4 x 1,2, толщина 0,4 по длинной оси и 0,3 по поперечной	Лошадь	XVI в.
3,12	ПРАЭ 2006, 9-6-66	Наконечник стрелы	высота 3,0, диаметр 1,5, диаметр втулки 0,5		Рубеж XVI–XVII вв.

3,13	ПРАЭ 2006, сад, траншея	Наконечник стрелы	треугольный в сечении, длина наконечника 7,1, общая длина 9,8		Рубеж XVI–XVII вв.
3,1	ПРАЭ 2006, 9-12-87	Брунчалка	5,1 x 1,1 x 0,8	Свинья домашняя/ пястная кость	Рубеж XVI–XVII вв.
	ПРАЭ 2006, 10-20-103	Брунчалка	5,7 x 1,0 x 0,8	Свинья домашняя/ пястная кость	Рубеж XVI–XVII вв.
	ПРАЭ 2006, пл. 10, № 135	Брунчалка	4,9 x 1,1 x 1,0		Рубеж XVI–XVII вв.
	ПРАЭ 2007, 12-12-173	Брунчалка	6,1 x 1,0 x 0,8	Свинья домашняя <i>Sus forma domes-</i> tica/плюсневая кость	XVI в.
	ПРАЭ 2007, 12-35-174	Брунчалка	6,2 x 1,0 x 1,8	Свинья домашняя <i>Sus forma domes-</i> tica/пястная кость	XVI в.
	ПРАЭ 2007, 12-13-410	Брунчалка	5,2 x 1,0 x 0,9	Свинья домашняя <i>Sus forma domes-</i> tica/пястная кость	XVI в.
3,2	ПРАЭ 2008, 14-10-145	Брунчалка	6,0 x 1,3 x 1,0		1-я пол. XVI в.
	ПРАЭ 2008, 14-10-146	Брунчалка	5,6 x 1,0 x 0,8		1-я пол. XVI в.
	ПРАЭ 2008, 16-21-428	Брунчалка	5,4 x 1,0 x 0,8		1-я пол. XVI в.
	ПРАЭ 2008, пл. 15, № 516	Брунчалка	6,1 x 1,0 x 0,8		1-я пол. XVI в.
3,10	ПРАЭ 2005, 7-10-116	Бусина	высота 0,7, диаметр 0,9		1-я пол. XVII в.
1,8	ПРАЭ 2005, 7-23-189	Бусина	высота 0,2, диаметр 0,7 – 0,8		2-я пол. XVII в.
3,9	ПРАЭ 2006, 9-23-15	Бусина	высота 0,3, диаметр 0,5 – 0,6		Рубеж XVI–XVII вв.
	ПРАЭ 2006, 11-10-254	Бусина	высота 0,3, диаметр 0,5 – 0,6		Рубеж XVI–XVII вв.

	ПРАЭ 2006, 10-36-100	Бусина	высота 0,2, диаметр 0,7 – 0,8		2-я пол. XVI–нач. XVII в.
	ПРАЭ 2006, 11-15-257	Бусина	диаметр 0,6, высота 0,3		Рубеж XVI–XVII вв.
3,7	ПРАЭ 2006, 11-16-236	Шашка	2,5 x 1,8 x 1,5	Семейство Оленых/рог	Рубеж XVI–XVII вв.
3,6	ПРАЭ 2007, 11-3-123	Шахматная фигурка	высота 2,0, диаметр тыльной стороны 1,2	Семейство Оленых Cervidae/ рог	XVI в.
3,5	ПРАЭ 2008, 16-36-439	Шахматная фигурка	высота 3,5, диаметр тыльной стороны 1,7	Семейство Оленых Cervidae/ рог	1-я пол. XVI в.
3,11	ПРАЭ 2006, 9-9-55	Накладка	длина 3,7, толщина 0,3	Семейство Оленых Cervidae/ рог	Рубеж XVI–XVII вв.
3,3	ПРАЭ 2006, 11-27-228	Альчик	2,7 x 1,4 x 1,5	Мелкий рогатый скот/астрагал	Рубеж XVI–XVII вв.
3,4	ПРАЭ 2008, 15-12-424	Альчик	2,7 x 1,4 x 1,6	Косуля Capreolus capreolus/астрагал	1-я пол. XVI в.
4,2	ПРАЭ 2006, 8-1-206	Рог со следами спила	высота 9,6		Рубеж XVI–XVII вв.
4,1	ПРАЭ 2008, 15-36-206, гл. 235	Рог со следами спила	высота 10,4		1-я пол. XVI в.
4, 3	ПРАЭ 2008, траншея-109	Предмет, фрагмент	толщина 0,6		1-я пол. XVI в.
4,4	ПРАЭ 2008, траншея-202	Предмет	4,0 x 1,9 x 1,6	Крупный рогатый скот Bos taurus/ первая фаланга	1-я пол. XVI в.
4,5	ПРАЭ 2007, 12-25-96	Предмет, фраг- мент	длина 5,7		XVI в.
4,6	ПРАЭ 2008, 14-23-92	Предмет, фрагмент	длина 5,1		1-я пол. XVI в.
4,7	ПРАЭ 2007, 13-6-408	Предмет, фрагмент	длина 4,2		XVI в.

4,8	ПРАЭ 2006, 10-15-145	Предмет	7,7 x 1,4 x 0,7	Крупное копытное/ компакта ребра	Рубеж XVI–XVII вв.
4,9	ПРАЭ 2008, 16-36-499	Предмет	2,5 x 1,1	свинья домашняя <i>Sus forma domesticus</i> /головка бедренной кости	1-я пол. XVI в.
4,10	ПРАЭ 2006, 10-36-111	Предмет, фрагмент	длина 4,7, диаметр 2,6, отверстие глубиной 2,2, диаметр отверстия 1,1	Семейство Оленых/рог	Рубеж XVI–XVII вв.
4,11	ПРАЭ 2006, 9-6-60	Изделие, фрагмент	высота 2,6, толщина 0,3		Рубеж XVI–XVII вв.
4,12	ПРАЭ 2008, 14-28-17	Поделка, фрагмент	длина 6,0, толщина 0,4	Крупное копытное/ трубчатая кость (лучевая или метаподий)	1-я пол. XVI в.

Литература

Антипина Е.Е., 2006. Результаты определения таксономической принадлежности сырья для костяных изделий из раскопок 2005 г. Переяславля Рязанского // В.И. Завьялов. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2005 г. НА РИАМЗ. № 3858.

Антипина Е.Е., 2007. Результаты определения таксономической принадлежности сырья для костяных изделий из раскопок 2006 г. Переяславля Рязанского // В.И. Завьялов. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2006 г. НА РИАМЗ. № 3899.

Антипина Е.Е., 2008. Результаты определения таксономической принадлежности сырья для костяных изделий из раскопок 2007 г. Переяславля Рязанского // В.И. Завьялов. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2007 г. НА РИАМЗ. № 3955.

Антипина Е.Е., 2009. Результаты определения таксономической принадлежности сырья для костяных изделий из раскопок 2008 г. Переяславля Рязанского // В.И. Завьялов. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2008 г. НА РИАМЗ. № 3992/2.

Археология, 1997. Древняя Русь. Быт и культура. М.

Барышев И.Б., 2001. Костяные резные крестики-тельники из раскопок Переяславля Рязанского// Ставрографический сборник. Кн. 1.

Даль В.И., 2007. Толковый словарь живого великорусского языка. Совмещённая редакция изданий В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ в современном написании. М.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.

Завьялов В.И., 2006. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2005 г. // НА РИАМЗ. № 3858.

- Завьялов В.И., 2007. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2006 г. // НА РИАМЗ. № 3899.
- Завьялов В.И., 2008. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2007 г. // НА РИАМЗ. № 3955.
- Завьялов В.И., 2009. Отчёт об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2008 г. // НА РИАМЗ. № 3992/1, 3992/2.
- Закирова И.А., 1988. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
- Изюмова С.А., 1949. Техника обработки кости в дьяковское время и на Руси // КСИИМК. Вып. 30.
- Кирличников А.Н., 1966. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1–36.
- Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1–36. М.
- Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.
- Поветкин В.И., 1990. Об одной из детских музыкальных забав на Руси // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.
- Подземная охранная зона исторической территории Рязанского кремля, 1995. Рязань.
- Судаков В.В., 1996. Изделия из кости из Переяславля Рязанского // Археологические памятники окского бассейна. Рязань.

О.А. Фатюнина

**ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОЖИ КРЕМЛЯ
г. ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО
XVI–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.**

Кожа являлась распространённым материалом для изготовления самых разнообразных вещей, используемых в повседневной жизни. Анализ изделий из кожи необходим, поскольку позволяет выявить ряд немаловажных деталей, связанных не только с уровнем жизни населения, но и с качеством и особенностями кожевенного производства на исследуемой территории.

В настоящее время ведётся активное изучение данного вида ремесленной деятельности в русских средневековых городах. По его результатам выделяются этапы развития кожевенного дела (*Курбатов*, 2008. С. 472 – 476), реконструируются технологические процессы производства, выясняются вопросы организации ремесла и источников сырьевой базы (*Курбатов*, 2008. С. 210 – 231), приводится описание различных кожаных поделок (*Осипов*, 2008. С. 497 – 498), даётся подробная характеристика деталей обуви (*Валиев*, 2009. С. 112 – 124).

В ходе археологических раскопок в Кремле г. Переяславля Рязанского в 2004–2009 гг. обнаружено более 4400 артефактов из кожи. Высокая влажность культурного слоя способствует хорошей сохранности предметов. Тщательное изучение всех находок, включая многочисленные обрезки обувного изготовления, позволяет проследить виды бытовавшей обуви, профессиональный уровень мастеров.

Кожаные изделия Переяславля Рязанского весьма многообразны. Подавляющее большинство обнаружено в слоях, датируемых по основной массе находок XVI–началом XVII в. Это обувные детали и их фрагменты; заплаты; отходы сапожного производства: обрезки кожи (обрезки первичного раскroя) и деталей обуви (вторичное использование); ножны; ремешки, шнурки (завязки); аппликации; детали рукавиц; фрагменты кошельков; декоративная привеска к конской упряжи; деталь охотниччьего снаряжения для ловчей птицы и многое другое. Процентное соотношение кожаных изделий можно представить в виде нижеследующей таблицы.

Фрагменты обуви	
детали	53,4 %
заплаты	0,54 %
обшивка края	0,4 %
Обрезки	
первичного раскroя	16,4 %
деталей обуви	17,1 %
Другое	
вторичное использование деталей	0,8 %
шнурок	0,07 %
?*	1,1 %
ножны	0,35 %
ремни	0,35 %
деталь конской упряжи	0,02 %
деталь снаряжения для ловчей птицы	0,02 %
рукавица, фрагмент	0,02 %
кошелёк, фрагмент	0,02 %
аппликации	0,07 %
Не определено	
плохая сохранность и фрагментарность	8,9 %
всего	4294 – 100 %

Как видно из таблицы, значительное количество относится к обувным деталям и их фрагментам. При описании и изучении кожаной обуви была применена методика, разработанная Д.О. Осиповым (2006).

Обнаружены многочисленные детали сапог: головки, задники, голенища, подошвы, подкладки. Анализ головок позволяет говорить, что бытовали различные формы края носка и верха (Завьялов, 2008; 2009). Преимущественно это вогнутый носок и выпуклый верх (рис. 1, 1); вогнутый носок и вогнутый верх (рис. 1, 3). Много головок, предположительно датируемых концом XVI в., имеют вогнутый носок и прямой

* Не удалось идентифицировать.

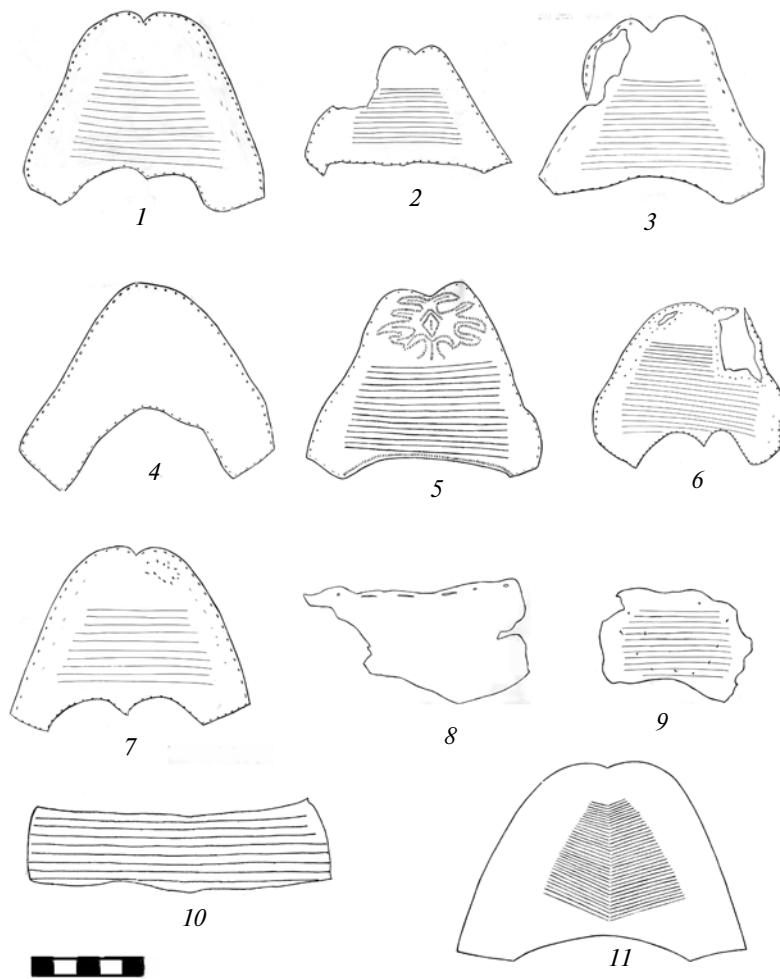

Рис. 1. Детали кожаной обуви:
1-7, 11 – головки сапог; 8 – фрагмент поршия; 9 – заплата;
10 – заготовка для заплаты

верх (рис. 1, 2). Практически все головки орнаментированы. Головки без орнамента единичны (рис. 1, 4). Как правило, головки декорированы тиснением, которое одновременно являлось и технологическим приёмом, предотвращавшим появление складок на сгибе при эксплуатации (рис. 1, 1 – 3, 6 – 7). Интересны детали, которые были расширены

нитями. Вышивка выполнялась в виде растительно-геометрического орнамента. К этому украшению добавлялся и декор маленькими прорезями (рис. 1, 5). Для начала XVI в. характерно линование в виде ёлочки (рис. 1, 11). В более поздних слоях такое украшение отсутствует.

Голенища высотой от 20 – 30 см, двухчастные, с кососрезанным верхом. Однако встречаются и наборные голенища, сшитые из нескольких составных частей. Очень часто на голенищах встречаются круглые вырезы, являвшиеся своеобразным декором (рис. 2, 3), поскольку, по мнению ряда специалистов, туда вшивалась либо ткань, либо кожа другого цвета. Иногда по верхнему краю голенища делались прорези (рис. 2, 3). Нередко для придания более аккуратного вида верху голенища край обшивался кожей. Голенище, как никакая другая деталь обуви, более всего подходит для вторичного применения. Поэтому их находки редки. Так, например, в Москве голенища составляют около 9% деталей кожаной обуви (Осипов, 2006). Тем не менее, в материалах из Переяславля Рязанского встречаются не только фрагменты, но и целые формы голенища.

Задники в основном многослойные: состоят из собственно задника, внутреннего задника и нескольких слоёв кожи, чередующихся с деревянными или берестяными вставками. Всё это придавало заднику прочность, позволяющую держать форму. Такая конструкция скреплялась маленькими гвоздиками, разнообразное расположение которых также украшало обувь. Так, например, гвоздики могли располагаться в виде прямой вертикальной линии, ромба, треугольника, трапеции. Форма задников различна (Завьялов, 2008; 2009). Наиболее распространённая в самом начале XVI в. – заострённый верх и выпуклый низ (рис. 2, 6), в XVI в. – при заострённом верхе низ более ровный. В слоях начала XVI в. появляются весьма низкие задники, составленные из двух частей. Вид декорирования задников в это время менее разнообразный, чем в поздних слоях.

Подкладка представлена поднарядом. Для рассматриваемого периода характерен составной поднаряд. Фрагменты цельнокроенного поднаряда единичны и относятся ко второй половине XVI в. Составные поднаряды двух видов: состоящие из двух и трёх частей. Для начала XVI в. наиболее характерно применение неполного поднаряда, то есть копирующих не всю головку, а лишь места крепления с подошвой.

Подошв большое количество, но они весьма фрагментированы и плохой сохранности. Это объясняется быстрым изнашиванием и не-пригодностью этой детали для починки. Большая часть из них имеет заострённый носок и округлую пятку. В слоях начала XVI в. заметно

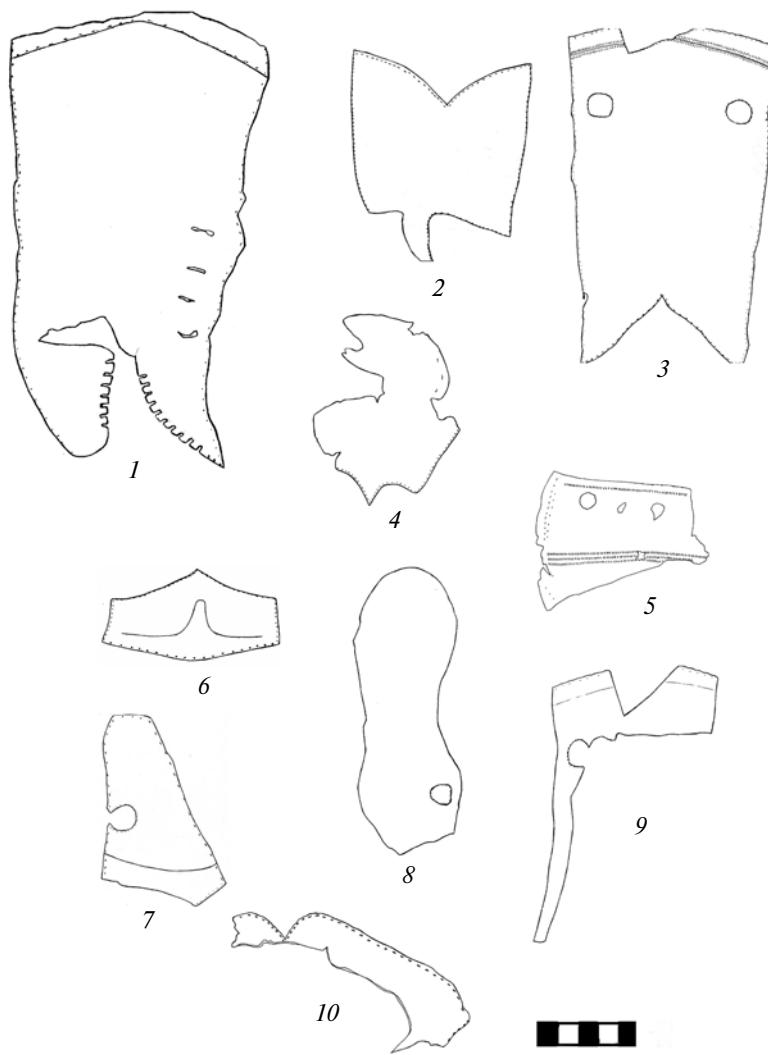

Рис. 2. Детали сапог:
1-5 – голенища; 6 – задник; 7-8 – вторично использованные детали;
9-10 – обрезки деталей обуви

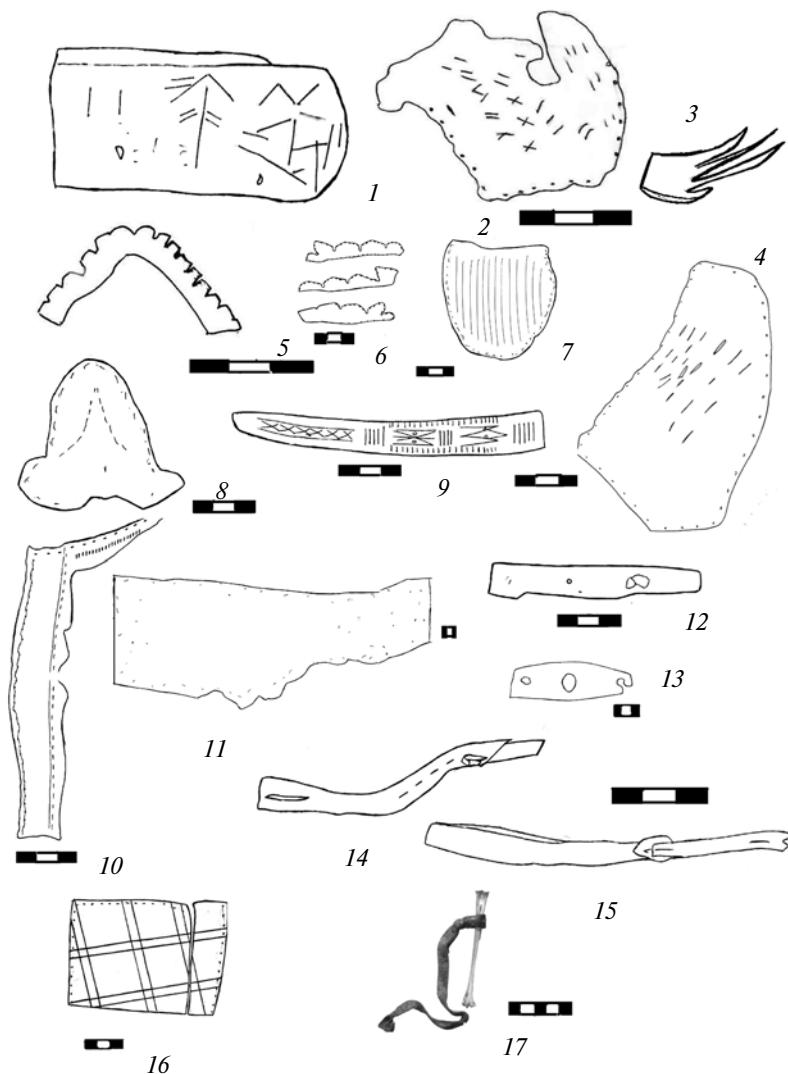

Рис. 3. Кожаные изделия:

1-4 – фрагменты изделий со следами ученичества; 5-16 кожаные изделия

увеличение числа подошв с хорошо сохранившимися носками, подбитыми гвоздиками, расположение которых на носках варьируется. Чаще это прямые ряды гвоздиков, близко расположенных друг к другу в виде ромба или треугольника (рис. 4, 2). Встречаются и ряды гвоздиков лишь по краю носка, в центре же гвоздики расположены в виде креста. Иногда и у пятонной части имелось удлинение, которое загибалось и крепилось на заднике гвоздиками.

Наибольший интерес представляют целиком сохранившиеся формы обуви. Найдки детских сапог подтверждают мнение о том, что сапоги носило всё население: мужчины, женщины, дети. Головки детских сапожек декорированы тиснением; поднаряд как двух-, так и трёхчастный. Иногда поднаряд делался из вторичного сырья. Задники составные, с расположением гвоздиков в виде ромба. Носки подошв загибались вверх, некоторые имеют следы от подшивки гвоздиками. Голенища детских сапог двухчастные, высотой 16 – 17 см. Сохранилась и полная форма мужского сапога.

Что касается других видов обуви, то в слоях начала XVI в. обнаружен фрагмент кожи с прорезями, относящийся, видимо, к поршню (рис. 1, 8). Интересен прямоугольный кусочек кожи с отверстиями, через которые проходил сохранившийся местами кожаный ремешок. Вероятно, это обрезок ещё одного поршня.

Носились и кожаные лапти комбинированного вида, то есть плетёные из лыка, а поверх – из кожи. На ремешки шла кожа вторичного использования, преимущественно от голенищ, о чём свидетельствуют характерные шовные отверстия.

Обнаружено несколько сотен обрезков кожи и обувных деталей (рис. 2, 9 – 10). Найдки обрезков первичного раскroя говорят о на-

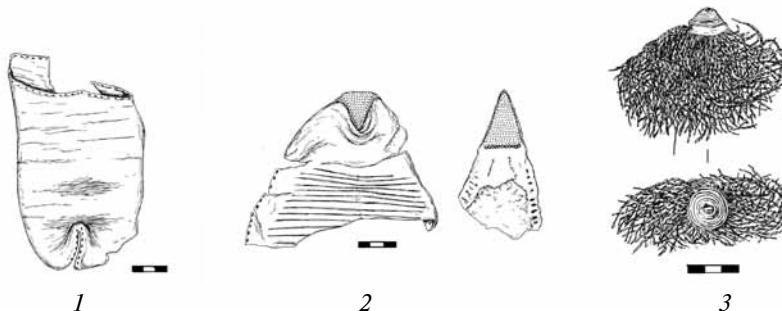

Рис. 4. Реконструкция кожаных изделий
(выполнена Д.А. Ивановым)

личии сапожной мастерской на территории Кремля Переяславля Рязанского. Следует отметить, что в слоях начала XVI в. наблюдается снижение числа данного вида находок.

Приходившие в негодность обувные детали подвергались ремонту. На заплаты, как правило, шла уже бывшая в употреблении кожа. Заготовки заплат делались из головок (рис. 1, 9 – 10). Вторичное использование кожи применялось и при изготовлении новых деталей. Так, например, найдены заготовка подошвы из голенища (рис. 2, 8) и поднаряд из голенища (рис. 2, 7).

Можно предположить, что профессионал-сапожник обучал обувному мастерству подрастающее поколение. Обнаружены поднаряд (рис. 3, 4) и его фрагменты (рис. 3, 2), имеющие ряд прорезей и отверстий, кожа, порезанная тонкими полосами (рис. 3, 4). Прорези, расположенные хаотично, нанесены острым режущим предметом. Назначение похожих находок А.В. Курбатов определяет как свидетельство наличия ремесленного ученичества: «...для обучения подмастерьев раскрою прямых и фигурных заготовок или точному выполнению прорезей и наколов под орнамент» (Курбатов, 2003. С. 172).

Примечательны три предмета, которые можно обозначить как аппликации. Их длина 8,5 – 9 см, ширина 1,5 – 2 см. Один из краёв ровный, другой – волнистой формы. Изделия практически по всем краям имеют следы тачного шва. Скорее всего, они нашивались на какие-либо детали в качестве украшения (рис. 3, 6).

Обнаружено большое количество кожаных ножен. Более половины ножен орнаментировано. Декор представляет собой разнообразное пересечение линий, наличие прорезей (рис. 3, 9). В прорези мог вставляться ремешок, при помощи которого ножны крепились к поясу. Присутствуют ножны из плохо продублённой кожи, со следами неровных шовных отверстий по краю, что может свидетельствовать об их изготовлении не специалистом.

Из кожи делались самые разнообразные завязки, шнурки, узлы, петли (рис. 3, 4 – 5). Вероятно, такие изделия использовались в качестве застёжек и завязок.

Фрагмент длиной 35 см, имеющий с одного края большое количество отверстий, можно обозначить как ремень-пояс. Вдоль всего ремня, по его центру, проходит орнамент из сплошных прямых линий.

Квадратный кусочек кожи размерами 6,5 см х 7 см. С двух смежных сторон имеются следы от тачного шва. На мездре отчётливо видны пересекающиеся линии. Найден ещё один фрагмент, составлявший с вышеописанным одно целое: на нём такие же линии и край

имеет следы от шва. Таким образом, первоначально это был предмет размерами 6,5 см х 9 см, сшитый или нашитый по трём сторонам (рис. 3, 16), с обрезанным верхним краем, но впоследствии разрезанный. Определить его предназначение проблематично.

Нельзя однозначно идентифицировать и ещё одно изделие квадратной формы. По всему краю есть следы от аккуратно выполненных швов. В верхней части детали имеется три ровных отверстия. Предположительно, это фрагмент кошелька. Ещё один вероятный фрагмент кошелька имеет размеры 10,5 х 10,5 см, со следами неравномерно расположенных швовых отверстий по краям (рис. 3, 7). Предмет был изготовлен из головки, поскольку имеются следы тиснения.

Интересна и поделка длиной 9 см, шириной 1 – 1,5 см. Сохранились гвоздики, которыми изделие на что-то крепилось (рис. 3, 12).

Одну находку можно отнести к детали рукавицы (рис. 3, 8). Вероятно, это фрагмент пальца. Размеры 7 х 8 см. По краям имеются следы от шва.

Изделие, условно обозначенное как декоративная деталь конской упряжи, имеет следующий вид. Кусок кожи порезан на тонкие полосы шириной менее 0,1 мм. Эти полосы переплетены между собой по две. Их длина 6,5 – 7,5 см. По верху кожа скручена по оси (рис. 4, 3).

Необычайно интересна находка кожаного ремешка с прикреплённой к нему косточкой (рис. 3, 17)¹. В результате палеозоологического анализа (Завьялов, 2008) определено, что кость принадлежит самцу ястреба-перепелятника. Таким образом, перед нами деталь снаряжения ловчей птицы, свидетельствующая о занятиях жителей усадьбы аристократическим видом охоты. Детали снаряжения, использовавшегося для охоты с ловчими птицами, встречаются в русских средневековых городах. Например, Д.О. Осипов приводит описание кожаного клубочка – наглазника для ловчей птицы, изготовленного в виде шапочки (Осипов, 2008. С. 497 – 498).

Предмет длиной 33 см, шириной 9,5 см, с другого края шириной несколько уже – 6 см. По краям следы хаотично расположенных швов. Кожа твёрдая, толщина 2 мм. Определить предназначение проблематично (рис. 3, 11).

Достаточно много изделий, предназначение которых определить невозможно (рис. 3, 5, 10, 13).

Таким образом, подводя итог анализу изделий из Переяславля Рязанского, можно отметить следующее. Профессиональное выполнение бытовых предметов указывает на высокий уровень кожевен-

¹ См. статью В.М. Фёдорова в настоящем сборнике.

ного ремесла. Наличие сапожной мастерской на вскрытой территории подтверждают многочисленные обрезки обувного производства. Кроме того, судя по некоторым предметам, можно предполагать, что велось обучение сапожному делу.

На территории Переяславля Рязанского носились различные виды обуви – кожаные лапти, поршни. Но самой распространённой обувью были сапоги.

Существовали различные формы края отдельных деталей сапог и виды их украшения, которые изменялись с течением времени. Для головок начала XVI в. характерно декорирование в виде ёлочки и широкое применение неполного поднаряда. Задники – более низкие и часто изготовленные не из цельного куска кожи, как в XVI в., а сшитые из нескольких частей. Декор задников менее разнообразный по сравнению с более поздним временем. В XVI в. наблюдается увеличение количества подошв с хорошо сохранившимися загнутыми вверх носками, подбитыми гвоздиками.

Кожаные изделия Переяславля Рязанского требуют дальнейшего изучения для выявления отдельных характерных черт, способствующих датировке обнаруживаемых вещей. Привлечение находок последующих раскопок, а также переосмысление данных об уже исследованных предметах позволит это осуществить.

Литература

- Валиев Р.Р.*, 2009. Кожевенное дело Ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.) // РА. № 1.
- Завьялов В.И.*, 2008. Отчёт об археологических исследованиях Кремля Переяславля Рязанского в 2007 г. // НА РИАМЗ. № 3955.
- Завьялов В.И.*, 2009. Отчёт об археологических исследованиях Кремля Переяславля Рязанского в 2008 г. // НА РИАМЗ. № 3992.
- Курбатов А.В.*, 2003. «Меры сапожные» и проблематика ремесленного ученичества // Археологические вести. № 10. СПб.
- Курбатов А.В.*, 2008. Этапы технического совершенствования в кожевенном деле средневековой России // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. М.
- Курбатов А.В.*, 2008. О внерегиональном распространении комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки Института истории материальной культуры РАН. № 3. СПб.
- Осипов Д.О.*, 2006. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М.
- Осипов Д.О.*, 2008. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. М.

А.А.Карпухин, Л.Н. Соловьёва

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕНДРОАНАЛИЗА
ОБРАЗЦОВ ДРЕВЕСИНЫ ИЗ ЖИТНОГО РАСКОПА
В ПЕРЕЯСЛАВЛЕ РЯЗАНСКОМ**

Дендрохронология как естественнонаучный метод, имеющий предметом своего изучения образцы древесины, опирается на биологические законы роста древесных растений. Своего рода «отправной точкой» является прирост древесины, происходящий ежегодно за вегетационный период по внешнему слою, охватывающему всё дерево. Так называемые годичные кольца отчётливо видны на поперечном срезе древесного ствола. За один вегетационный период обычно образуется одно годичное кольцо.

Ширина годичного слоя зависит от многих внутренних (биологических) и внешних (метеорологических и экологических) причин, которые способствуют или тормозят развитие и рост растения. Внешние факторы отличаются большим многообразием, однако доминирующими среди них являются метеорологические условия, в основном осадки и температура. При благоприятных условиях роста образуются, как правило, широкие годичные кольца, а при неблагоприятных, соответственно, узкие.

Сравнивая ширину годичного кольца конкретного дерева с предыдущими и последующими слоями этого же дерева, можно судить о благоприятных или неблагоприятных условиях его роста в тот или иной год. А поскольку метеорологические факторы действуют на значительных площадях, то у различных деревьев, произрастающих в одно и то же время, интенсивность колебаний годичных колец будет, в общих чертах, совпадать. Соответственно, имея эталонные образцы древесины, время роста которых известно, путём сравнения динамики погодичного прироста могут быть датированы и новые образцы.

Для решения большинства дендрохронологических и дендроклиматических исследовательских задач часто бывает необходимо исключить результаты воздействия биологических причин на ширину радиального прироста. Одним из наиболее ярко выраженных внутренних факторов является т. н. «фактор возраста». Дело в том, что в первые годы жизни дерево, как правило, развивается очень интенсивно, затем наступает замедление роста по достижении спелости, последующий очень медленный рост, а впоследствии и отмирание старых деревьев. Все эти жизненные циклы дерева, естествен-

но, отражаются на динамике колебаний ширины годичных колец. В дендрохронологических и дендроклиматических исследованиях для исключения фактора возраста и выявления влияния климатических факторов, а также для приведения данных к сопоставимому виду часто применяется широкий спектр методов и приёмов.

Сопоставляемые образцы древесины должны соответствовать трём основным условиям: 1) принадлежать одной древесной породе, 2) происходить из климатически однородного района, 2) обрабатываться по единой методике стандартизации погодичного прироста (Черных, 1996. С. 41).

Методики дендрохронологических и дендроклиматических исследований довольно разнообразны, однако все они, как правило, сводятся к сопоставлению временных рядов, отражающих динамику погодичного прироста отдельных древесных стволов, между собой. Наиболее простым и наглядным является метод сопоставления графиков прироста, отражающих замеры ширины годичных колец конкретных образцов. В настоящее время широко применяются специализированные пакеты компьютерных программ (<http://www.rinntech.com/Products/index.htm>; <http://www.ltrr.arizona.edu/pub/dpl/>).

Коллекция образцов древесины, отобранных при археологических исследованиях 2006–2008 гг. на Житном раскопе в Переяславле Рязанском, представленных полноценными поперечными спилами с брёвен построек, насчитывает 54 образца. 11 образцов относятся к лиственным породам (дуб, вяз, ольха), которые были исключены из дальнейшей обработки в связи с отсутствием по ним дендрохронологических шкал для европейской части России, а все остальные – к хвойным.

Относительное, а затем и абсолютное, датирование проводилось при помощи компьютерной программы TSAP-Win Professional Version 0.55 (Copyright © 2002-2005 Frank Rinn, Heidelberg).

На первом этапе предпринимались попытки построения относительной хронологии, заключавшиеся в сопоставлении временных рядов годичных колец образцов отдельных сооружений. Основным критерием правильно выполненной синхронизации служил показатель индекса перекрёстного датирования (Cross Date Index (CDI)), рассчитанный программой для каждой возможной пары образцов (табл. 1). Абсолютные даты, составленные последовательности годичных колец получали путём перекрёстного датирования с имеющимися в нашем распоряжении дендроэталонами из других регионов.

Parameter	Equation	Explanation
Gleichlaeufigkeit	$Glk = \sum (y_{ij} - x_{ij}) \text{ in \%}$	Sum of the equal slope intervals in %
Signature Gleichlaeufigkeit (SGlk.)		Sum of the equal slope intervals in %, calculated referring to chronology signature years only
Standard Signature Gleichlaeufigkeit (_SGlk)	$SGlk = \sum (y_{ij} - x_{ij}) \text{ in \%}$	Sample= Sample series Reference= Chronology
Signature Standard-Gleichlaeufigkeit (S_Glk)		Sample= Chronology Reference= Sample series
Signature-Signature Gleichlaeufigkeit (SSGlk)		Sample= Chronology Reference= Chronology
Cross correlation (CC)	$CC = \frac{\sum (s_i - \bar{s})(r_i - \bar{r})}{\sqrt{\sum (s_i - \bar{s})^2 \sum (r_i - \bar{r})^2}}$	Standard cross-correlation, range: -1...1
T-Value		Standard_t-value
t-value Baillie-Pilcher (TV BP)	$t = \frac{CC * \sqrt{n-2}}{\sqrt{(1-CC)^2}}$	t-value after detrending with moving average with bandwidth = 5 and logarithm to base e (BAILLIE and PILCHER 1973), max=100
t-value Hollstein (TV H)		t-value after detrending with the Wuchs Wert (HOLLSTEIN 1980), max=100 $w_i = \log \frac{y_i}{y_{i-1}}$
Cross Date Index (CDI)	$CDI = \frac{(G - 50 + 50 * \sqrt{\frac{\text{overlap}}{\max \text{overlap}}}) * T}{10}$ $G = \frac{Glk + SGlk + S_Glk + SSGlk}{n}$ $T = \frac{TVBP + TVH}{2}$ (n = number of operators in the numerator)	Date index, combined from t-values and Gleichlaeufigkeit, max=1.000

Таблица 1. Формулы статистических коэффициентов по Rinn F. 2002 – 2005.

TSAP-Win Trial Version 0.53 User Reference. 2002-2005 // http://www.rinntech.com/Products/TSAPWin_brochure.pdf. Коэффициент Gkl аналогичен используемому дендрохронологами т. н. показателю сходства, или сходных интервалов, Сх (Колчин Б.А., Битвинская Т.Т., 1972, С. 88; Битвинская Т.Т., 1974, С. 64; Колчин Б.А., Черных Н.Б., 1977, с. 22)

Результаты исследования образцов сезона 2006 г. В ходе дендрохронологического изучения спилов удалось установить, что внешние сохранившиеся годичные кольца двух образцов (№№ 1, 2), отобранных с подкладок под северо-восточный и северо-западный углы постройки № 2, образовались в один календарный год (Glk=85, CC=92, CDI=81).

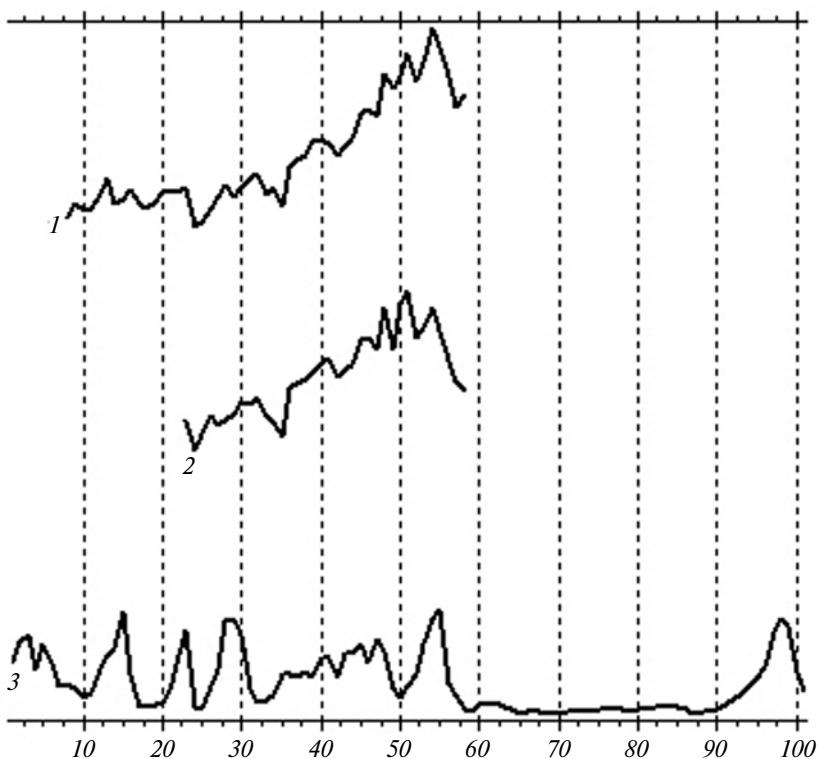

Рис. 1. Синхронизированные между собой полулогарифмические графики годичного прироста образцов № 1-3 из раскопок 2006 г

Их возраст 50 и 36 лет соответственно. При сравнении третьего спила, взятого с лаги мостовой, возраста которого оказался равен 100 календарным годам, с образцом № 1 наибольшее значение CDI было получено для такого взаимного положения графиков погодичного прироста, при котором последнее годичное кольцо образца № 3 образовалось на 43 года позже, чем аналогичное кольцо образца № 1 ($Glk=61$, $CC=28$, $CDI=21$). Наибольшие значения CDI при синхронизации кривых роста образцов № 3 и № 2 были получены для следующих позиций последнего годичного кольца образца № 3 относительно № 2:

- 1) -1 год ($Glk=73$, $CC=62$, $CDI=17$)
- 2) +43 года ($Glk=56$, $CC=26$, $CDI=16$)

Что касается высокого показателя статистических коэффициентов, полученных для позиции последнего годичного кольца образца

№ 3 относительно № 2 -1 год, то, по-видимому, этим можно пре-небречь, т. к. небольшой возраст образца № 2 (36 лет) не позволяет рассматривать полученные статистические результаты как в полной мере корректные. Таким образом, учитывая полученные результаты синхронизации образцов № 3 и № 1 и то, что образцы № 1 и № 2 были срублены в один год, наиболее вероятным вариантом относительной датировки исследованных образцов представляется тот, при котором последнее годичное кольцо образца № 3 на 43 года моложе внешних годичных колец образцов № 1 и № 2 (рис. 1).

Следующим этапом работ стало абсолютное датирование построенной относительной хронологии. Поскольку образец № 3 имеет наибольший возраст (100 лет), то он был выбран в качестве базового для всей исследуемой выборки. Основной сложностью при попытке датирования переяславских материалов явилось отсутствие в нашем распоряжении абсолютно датированных дендроэталонов из этого региона, относящихся к данному времени (вторая половина XVI в., согласно археологическим данным). В связи с этим были привлечены многолетние кривые погодичного прироста образцов древесины из Твери (Кремль, раскоп 11, 1994 г., участок 3, лага фундамента, образец № 30) (*Черных, Карпухин, 2004. С. 72, рис. 3, 3*) и Кирилло-Белозерского монастыря (образцы режи в основании оборонительной стены, шурф 5 1999 г.) (*Черных, Карпухин, 2005. С. 77 – 79, рис. 6, 1 – 3*), а также образцы наброса брёвен из шурфа 3 1995 г. (*Черных, Карпухин, 2006. С. 152 – 153, рис. 4, 5, 2*), охватывающие отрезок XVI–20 гг. XVII в.

С помощью программы TSAP-Win Trial Version 0.55 образец № 3 из Переяславля Рязанского поэтапно сравнивался с каждым из указанных эталонов с расчётом значений статистических коэффициентов. Из всех предложенных программой вариантов датировок были отобраны те, для которых значения CDI составляли не менее 10 и расчётные даты которых находились в диапазоне 1550–1630 гг. (табл. 2).

После выделения дат, полученных более одного раза (см. табл. 2), для каждого случая выполнялись дополнительные расчёты показателя CDI с привлечением образцов №№ 1, 2 и вычислялись суммы индексов для каждой вероятной даты. При этом предполагалось, что относительная датировка образцов из Переяславля верна, т. е. разница между последними годичными кольцами образцов №№ 1, 2 и № 3 составляет +43 года. Результаты вычислений для тех 5 вариантов датировок, суммарное значение индексов которых оказалось наибольшим, приведены в таблицах 3 – 7.

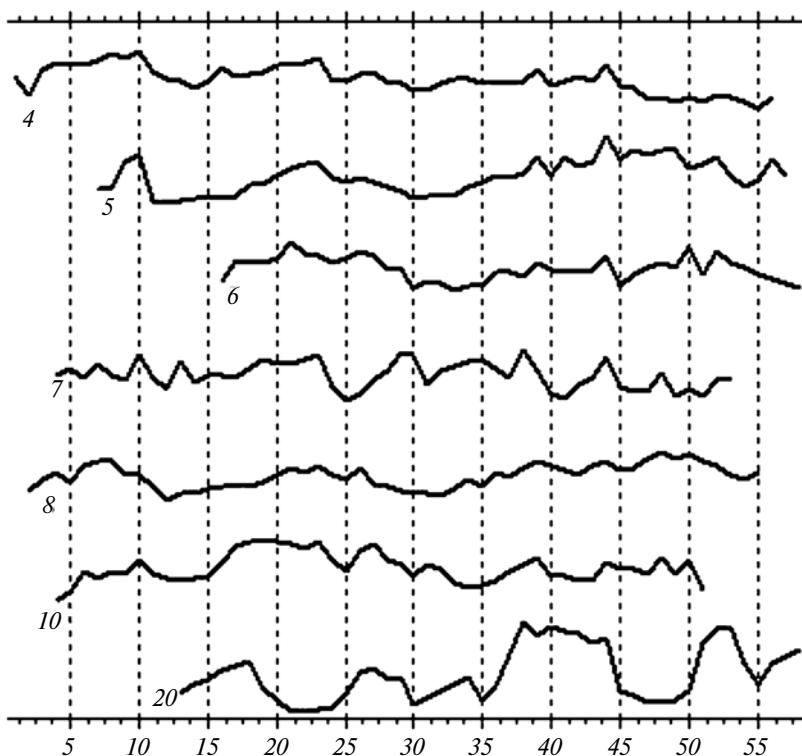

Рис. 2. Синхронизированные между собой полулогарифмические графики годичного прироста образцов сооружения № 5 (2007 г.).

Здесь и далее номера образцов даны в соответствии с полевыми описями для каждого года раскопок (см. табл. 10)

Таким образом, если опираться на полученные суммарные значения CDI, наиболее вероятным нам представляется следующий вариант датировки последних сохранившихся годичных колец изученных образцов: №№ 1, 2 – 1547 г., № 3 – 1590 г.

Результаты исследования образцов сезона 2007 г. Отобранные спилы древесины хвойных пород отличаются сравнительно небольшим биологическим возрастом (до 100 лет).

Полулогарифмические графики погодичного прироста семи образцов сооружения № 5 удалось синхронизировать между собой (рис. 2). Несмотря на низкие значения статистических коэффициентов, полученные для отдельных пар образцов (табл. 8, значения $G_{lk} < 50$ и

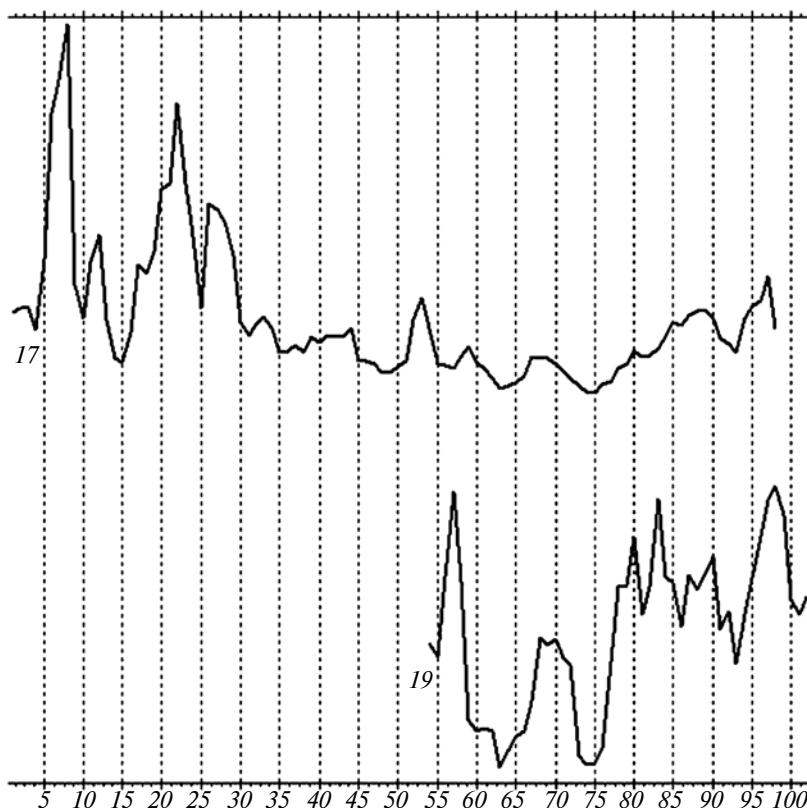

Рис. 3. Синхронизированные между собой полулогарифмические графики по годичного прироста образцов сооружения № 6 (2007 г.)

отрицательные показатели СС), в целом, принимая во внимание принадлежность образцов к одной конструкции, выполненную синхронизацию, по-видимому, можно считать верной. Разброс относительных дат последних сохранившихся годичных колец составил 7 лет.

Для сооружения № 6, представленного тремя образцами, были составлены графики прироста только двух спилов т. к. третий отличался крайне небольшим (23 года) возрастом. Результаты выполненной синхронизации (рис. 3) подтверждаются приемлемыми статистическими коэффициентами ($Glk=67$, $CC=69$, $CDI=18$). Разница между относительными датами последних годичных колец составила 4 года.

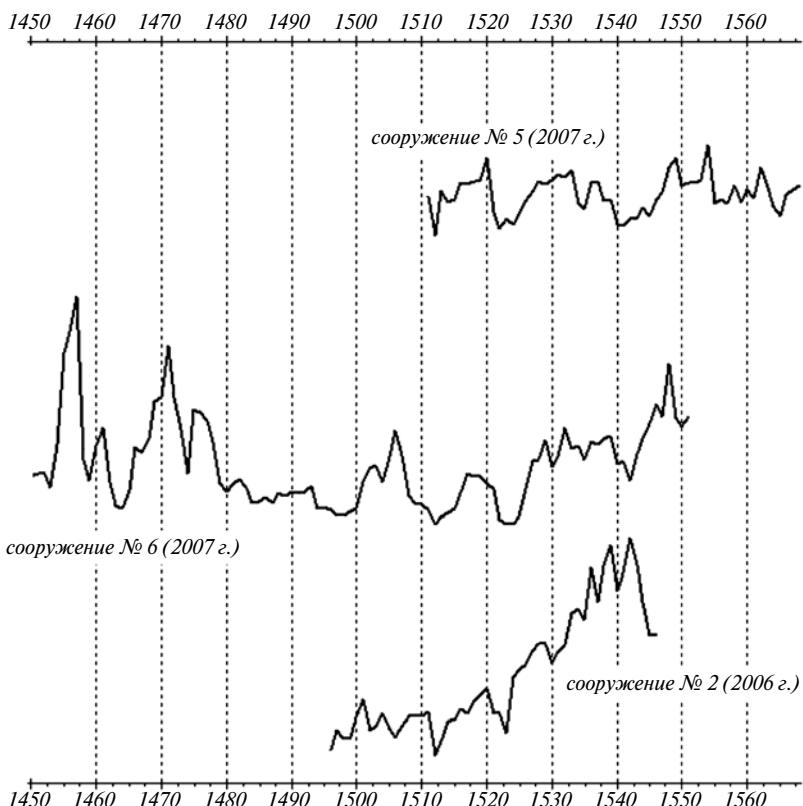

Рис. 4. Синхронизированные между собой усредненные полулогарифмические графики погодичного прироста образцов сооружений № 2 (2006 г.), № 5 и № 6 (2007 г.)

Следующим этапом работ стала попытка сравнения хронологий этих двух сооружений. Для этого по образцам каждой конструкции были составлены усреднённые кривые погодичного прироста, которые в дальнейшем сопоставлялись между собой. Самые высокие значения статистических коэффициентов, полученные при этом ($Glk=58$, $CC=46$, $CDI=18$), были отмечены для такого взаимного расположения усредненных графиков, при котором последнее годичное кольцо образца сооружения № 5 с наиболее поздней относительной датой оказалось на 17 лет позже аналогичного для сооружения № 6.

Для абсолютного датирования составленных последовательностей годичных колец нами была также использована усреднённая

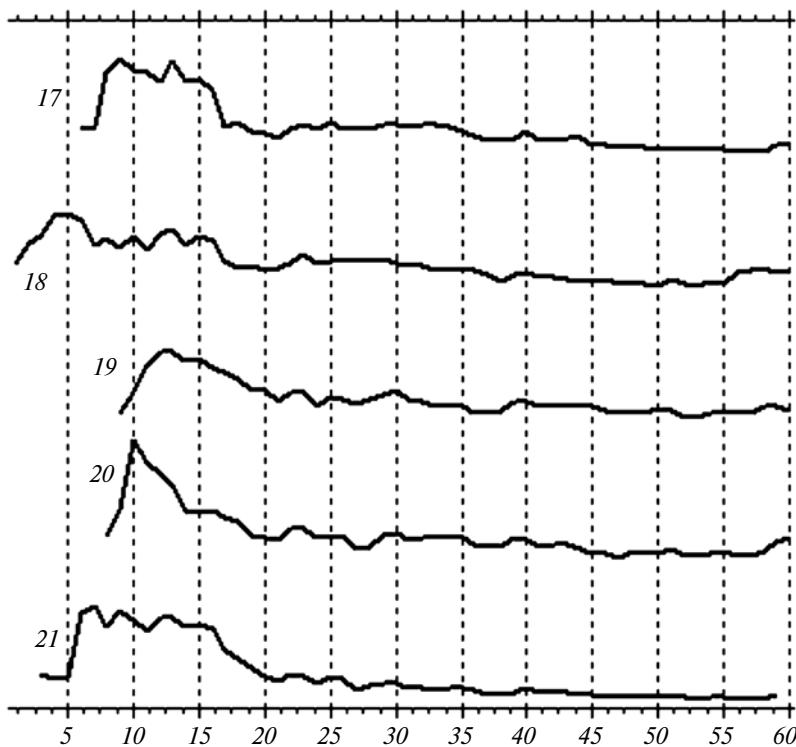

Рис. 5. Синхронизированные между собой полулогарифмические графики погодичного прироста образцов сооружения № 11 (2008 г.).

кривая образцов древесины сооружения № 2 из раскопа 2006 г., согласно археологическим данным, близкой по времени сооружениям № 5 и № 6. При этом за её дату был принят 1547 г.

Наиболее приемлемым, с точки зрения полученных значений статистических коэффициентов, вариантом синхронизации усреднённых графиков погодичного прироста двух сооружений из раскопа 2007 г. с материалами сооружения № 2 (2006 г.) на данном этапе исследований представляется тот (рис. 4), при котором последние годичные кольца наиболее поздних образцов являются 1568 (сооружение 5, Glk=68, CC=-4, CDI=21) и 1551 (сооружение № 6, Glk=58, CC=63, CDI=7) гг.

Результаты исследования образцов сезона 2008 г. В 2008 г. на раскопе был отобран 21 образец. Все спили были сделаны с древесных

Рис. 6. Синхронизированные между собой полулогарифмические графики погодичного прироста образцов сооружения № 12 (2008 г.)

стволов хвойных пород, которые отличаются сравнительно небольшим биологическим возрастом (до 60 лет).

По материалам двух сооружений (№№ 7, 9) составить чётко синхронизированных последовательностей годичных колец не удалось из-за небольшого биологического возраста большинства образцов. Три из десяти спилов, возрастом чуть более 50 лет (два из сооружения № 7 и один из сооружения № 9), не удалось синхронизировать между собой, что связано, по-видимому, с индивидуальностью динамики погодичного прироста древесины. Оба эти факта позволяют, с некоторой долей осторожности, предположить использование «случайной» древесины при строительстве этих двух сооружений (вторичное использование или отсутствие целенаправленной рубки леса для конкретного строительства).

Полулогарифмические графики погодичного прироста пяти образцов сооружения № 11 удалось синхронизировать между собой (рис. 5) с хорошими показателями статистических коэффициентов (табл. 9). Четыре древесных ствола (№№ 17 – 20) были срублены в один год, а ещё один (№ 21) годом ранее.

Два образца сооружения № 12 синхронизируются между собой несколько хуже (рис. 6), хотя и демонстрируют приемлемые значения статистических коэффициентов ($Gkl=68$, $CC=12$, $CDI=11$). Разница между датами внешних сохранившихся годичных колец образцов составила 1 год.

Попытка перекрёстного датирования образцов этих двух сооружений между собой и с абсолютно датированными материалами как из раскопов предыдущих лет в Переяславле Рязанском, так и с ранее привлекавшимися нами дендроэталонами положительного результата не дала.

В заключение необходимо особо подчеркнуть, что в связи с отсутствием абсолютно датированных дендроматериалов данного региона для перекрёстного датирования нами использовались эталоны с достаточно удалённых территорий. Таким образом, настоящие результаты абсолютной датировки образцов стоит рассматривать как предварительные. Для их уточнения и проверки крайне желательно значительное увеличение выборки образцов древесины из Переяславля Рязанского и привлечение новых абсолютно датированных фоновых материалов.

Литература

- Битвинская Т.Т., 1974. Дендроклиматические исследования. М.
Колчин Б.А., Битвинская Т.Т., 1972. Современные проблемы дендрохронологии // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.
Колчин Б.А., Черных Н.Б., 1977. Дендрохронология Восточной Европы. М.
Черных Н.Б., 1996. Дендрохронология и археология. М.
Черных Н.Б., Карпухин А.А., 2004. Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XI–начала XX вв. // РА. № 3.
Черных Н.Б., Карпухин А.А., 2005. Строительство каменных оборонительных сооружений «Старого города» Кирилло-Белозерского монастыря по данным дендроанализа // Археология и естественнонаучные методы. М.
Черных Н.Б., Карпухин А.А., 2006. Застройка «Старого города» Кирилло-Белозерского монастыря по данным дендроанализа (Успенский монастырь) // РА. № 2.

Таблица 2. Результаты расчётов датировок образца № 3 по эталонным образцам (одинаковым цветом и шрифтом выделены даты с относительно высоким показателем CDI, полученные по нескольким образцам одновременно)

Тверь		Кирилло-Белозерский монастырь									
Образец № 30	Образец № 19	Образец № 20		Образец № 21		Образец № 3		Образец № 4			
CDI	God	CDI	God	CDI	God	CDI	God	CDI	God	CDI	God
17	1617	11	1620	17	1616	16	1624	14	1565	16	1630
11	1589	10	1616	16	1615	13	1599	13	1598	16	1619
		10	1598	12	1588	13	1591	12	1591	16	1590
		10	1591	10	1627	11	1592	11	1629	11	1622
		10	1590	10	1620	11	1550	11	1590	16	1617
		10	1588	10	1591	10	1615	10	1584	10	1603
		10	1581	10	1584	10	1557				
				10	1550						

Таблица 3. Результаты вычислений значений CDI при дате последнего годичного кольца образца № 3 1617 г.

	Образец № 1 (1574 г.)	Образец № 2 (1574 г.)	Образец № 3 (1617 г.)
по образцу	CDI	CDI	CDI
№ 30	2	5	17
№ 19	3	5	4
№ 20	17	2	3
№ 21	5	6	1
№ 3	17	12	5
№ 4	11	4	10
SUM CDI		129	

Таблица 4. Результаты вычислений значений CDI при дате последнего годичного кольца образца № 3 1590 г.

	Образец № 1 (1547 г.)	Образец № 2 (1547 г.)	Образец № 3 (1590 г.)
по образцу	CDI	CDI	CDI
№ 30	4	3	4
№ 19	7	4	10
№ 20	2	1	6
№ 21	4	7	1
№ 3	7	9	11
№ 4	17	9	16
SUM CDI		122	

Таблица 5. Результаты вычислений значений CDI при дате последнего годичного кольца образца № 3 1598 г.

	Образец № 1 (1555 г.)	Образец № 2 (1555 г.)	Образец № 3 (1598 г.)
по образцу	CDI	CDI	CDI
№ 30	5	8	8
№ 19	8	9	10
№ 20	6	4	2
№ 21	10	3	4
№ 3	4	0	13
№ 4	5	5	3
SUM CDI		107	

Таблица 6. Результаты вычислений значений CDI при дате последнего годичного кольца образца № 3 1588 г.

	Образец № 1 (1545 г.)	Образец № 2 (1545 г.)	Образец № 3 (1588 г.)
по образцу	CDI	CDI	CDI
№ 30	3	2	2
№ 19	2	4	10
№ 20	2	4	12
№ 21	4	12	4
№ 3	5	12	9
№ 4	8	3	9
SUM CDI	107		

Таблица 7. Результаты вычислений значений CDI при дате последнего годичного кольца образца № 3 1588 г.

	Образец № 1 (1572 г.)	Образец № 2 (1572 г.)	Образец № 3 (1615 г.)
по образцу	CDI	CDI	CDI
№ 30	7	3	6
№ 19	4	4	6
№ 20	2	3	16
№ 21	2	3	10
№ 3	3	5	8
№ 4	8	7	5
SUM CDI	102		

Таблица 8. Значения статистических коэффициентов, полученные при относительной датировке образцов сооружения № 5 (раскоп 2007 г.). Расчетные формулы приведены в табл. 1

Образец	№ 4			№ 5			№ 6			№ 7			№ 8			№ 10		
	Gik	CC%	CDI	Gik	CC%	CDI												
№ 5	63	-6	15															
№ 6	62	29	13	65	35	21												
№ 7	73	43	28	49	-50	11	44	-16	10									
№ 8	71	-1	18	70	80	18	76	47	17	63	-22	13						
№ 10	67	23	16	65	13	15	62	70	15	61	20	12	70	42	12			
№ 20	67	-7	17	73	61	9	71	63	17	62	24	12	65	41	17	72	40	9

Таблица 9. Значения статистических коэффициентов, полученные при относительной датировке образцов сооружения № 11 (раскоп 2008 г.)

Образец	№ 17			№ 18			№ 19			№ 20		
	Gik	% CC	CDI									
№ 18	69	80	20									
№ 19	72	77	12	67	82	14						
№ 20	75	85	24	67	80	15	67	75	27			
№ 21	76	86	19	67	74	5	70	82	14	80	86	41

Таблица 10.

№	Год	№ по описи	Пласт	Квадрат	Конструкция	Деталь	Возраст	Год последнего колыча
1	2006	1	10		Постройка №2	Подкладка под с-в угол	51	1547
2	2006	2	10		Постройка №2	Подкладка под с-з угол	36	1547
3	2006	3	10		Мостовая	Лага	101	1590
4	2006	4	10		Postroika №2	?		listvennoe
5	2007	1	гл. -185		Сооружение № 2	Нижне бревно, спил №1		ольха
6	2007	2		6	Сооружение № 5	Пол, спил №2	24	н.д.
7	2007	3	пл. 10		Сооружение № 5	Ю-В стена, спил №3	53	дуб
8	2007	4			Сооружение № 5	С-В стена	56	1566
9	2007	5		6	Сооружение № 5	Пол	51	1567

10	2007	6		6	Сооружение № 5	Пол	43	1578
11	2007	7		6	Сооружение № 5	Пол	50	1563
12	2007	8		6	Сооружение № 5	Пол, спил № 8	54	1565
13	2007	9		6	Сооружение № 5	Пол, спил № 9	39	дуб
14	2007	10		6	Сооружение № 5	Пол, спил № 10	48	1561
15	2007	11	пл. 11	39		Восточное бревно опечка	88	дуб
16	2007	12	пл. 11	39		Зап. бревно под опечкой в кв. 39		дуб
17	2007	13	пл. 10	31	Сооружение № 4	Северное бревно, спил № 13	37	н.д.
18	2007	14	пл. 10-11(-200)	27		Западное бревно	68	дуб
19	2007	15	пл. 11(-208)	27		Восточное бревно		дуб

20	2007	16	пл. 11(-210)	26		Южное бревно	71	дуб
21	2007	17	пл. -234	7	Сооружение № 6	Южная подкладка, вост. стена	97	1547
22	2007	18	пл. -233	2	Сооружение № 6	Второй венец сверху, южная стена	23	Н.Д.
23	2007	19	пл. -223	11	Сооружение № 6	Верхнее бревно, северная стена	49	1552
24	2007	20			Сооружение № 5	Восточное бревно	46	1568
25	2007	21		24	Ряд забора	Восточное бревно		вяз
26	2007	22		24	Ряд забора	Западное бревно		вяз
27	2007	23		20		Восточная стенка сруба	37	Н.Д.
28	2007	24	пл. -231	11		Подкладка под восточную стену	94	Н.Д.

29	2007	25	пл. 11-12		Столб восточной вереи	38	Н.Д.
30	2007	26		24	Бревно	28	Н.Д.
31	2007	27	гл. -233	12	Подкладка под восточную стену	98	Н.Д.
32	2007	28	гл. -217	11	Бревно к северу от сооружения	71	Н.Д.
33	2007	29	гл. -230	7	Отдельное бревно	56	Н.Д.
34	2008	1	пл. 14-15 (пл.13?)	15	Сооружение №7	Северная стена	55
35	2008	2	пл. 14-32	32	Сооружение №9	Северное бревно фундаментной площадки	37
36	2008	3	пл. 14-32	32	Сооружение №9	Северная стена	40
							Н.Д.

37	2008	4	пл. 14-29	29	Сооружение №9	Южное бревно фундаментной площадки	40	Н.Л.
38	2008	5	пл. 14-28	28	Сооружение №9	Нижнее бревно внутренней стены	27	Н.Л.
39	2008	6	пл. 14-24	24	Сооружение №9	Ю-З бревно (отдельно лежашее) фундаментной площадки	58	Н.Л.
40	2008	7	пл. 14-34		Сооружение №9	Нижний венец восточной стены	утрачен	Н.Л.
41	2008	8	пл. 14-23	23	Сооружение №9	Западное бревно фундаментной площадки	32	Н.Л.
42	2008	9	пл. 14-38		Сооружение №9	Подкладка под восточное бревно	утрачен	Н.Л.

43	2008	10	пл. гл.-266	14-20, 20		Бревно	28	н.д.
44	2008	11	пл. 14-20	Сооружение №7	Подкладка под северо- восточный угол			
45	2008	12	пл. гл.-268	14-23, 23	Бревно с вырубом	утрачен	н.д.	
46	2008	13	пл. 15-28	28	Сооружение №12	Бревно восточной стены	34	н.д.
47	2008	14	пл. 15-28	28	Сооружение №12	Бревно западной стены	42	N+1
48	2008	15			Сооружение №7		50	N
49	2008	16	пл. 15-40	40		Подкладка под северную стену	56	н.д.
50	2008	17			Сооружение №11	Бревно	39	н.д.
						Верхнее бревно восточной стены	55	M+1

51	2008	18		Сооружение №11	Бревно западной стены	60	M+1
52	2008	19		Сооружение №11	Нижнее бревно восточной стены	52	M+1
53	2008	20		Сооружение №11	Бревно северной стены	53	M+1
54	2008	21		Сооружение №11	Бревно южной стены	57	M

В.М. Буланкин, В.Ю. Киселёв

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЫБАЦКОЙ СЛОБОДЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО В 2008 ГОДУ

На участке проектируемого индивидуального двухэтажного жилого дома площадью 200 кв. м по адресу: г. Рязань, ул. Затинная, д. 88а (28 квартал) с целью определения мощности и датировки культурного слоя заложен разведочный шурф, размером 4 х 4 м, площадью 16 кв. м. Отметка нулевого репера шурфа 99,13 м.

Участок застройки располагается в историческом центре г. Рязани на территории Рыбацкой слободы средневекового города Переяславля Рязанского, известной по письменным данным с XV–XVI вв. (Солодовников, 1924). Слобода располагалась в 90 м к северу от северного подножия кремлёвского холма, в 65 м к северу от правого берега русла реки Лыбеди (правый приток р. Трубежа).

Территория слободы находится на мысу первой надпойменной террасы реки Оки, с юга ограниченном долиной Лыбеди, на севере – поймой Оки, на западе – летописным пойменным озером Карабсово (в настоящее время подболоченная котловина). Высота участка Рыбацкой слободы составляет до 3,5 м от среднего уровня поймы. Уровень поймы около 97 м от уровня моря. Рыбацкая слобода в XIX–XX вв. периодически, раз в 10 – 15 лет, заливалась весенним половодьем (отметки рекордного паводка 28.04.1908 г. + 101,8 м над уровнем моря). Территория Рыбацкой слободы с XVIII в. по настоящее время занята преимущественно одноэтажной застройкой со значительной площадью садов и огородов, что, наряду с постоянной или периодической увлажнённостью, способствует сохранению гумусированного культурного слоя, в том числе предметов из органики.

На территории Рыбацкой слободы производились следующие археологические исследования (рис. 1).

– Раскопки на углу ул. Проезд Речников и ул. Рыбацкой (Буланкин, 1992). Вскрыта площадь 60 кв.м.

– Наблюдения за вскрышными работами на западном конце ул. Рыбацкой с выходом в подболоченную пойменную котловину летописного озера Карабсово (Буланкин, 1995).

– Раскопки на ул. Затинной, д. 88 (Судаков, 2002), общей площадью 154 кв. м.

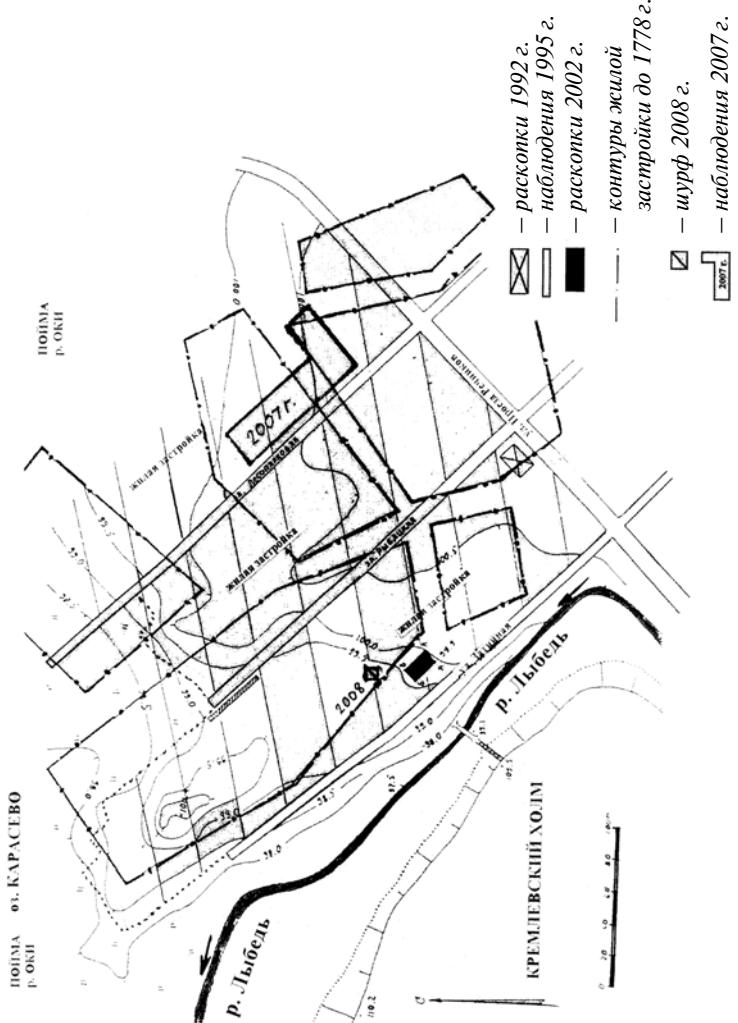

Рис. 1. Места расположения археологических исследований на территории Рыбакской слободы средневекового Переяслава Рязанского

- Наблюдения за вскрышными работами на ул. Лесопарковой (Буланкин, 2007).

На основании вышеуказанных работ на ограниченной площади можно предварительно составить общее представление о культурном слое Рыбацкой слободы по материалам 1992–2007 гг.

На большей части мыса средневековый культурный слой со следами деревянных конструкций сформировался в основном за период от второй половины XIII в. до первой половины XVIII в., средней мощностью 0,5 – 0,9 м. Сверху эти напластования перекрыты слоем второй половины XVIII–XX в., включающим битый кирпич и известь. Мощность этого слоя составляет 0,5 – 1,5 м на разных участках.

На северо-западной оконечности мыса по ул. Рыбацкой и ул. Затинной мощность культурного слоя со следами деревянных конструкций местами достигает 1,5 – 2 м. На материке наблюдается слой домонгольского времени.

В культурном средневековом слое с остатками деревянных построек керамика XII–первой половины XIII в. составляет около 5 – 10 %, керамика конца XIII–XV в. до 20 – 30 % на отдельных участках, остальная керамика более поздняя.

Постоянная плотная жилая застройка наблюдается с конца XIII – начала XIV в., в XV – начале XVII в. плотность застройки снижается. Новый подъём деревянного строительства наблюдается с середины XVII–XVIII в.

В конце XVIII – первой половине XIX в. город получает регулярную планировку улиц, сохранившуюся до настоящего времени.

На территории Рыбацкой слободы в XIX–XX вв. преобладает малоэтажная застройка усадебного типа со значительными по площади садами и огородами. На месте прежних деревянных изб без фундамента с глинобитными печами в Рыбацкой слободе с начала XIX в. появляются дома с кирпичными печами и каменными фундаментами глубокого залегания.

На территории Рыбацкой слободы на материке – предматерике и в более поздних слоях средневекового времени встречаются артефакты более ранних эпох: небольшие скопления или же отдельные фрагменты лепной керамики эпохи неолита, энеолита – бронзы, раннего железного века, кремнёвые отщепы, отдельные каменные орудия.

В юго-восточной части мыса, прилегающей к ул. Проезд Речников, прослежены остатки средневековых захоронений, чаще в переотложенном виде, возможно связанные с приходской церковью

Николы Мокрого XV–XVIII вв., месторасположение которой точно пока не установлено.

Почвы в Рыбацкой слободе – пойменные суглинки и супеси, местами илистые, увлажнённые. Грунтовые воды (верховодка) на глубине 1,1 – 3,5 м от дневной поверхности на разных участках, в зависимости от года и погодных условий.

Описание шурфа 2008 г. на ул. Затинной, д. 88а (рис. 2).

До глубины 180 см от нуля культурный слой представлен перемешанными горизонтально залегающими суглинками со значительным количеством битого кирпича, древесного угля, сырой и прокалённой глины. Ниже до уровня материка, расположенного на глубине 190 – 200 см в северной половине шурфа, уходя глубже 300 см, в южной половине залегает слой увлажнённой иловатой супеси без строительного мусора. Слой содержит в переотложенном виде керамику конца XVI–начала XVII в. Эта супесь речного происхождения перекрывает древнюю погребённую бровку правобережного откоса долины Лыбеди, расположенную в 2,3 – 2,6 м к югу от северной стенки шурфа.

В 0,6 – 0,8 м к северу от бровки в материке наблюдаются следы плетнёвой ограды, расположенной вдоль бровки откоса, в виде канавы глубиной около 20 см, шириной до 30 см с рядом колов, диаметром около 10 см, забитых в дно канавы. Откос круто уходит к югу. Шурф не докопан из-за грунтовых вод, которые стали просачиваться с глубины 225 см.

Всего в шурфе, размером 4 x 4 м, выявлено 2559 фрагментов гончарной керамики, которая распределяется следующим образом.

До глубины 180 см (зачистка предматерика) выявлено 2339 фрагментов керамики (около 91 % от общего количества). До глубины 80 см доминирует керамика конца XVIII–начала XIX в. (24 % общего количества). В этом слое находки более ранней керамики единичны. На глубине 80 – 180 см (до предматериика) доминирует керамика XVIII в. (около 64 % от общего количества), также выявлена керамика 2-й половины XVII–начала XVIII в. (около 4 %). При зачистке материка и берегового откоса выявлено около 7 % керамики от общего количества конца XVI–1-й половины XVII в. Присутствие керамики XIII–начала XVI в. крайне незначительно (около 1 %).

Всего в шурфе найдено 28 индивидуальных находок.

Изделия из железа.

Фрагмент лодочной скобы (рис. 3, I). В средней части скобы овальное расширение размером 1,5 x 2,5 см, длина сохранившегося ушка скобы около 1,5 см, толщина полосы около 0,3 см.

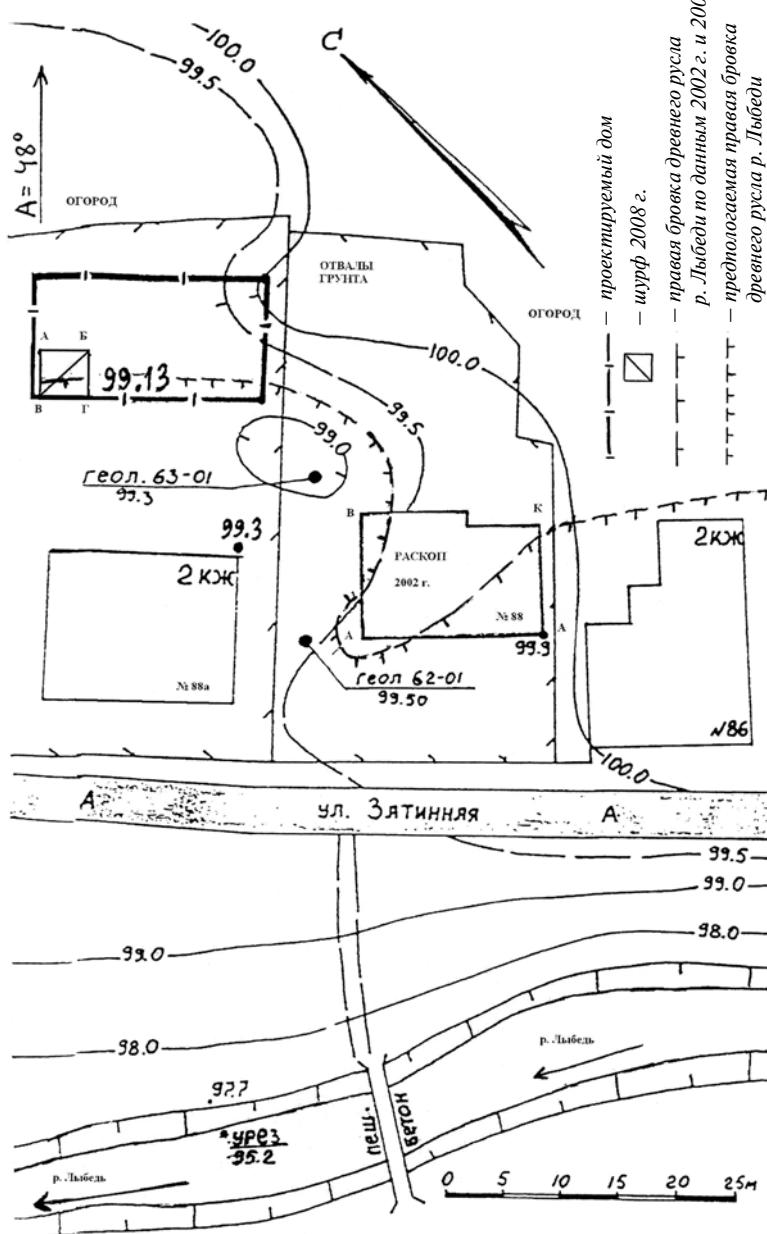

Рис. 2. Расположение раскопа 2002 г. и шурфа 2008 г. по ул. Златинной

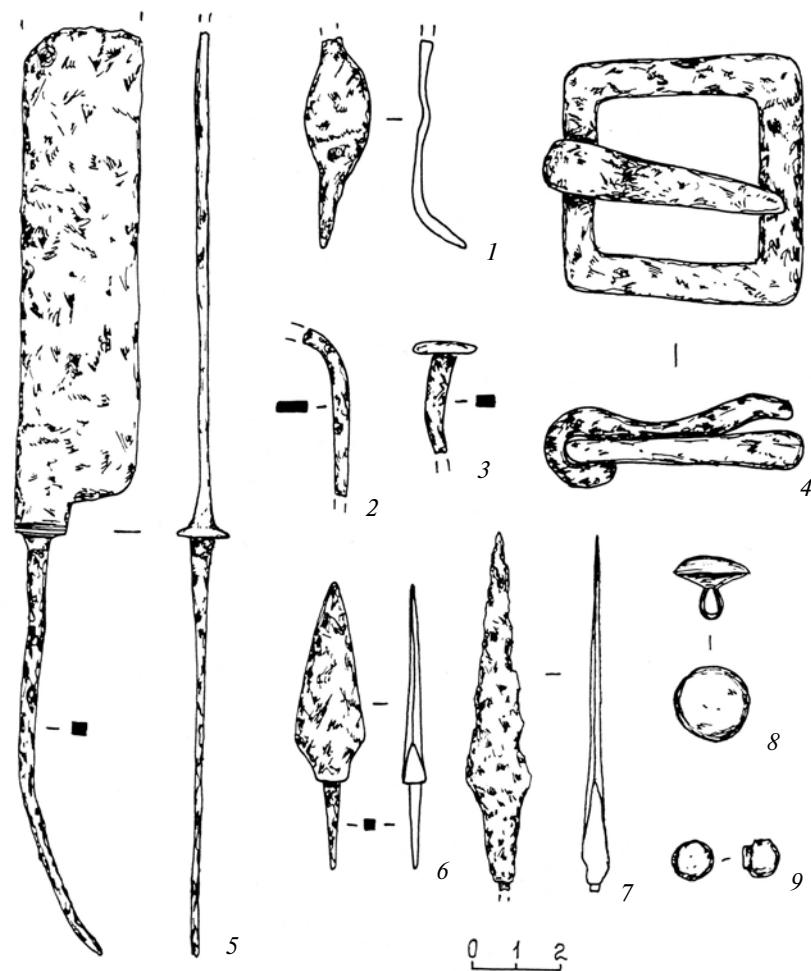

Рис. 3. Индивидуальные находки. 1 – лодочная скоба; 2 – фрагмент скобы; 3 – фрагмент гвоздя; 4 – пряжка; 5 – фрагмент ножа; 6 – 7 – наконечники стрел; 8 – пуговица; 9 – пуля

Фрагмент скобы (рис. 3, 2). Сечение прямоугольное, размером $0,3 \times 0,7$ см.

Пряжка (рис. 3, 4). Пряжка подпружная рамчатая, подтрапециевидной формы размером $5,5 \times 5,2 - 5,8$ см. Рамка округлая в сечении, шириной до 0,8 см, толщиной 0,4 – 0,5 см.

Фрагмент ножа (рис. 3, 5) с чёткими верхним и нижним уступами и раскованным упором овальной формы, спинка прямая. Конец лезвия отломан, ширина лезвия 2,8 см, толщина до 0,3 см, сечение черенка подпрямоугольной формы 0,3 x 0,4 см, длина черенка 9,5 см, длина сохранившейся части лезвия 11,5 см.

Фрагмент ножа с прямой немного опускающейся у острия спинкой, с чётким верхним уступом. Черенок обломан. Длина лезвия 8,5 см, ширина 1,8 см.

Дужка котелка. Сечение круглое, диаметр около 4 мм. Концы дужки загнуты петлями шириной до 2,5 см, расстояние между концами дуги около 17 см.

Наконечник стрелы (рис. 3, 6) ромбовидной формы с наибольшим расширением в нижней трети пера, линзовидный в сечении, длина пера 4,4 см, наибольшая ширина 1,6 см, общая длина наконечника 6,4 см. Наиболее близкие аналогии имеются среди древнерусских наконечников (типы 40, 44 по А.Ф. Медведеву), датируются IX–XIV вв. (*Медведев, 1966. С. 65*). Однако наконечники подобной формы продолжают существовать до второй половины XVII в. (тип 6в по О.В. Двуреченскому), по функциональному назначению относятся к универсальным (*Двуреченский, 2007. С. 284*).

Ромбовидный вытянутый наконечник стрелы с наибольшим расширением в нижней трети пера, уплощённый в сечении (рис. 3, 7). Черешок обломан, длина пера 7,8 см, наибольшая ширина 1,5 см. Наиболее близкие аналогии имеются среди древнерусских наконечников (типы 40 по А.Ф. Медведеву), датируются X–XIV вв. (*Медведев, 1966. С. 65*). В XV–XVII вв. подобные наконечники являются самыми распространёнными на территории Московского государства (тип 6а по О.В. Двуреченскому), по функциональному назначению относятся к универсальным (*Двуреченский, 2007. С. 283 – 284*).

Фрагмент кованого гвоздя (рис. 3, 3). Шляпка круглая диаметром около 1,5 см, сечение стержня прямоугольное, около 0,3 x 0,5 см.

Изделия из цветных металлов.

Крест-тельник (рис. 4, 1) прямоугольный с удлинённым нижним лучом, имеющий прямые углы в средокрестии. Изготовлен в технике литья с последующей механической проработкой элементов рельефа. Размеры изделия: 33 x 20 мм. Ширина всех лучей одинакова, около 0,5 см, толщина около 1 мм. Оглавие имеет форму уплощённой гранёной бусины. В отверстии оглавия сохранился остаток шерстяного (?) шнура.

Рис. 4. Кресты-тельники. 1 – серебро; 2 – медь

Периметр лицевой и обратной сторон обрамляет барельефный бордюрчик, точно повторяющий контур изделия. Все изображения и надписи на обеих сторонах описываемого креста также являются рельефными и лежат на одной высоте с бордюрчиком.

В средокрестии лицевой стороны помещено изображение восьмиконечного Голгофского креста, в каждом из углов средокрестия которого изображено по точке. Основанием креста служит гора Голгофа, показанная в виде буквы «л», вверху имеющей два закругления, на которых и стоит Голгофский крест. В центре горы Голгофы, в пещере, помещено изображение главы Адамовой, показанной в виде человеческого черепа.

В верхнем луче, в квадратном клейме, под титлом надпись в одну строку: «ЦРЬ» (Царь Славы), причём буквы «Ц» и «Р» образуют лигатуру, а мачта «Ь» имеет сильный наклон. В нижнем луче, в квадратном клейме, под титлом – «МЛ» (Место Лобное Распят (Рай) Бысть), причём буква «Л» справа сверху имеет закругление, что похоже на лигатуру «ЛР». Таким образом, целиком надпись в нижнем клейме мо-

жет выглядеть как «МЛР». В оконечностях левого и правого лучей, в прямоугольных клеймах, помещены хризмы «ІС» и «ХС» под титлами соответственно, причём буквы «Х» и «С» образуют лигатуру.

Оборотную сторону изделия полностью занимает молитвенный текст в девять строк: «ПОМ / ИЛУ / И МЯ БОЖЕ ПО ВЕІ / ЛИК / ЕИ М / Л Т / ВОЕ / И ПО / МНО» (пробелы между словами отсутствуют), т. е.: «ПОМИЛУИ МЯ БОЖЕ ПО ВЕІЛИКЕИ МЛ ТВОЕ И ПО МНО». В 50-м псалме текст звучит следующим образом: «Помилуй мя Боже по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои». В пятой строке буквы «И» и «М» образуют лигатуру. Интересна манера написания буквы «В», встречающейся в тексте дважды: в словах «ВЕІЛИКЕИ» и «ТВОЕИ». В обоих случаях описываемая буква лишена нижней горизонтальной планки, а верхний левый угол заметно срезан (скошен). Крест может датироваться XVII в.

Крест-тельник (рис. 4, 2), прямоконечный, имеющий прямые углы в средокрестии. Изготовлен в технике литья из сплава на основе меди с последующей механической проработкой элементов рельефа. Размеры 41 x 27 мм. Ширина всех лучей около 10,6 мм, толщина около 1 – 1,5 мм. Оглавие, имевшее форму уплощённой бусины, утрачено на две трети.

Средокрестие обрамляет лучистый венец, сохранивший в себе недоработанные литейные швы. Поскольку повреждения поверхности оборотной стороны описываемого креста, вызванные коррозией металла, не дают возможности судить о характере надписей и (или) изображений на ней (если они там вообще были), речь в дальнейшем пойдёт только о лицевой стороне изделия.

Все изображения и надписи выполнены рельефно и различны по высоте рельефа. Самый высокий элемент – это цата, более низкий – Голгофский крест на горе Голгофе, а ниже, в одной плоскости, декоративные бордюрчики, надписи, клейма и прочие элементы.

Лицевая сторона креста делится на шесть частей при помощи тонких бордюрчиков, образующих рамочки, заключающие в себя отдельные элементы. Первая окаймляет периметр изделия целиком, вторая – только средокрестие, четыре остальных – клейма с надписями в оконечностях лучей.

Средокрестие занимает барельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста с цатой на средокрестии. Слева и справа от его нижнего древа, параллельно ему располагаются вертикально стоящие соответственно трость и копие. Как и у Голгофского креста, их

основанием служит гора Голгофа, показанная в форме прямоугольника, верхние углы которого закруглены. Нижняя косая перекладина Голгофского креста закрывает собой часть древка трости и копия. Под раменами и над ними видны плохо различимые надписи. Как и надписи в клеймах в окончаниях левого, правого и нижнего лучей, их прочесть практически невозможно. Заметно, что в клеймах левого и правого лучей надписи располагались в две строки, а в левом верхнем углу клейма правого луча слабо просматривается буква «Х» (ХС) под титлом. Соответственно верхнюю строчку клейма левого луча занимала хризма «ИС». В окончании верхнего луча, в прямоугольном клейме, помещена надпись в одну строку: «ЦРЬС» (Царь Славы), причём буквы «Ц» и «Р» образуют лигатуру, а мачта буквы «Ь» имеет сильный наклон.

По типологии Э.П. Винокуровой данный крестик близок к типу 1 подтипу 5 варианту 1 (*Винокурова, 1999. С. 339. Рис. 13, 1*), датируется XVII в.

Пуговица (рис. 3, 8) бронзовая. Верх выпуклый круглый, толщиной до 0,5 см, диаметр около 1,7 см, с обратной стороны припаяна петелька для пришивания овальной формы, длиной 0,7 см, шириной около 0,5 см. Предварительная датировка XVIII–XIX вв.

Пуля (рис. 3, 9). Снаряд свинцовый для ручного огнестрельного оружия. Пуля изготовлена методом литья в пулелейку. Имеет шаро-видную форму, частично обрублена. Диаметр пули 8,5 мм. По типологии О.В. Двуреченского пуля близка к группе 1, которая датируется второй половиной XVI–XVII в. (*Двуреченский, 2005. С. 264 – 267*).

Медная копейка, 1789 г. (Екатерина II). Грубого чекана, диаметр 2,6 см, по торцу слабый косой гурт. На лицевой стороне вензель Екатерины II с короной в окружении венка, на обратной стороне плохо читаемое затёртое изображение.

Изделия из глины.

Грузило рыболовное (рис. 5, 1). Изготовлено из беложгущейся глины с мелкой примесью песка. Длина грузила 4,3 см, наибольший диаметр 3 см, диаметр сквозного отверстия 0,7 см.

Пряслице из стенки гончарного сосуда (рис. 5, 2). Диаметр 3 см, толщина 0,6 см, отверстие в центре диаметром 0,7 см, торцы хорошо обточены.

Заготовка пряслица из стенки гончарного сосуда (рис. 5, 3). Диаметр около 5 см, толщина 0,8 см, края обломаны.

Фрагмент глиняной игрушки (погремушки) (рис. 5, 4). Форма погремушки – круглая, плоская коробочка диаметром около 8 см, с

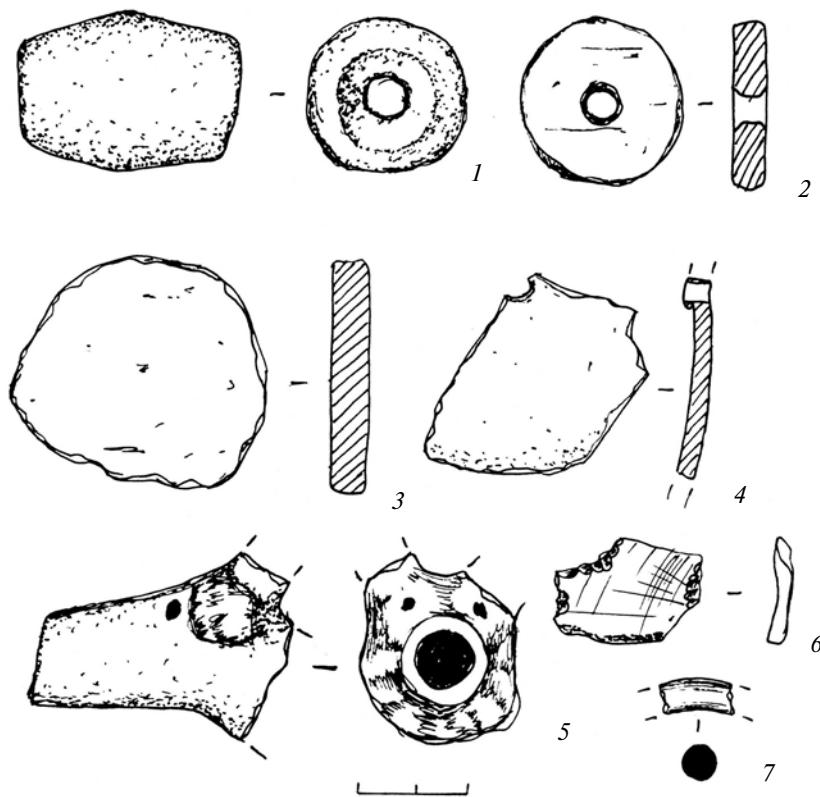

Рис. 5. Индивидуальные находки. 1 – рыболовное грузило; 2 – прядильце из стенки гончарной керамики; 3 – заготовка прядлица из стенки гончарного сосуда; 4 – фрагмент погремушки; 5 – носик рукомойника (?); 6 – кремневый отщеп с подработкой; 7 – фрагмент браслета. 1–5 – глина, 6 – камень, 7 – стекло

центральным сквозным отверстием диаметром около 0,5 см. Изгото-
твлена из ожелезнённой глины светло-оранжевого цвета без замет-
ной примеси.

Рукомойник (?), фрагмент (рис. 5, 5). Поверхность морёная, со
следами лощения. Главное отверстие диаметром 1,1 см, два вспомо-
гательных по 2 мм.

Изделия из стекла.

Фрагмент браслета (рис. 5, 7). Гладкий, круглый в сечении, диаметром 0,6 см. Поверхность патинизирована, цвет светло-коричневый (?).

Изделия из камня.

Кремнёвый отщеп (рис. 5, 6). Кремень коричневого цвета, с одной стороны оставлена корка. Размер 3 x 2 x 0,3 см. С одного торца следы ударного бугорка, с двух сторон отщеп подработан микроретушью.

Описание массового материала.

Всего в культурном слое шурфа обнаружено 2559 фрагментов керамики. Вся керамика изготовлена на гончарном круге. Коллекция керамики разделяется на следующие группы.

1. Керамика, изготовленная из ожелезнённых глин (в одном случае из беложгущейся глины) с примесью песка (четыре фрагмента). Единственный фрагмент венчика с короткой вертикальной шейкой, край отогнут наружу и, скорее всего, был завёрнут внутрь, плечико украшено комбинированным линейно-волнистым орнаментом (рис. 6, 1). Тулово других сосудов украшено линейным сплошным (рис. 6, 3) и линейным зональным орнаментом (рис. 6, 2, 4). Подобная керамика на территории Рязанской земли широко встречается в XIII–первой половине XIV в.

2. Керамика, изготовленная из ожелезнённой глины с примесью песка (три фрагмента). Венчики сосудов прямые вертикальные или немного отогнутые внутрь, край которых завёрнут наружу в виде небольшого округлого валика (рис. 6, 5, 6), стенки сосудов украшены несколькими витками разрежённого линейного орнамента (рис. 6, 7).

Данная группа керамики предварительно датируется концом XIV–первой половиной XV в.

3. Фрагменты горшков, изготовленных из ожелезнённой, реже беложгущейся глины без заметных примесей (142 фрагмента) с прямым вертикальным венчиком, черновой край которого завёрнут внутрь в виде миниатюрного валика-складки или в виде приплощенного валика. Венчики украшены многорядным линейным орнаментом, иногда спускающимся на плечики (рис. 7, 1 – 28). Диаметры устья сосудов в диапазоне 14 – 17 см, 18 – 22 см, 26 – 27 см. Обнаруженные фрагменты днищ сосудов относятся к плоским простым, сформированным на мелкопесчаной подсыпке, на некоторых днищах заметны следы заглаживания с отпечатками папиллярных линий гончара. Керамика данной группы характерна для XVI–XVII вв.

4. Керамика, изготовленная из ожелезнённой глины без заметных примесей (2312 фрагментов). Поверхность серого, серо-коричневого

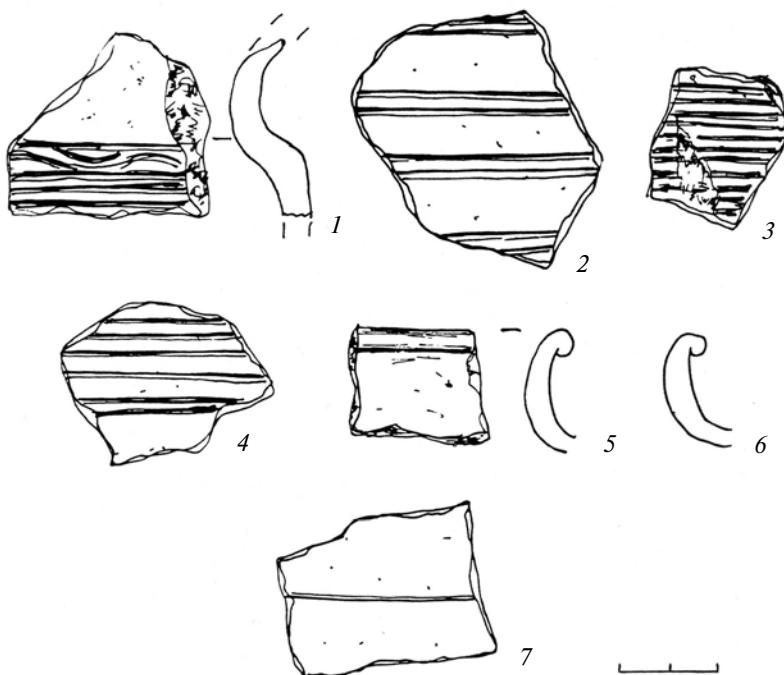

Рис. 6. 1-7 – фрагменты круговой посуды XIII – первой половины XIV в. и конца XIV – начала XV в.

цвета, на некоторых фрагментах снаружи следы нагара. Венчики горшков прямые вертикальные или немного отогнутые наружу, без орнамента, черновой край завёрнут внутрь в виде массивного валика (рис. 8, 1 – 13). Диаметр верха сосудов составляет 19 – 20 см, 22 – 27 см, 30 – 32 см. Днища плоские простые с диаметром 9 – 11 см.

Керамику данной группы в целом можно датировать в пределах XVIII – начала XIX в.

Кроме того, ассортимент глиняной посуды дополняют фрагменты мисок (рис. 8, 14 – 16) и крышек диаметром 17, 20 – 21, 30 см (рис. 8, 17, 18). Незначительна коллекция чернолощёной посуды, представленная фрагментами кринок (рис. 8, 19).

В ходе работ была обнаружена небольшая коллекция фрагментов стеклянной посуды XVIII – начала XIX в. (55 фрагментов). Все фрагменты, видимо, от закрытых сосудов (диаметр края меньше половины максимального диаметра). Посуда отнесена к бутылям различных

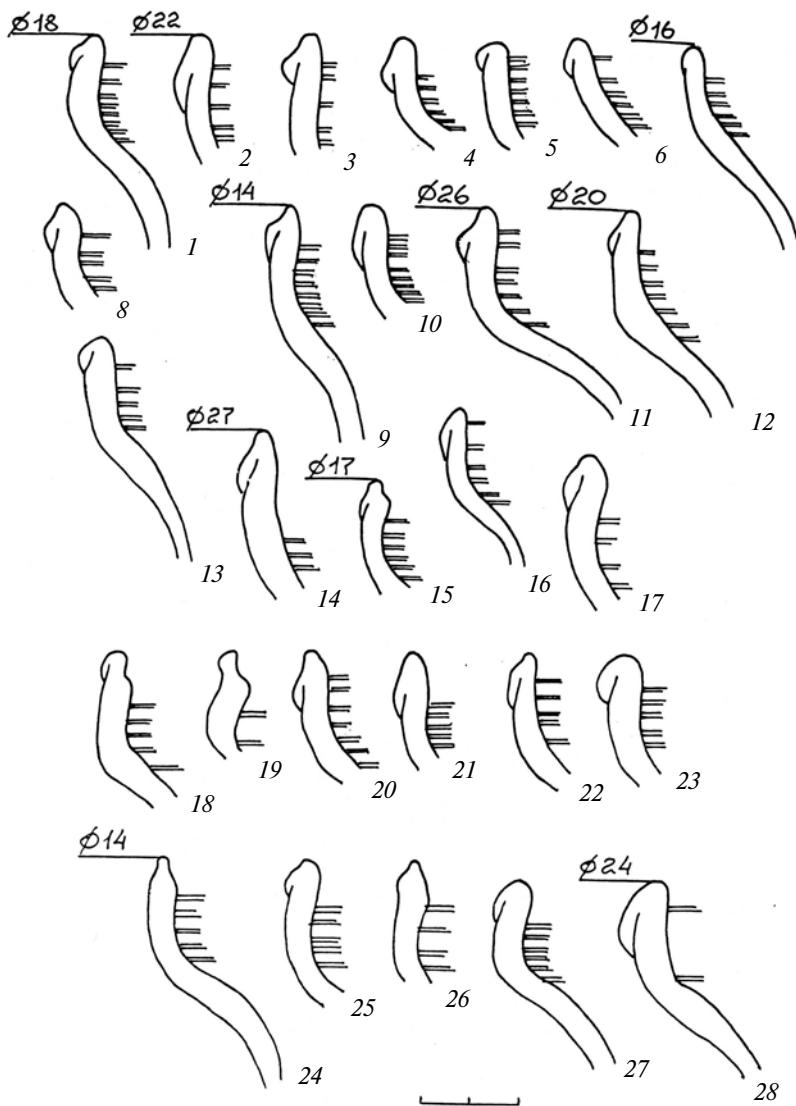

Рис. 7. 1-28 – фрагменты круговой посуды середины XVI – XVII в.

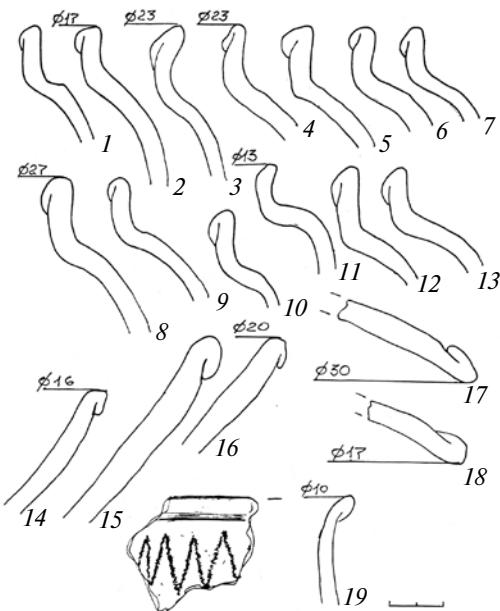

Рис. 8. 1-19 - фрагменты круговой посуды XVIII – начала XIX в.

форм (рис. 9, 1 – 4), банкам (?) (рис. 9, 5, 6). Все найденные фрагменты изготовлены из стекла зелёного или светло-зелёного цвета.

На основании данных раскопа 2002 г. (Судаков, 2002) и шурфа 2008 г. можно предположительно реконструировать расположение правобережной бровки долины реки Лыбеди на рубеже XVI–XVII вв., в настоящее время перекрытой отложениями конца XVIII–XX в. (рис. 1). Раскоп 2002 г. располагается на мысу древнего правобережного склона, полого опускающегося к её руслу. На этом месте на плане 1778 г. показан межквартальный проезд к переправе через реку Лыбедь в Кремль (рис. 1). В раскопе 2002 г. по оси мыса на материке выявлена колея грунтовой дороги.

Шурф 2008 г. располагается на обрывистой древней бровке излучины, вниз по течению реки Лыбеди в 25 м к северо – северо-западу от раскопа 2002 г. В шурфе фиксируются следы плетёвой оградки вдоль бровки реки, совпадающей с границей квартальной застройки на плане 1778 г. (рис. 1; 2).

В раскопе 2002 г. и шурфе 2008 г. следы застройки ранее середины XIX в. отсутствуют. Культурные слои залегают горизонтально, без поздних перекопов. Скорее всего, они формировались в течение

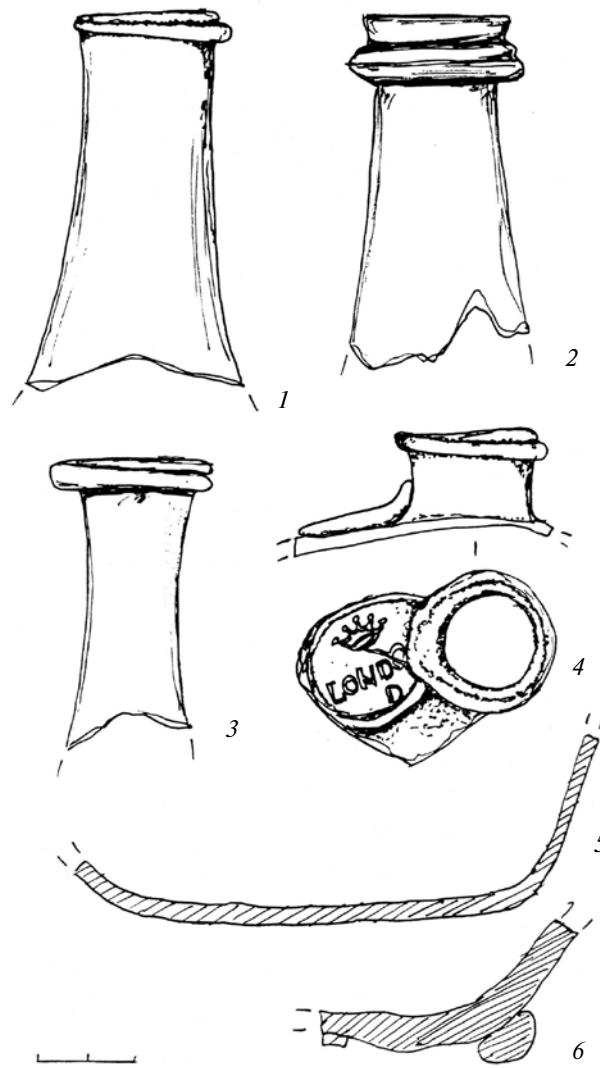

Рис. 9. 1-6 фрагменты стеклянных сосудов XVIII – начала XIX в.

XVIII–XIX вв. за счёт переноса грунта с соседних, более высоких, заселённых участков с жилыми и хозяйственными постройками. Из вышеуказанного можно сделать вывод, что на рубеже XV–XVII вв. и позднее, в условиях высоких и продолжительных половодий правый склон долины реки Лыбеди активно размывался и не был удобен для хозяйственного освоения (Борисенков, Пасецкий, 1988). Работы в шурфе 2008 г. вместе с вышеупомянутыми исследованиями показывают неоднородность сохранившегося культурного слоя на территории Рыбацкой слободы.

Литература

- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М., 1988. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.
- Буланкин В.М., 1993 Отчёт о раскопках в исторической части г. Рязани в 1992 г. // Архив ИА РАН. № 22578 – 22581.
- Буланкин В.М., 2009. Отчёт об археологических разведках в Рязанской области в 2008 г. // Архив ИА РАН.
- Буланкин В.М., Судаков В.В., 2003. Археологические исследования Рыбацкой слободы Переяславля Рязанского // Рязанская область и Центральный регион в контексте российской истории / Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань.
- Винокурова Э.П., 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы: XVII век. М.
- Дворченский О.В., 2005. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия московской Руси конца XV–начала XVIII века // Археология Подмосковья. Вып. 2. М.
- Дворченский О.В., 2007. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства в XV–XVII вв. // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3. М.
- Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие // САИ. Е1-36. М.
- Межевой план г. Переяславля Рязанского. 1778 г. // Фонды РИАМЗ. № 543.
- Соловьевников Д.Д., 1924. История Переяславля Рязанского в памятниках старины. Рязань.
- Судаков В.В., 2003. Отчёт о раскопках на территории Рыбацкой слободы г. Переяславля Рязанского (совр. г. Рязань) в 2002 г. по адресу: ул. Затинная, 88 в 28 квартале // Архив ИА РАН.
- Судаков В.В., Челяпов В.П., Буланкин В.М., 1997. Переяславль Рязанский (итоги археологических исследований 1979–1995 гг.) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Славянский средневековый город. Т. 2. М.

А.А. Гомзин

ЗАМЕТКИ ПО ХРОНОЛОГИИ И ТОПОГРАФИИ МОНЕТНЫХ НАХОДОК XIV–XVIII ВВ. ИЗ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

Денежное обращение великого княжества Рязанского второй половины XIV–первой четверти XVI в. слабо изучено. Пожалуй, после работ П.А. Шорина в 1970 гг. этот вопрос не становился предметом серьёзного рассмотрения. Ещё меньше привлекало внимание исследователей состояние денежного обращения в рязанских землях после их окончательного вхождения в состав единого Русского государства. Этот же процесс в отдельных городах или сельских населённых пунктах практически никогда не рассматривался. Да и в целом для земель русских княжеств можно найти очень немногие примеры подобных исследований.

Переяславль Рязанский в этом плане не является исключением. Хотя количество монет, найденных на территории столицы Рязанского княжества, не так уж мало, но степень их введения в научный оборот крайне низка. Достаточно отметить, что из пяти кладов XIV–XVII вв. до сих пор должным образом ни один не опубликован, ещё для четырёх комплексов того же периода известны либо общая датировка, либо отдельные экземпляры монет. Даже составление сводки находок представляет собой отдельную задачу. Не все монеты дошли до наших дней, упоминания о некоторых сохранились только в печатных изданиях или архивных документах; другие находятся в частных коллекциях и доступны для исследования далеко не в полном объёме.

Данная работа призвана, отчасти, восполнить этот пробел. В Приложении 1 представлена сводка монетных находок на территории средневекового города, куда включены только конкретные сведения. Информация о том, что кем-то когда-то были найдены монеты какой-то эпохи, не рассматривалась. Одиночные серебряные монеты второй трети XVI–начала XVIII в. и медные XVII–XVIII вв. также сюда не включены, поскольку их зарегистрированная выборка ещё очень незначительна и статистически непредставительна для формулировки каких-либо выводов. Однако некоторые из них при необходимости будут упомянуты. Кроме того, не рассматриваются и монеты, обнаруженные в XIX–XX вв. в Рязани без привязки к её историческим частям, поскольку отсюда неясно, происходят ли они с территории средневекового Переяславля или окружавших его сель-

ских поселений, позднее вошедших в городскую черту. Естественно, что полноценной картины денежного хозяйства Переяславля Рязанского XIV–XVIII вв. на этой основе реконструировать не получится, однако кое-какие наблюдения над хронологией и топографией монетных находок и особенностями денежного обращения города и рязанских земель в целом сделать можно.

Для начала стоит отметить, что находки серебряных монет Джучидов, составивших основу денежного обращения Рязанского княжества в 1360–1390-е гг., на городской территории крайне малочисленны и никак не указывают на его статус в качестве крупного торгового центра и столицы княжества (Приложение 1, № 2 – 4). То же относится к одиночным рязанским монетам времени правления Олега Ивановича, из которых пока известен только один экземпляр (Приложение 1, № 18).

Единственный клад этого периода с джучидскими дирхамами (дангами) и денгами Олега Ивановича с надчеканками букв и ранней тамги без точек внутри завитков происходит со Старого базара (Приложение 1, № 1). Младшая среди датированных монет чеканена при Токтамыше в 795 г.х. (1392/1393 г.). Не исключено, что комплекс следует относить непосредственно к концу XIV в., во всяком случае, видимо, не выходя за рамки правления указанного князя – 1402 г. Подобное предположение основывается на типологии содержащихся в кладе так называемых среднеокских двусторонних подражаний Джучидам и сравнении состава комплекса с другими кладами конца XIV–первого десятилетия XV в. с территории княжества.

Дальнейшая систематизация среднеокских подражаний не входит в задачи настоящей работы. Однако вопрос о месте их изготовления стоит ещё раз затронуть. Независимо друг от друга к выводу об их рязанской принадлежности пришли И.В. Волков и А.А. Гомzin (*Волков, 2005. С. 29; Гомзин, 2007а. С. 88; 2008. С. 59*). В дальнейшем первый автор отказался от этой точки зрения, назвав подражания тарусскими, поскольку якобы максимальная концентрация их находок приходится на Тарусское княжество и прилегающие к нему территории (*Волков, 2007. С. 106*). При этом удивляет избирательный подход И.В. Волкова к топографии этих монет. Им были учтены данные из своих работ и статьи Ю.В. Клочкива, но почему-то проигнорирована опубликованная нами информация, хотя она была ему известна, и при описании монетных типов он её использовал (*Волков, 2007. С. 102 – 104, 113; Клочкив, 2007*).

Для объективного рассмотрения этого вопроса в Приложении 2 были сведены топографические данные всех трёх авторов по состоянию на весну 2009 г. Конечно, в идеале хорошо было бы рассматривать топографию подражаний по типам, но для этого выборка пока статистически недостаточна. Однако и при обобщённом подходе не трудно заметить, что из 34 пунктов находок подражаний 21 пункт, несомненно, приходится на рязанские территории. При этом лидерство рязанских земель сохранится и при разделении по позициям «клады – одиночные монеты»: 6 из 11 (Приложение 2, № 5 – 10) и 15 из 23 соответственно (Приложение 2, № 12, 15, 17 – 28, 31). Таким образом, налицо обе категории находок. При этом примечательно, что Переяславль Рязанский пока является единственным столичным городом, где среднеокские подражания найдены в результате археологических раскопок, а не только случайными людьми и кладоискателями (Приложение 1, № 6, 9).

В то же время к Тарусскому княжеству и прилегающим территориям однозначно можно отнести только четыре пункта обнаружения одиночных монет (Приложение 2, № 14, 29, 30, 33). Отсюда вывод И.В. Волкова об очевидной тарусской принадлежности рассматриваемых подражаний на основании топографии следует признать необоснованным.

Ещё одной категорией монетных находок конца XIV–начала XV в. в Переяславле Рязанском являются пражские гроши. В 1873 г. в городе на Старом Базаре был обнаружен клад этих монет, а в 1957 г. в саду Рязанского кремля – одиночный грош Вацлава IV (Приложение 1, № 10, 11). О комплексе практически ничего не известно, до наших дней он не сохранился. Монета же из сада долгое время в музеиных документах неверно атрибутировалась как грош Вацлава II или Вацлава III. На территории современной Рязанской области это пока единственые находки таких монет, хотя уже в Тульской и Калужской областях они встречаются чаще. Можно полагать, что появление пражских грошей в Переяславле связано с активными политическими и экономическими контактами Рязанского княжества со смоленскими, верховскими землями и Литовским княжеством в конце XIV–начале XV в., где эти монеты использовались в денежном обращении и торговле. На этот же период приходится расширение географии применения и увеличение числа находок пражских грошей в целом на территории бывшего СССР за счёт эмиссий Вацлава IV (Соболева, 1996. С. 53 – 54, 57).

Из одиночных рязанских монет XV в. в Переяславле зафиксированы пока только денги Ивана Фёдоровича. Они происходят с кремлёвского холма и берега Трубежа возле него, Верхнего посада и Скоморошьей горы недалеко от Старого Базара (Приложение 1, № 14 – 17). Известны две монеты Ивана Владимировича Пронского. Одна обнаружена в составе клада в окрестностях Рязанского кремля; другая – на берегу Трубежа (Приложение 1, № 12, 14).

В 1956 г. на кремлёвском холме на ул. Рабочих был найден интересный и довольно редкий клад, в котором денги Ивана Фёдоровича присутствовали вместе с московскими монетами Василия II и удельных московских княжеств (Приложение 1, № 13). По предварительным данным, время его сокрытия можно относить к 1462 г., поскольку в нём нет ни одной монеты Ивана III, зато имеется московская денга Василия Тёмного последнего типа, с которого затем началась чеканка монет и его сына.

Несмотря на незавершённую обработку, клад уже позволяет сделать два важных вывода о денежном обращении Рязанского княжества. Их также подтверждает комплекс 2005 г. из с. Дмитриева Скопинского района, в состав которого входили монеты Василия II и денги удельных московских княжеств, а младшие экземпляры датировались серединой–второй половиной 1450 гг.

Во-первых, время проникновения в рязанские земли московских монет следует относить не к периоду правления Ивана III, как считалось ранее (Волков, 2000. С. 138). Судя по всему, это произошло уже при Василии II (если, конечно, не принимать во внимание приграничные поселения обоих княжеств и населённые пункты, связанные с торговлей по крупным внутрирусским и международным торговым путям, где можно найти примеры и более раннего взаимопроникновения монет), вскоре после смерти Ивана Фёдоровича в 1456 г., когда его сын, Василий Иванович, был взят в Москву под опеку московского князя.

Во-вторых, нет оснований относить, как это иногда считается, к чекану Василия Тёмного рязанские денги с птицей и четвероногим животным на о.с., выпущенные по московскому образцу, поскольку в обоих кладах на 638 и 55 монет соответственно нет ни одного подобного экземпляра. Очевидно, их эмиссия началась уже после 1462 г. Можно предполагать, что это случилось после возвращения Василия Ивановича из Москвы в Переяславль в 1464 г., хотя для более детальной периодизации данных пока ещё недостаточно. Во всяком

случае, вероятность чеканки этих монет московскими наместниками в 1456–1462 гг. нужно исключить.

Следующие монетные комплексы из Переяславля Рязанского относятся уже к началу XVII в. Это два клада, обнаруженные у западной стены Архангельского собора и на Старом Базаре соответственно; оба они младшими монетами имеют московские копейки Василия Шуйского 1607 г. (Приложение 1, № 28, 29). Нет каких-либо оснований связывать отложение данных комплексов с чрезвычайными обстоятельствами, в которых мог оказаться город в указанный период. Скорее, они результат поддержки, оказываемой рязанцами царю Василию Ивановичу, поскольку значительная помощь Москве в 1607–1610 гг. хлебом и ратными людьми поступала именно из рязанских земель, за что, естественно, следовали пожалования и денежные выплаты (Платонов, 1994. С. 215 – 219, 236 – 238).

Социальную принадлежность обоих кладов определить затруднительно. Они могли являться как частью жалованья служилого человека, так и какой-либо денежной суммой, принадлежавшей мелкому чиновнику, духовному лицу, торговому или посадскому человеку. Выбор стены Архангельского собора в качестве места захоронения денег вполне логичен, поскольку это было одно из немногих каменных зданий в Переяславле начала XVII в., способное сохраниться в течение длительного промежутка времени и поэтому послужить надёжным ориентиром, если бы владелец захотел вернуть собственные сбережения. Что, кстати, и оправдалось через 40 лет, когда собор уцелел при пожаре 1646 г.

При реставрации 1970 гг. в Кремле, помимо клада у Архангельского собора, был найден ещё один комплекс, полностью разошедшийся по рукам (Приложение 1, № 30). Пять сильно окислённых монет из его состава впоследствии были переданы заведующему отделом истории РИАМЗ В.П. Челяпову. Виктор Павлович предполагал, что эти монеты являлись частью клада, обнаруженного у Архангельского собора, однако после расчистки его мнение не подтвердилось. Все пять экземпляров выпущены от имени Михаила Фёдоровича, и, судя по дате младшей монеты, время формирования и выпадения комплекса с некоторой вероятностью можно относить к концу правления этого царя.

Отдельно стоит остановиться на медных монетах. На территории Переяславля зафиксирована находка джуцидского пула (Приложение 1, № 5). Медные золотоордынские монеты периодически встречаются в рязанских землях, причём число их уже довольно значительно,

но не превышает количество серебряных. Статус пулов Джучидов в Рязанском княжестве по-прежнему неясен, хотя факт их обнаружения вполне свидетельствует об интенсивных контактах с Золотой Ордой (см. о находках пулов и библиографию вопроса: Гомзин, 2005. С. 32 – 33; 2006. С. 194 – 196). Отметим, что экземпляр из Переяславля – один из наиболее ранних во всей известной выборке пулов.

На городской территории не зафиксировано ни одной медной монеты с буквенной надчеканкой или надчеканкой рязанской тамги. К первой половине XV в. могут быть предположительно отнесены лишь два больших пула плохой сохранности, происходящие из Кремлёвского сада и с ул. Скоморошинской (Приложение 1, № 20, 21).

Время проникновения пул Московского княжества в денежное обращение Рязанского точно установить пока затруднительно. Можно предполагать, что это произошло синхронно с серебряными монетами после 1456 г. На территории Кремлёвского сада известна находка можайского пула, выпущенного в первой половине 1450 гг. (Приложение 1, № 19). Для 1470–1480-х гг. количество зафиксированных пул уже несколько больше, и встречаются они как на территории Переяславля, так и некоторых сельских населённых пунктов (Приложение 1, № 24 – 26). Стоит отметить находку в 2009 г. при археологических работах у кремлёвского вала редкого московского пула с грифоном и легендой «ПУЛО МОСКОВЬСКОЕ» (Приложение 1, № 26). До настоящего времени опубликован только один экземпляр подобной монеты, а известно пока не более пяти (Гайдуков, 1993. С. 203 – 204, № 411; Зайцев, 2006. С. 96. № 43).

Самым массовым типом среди медных монет 1480–1530-х гг. являются маленькие московские пула с крылатой сиреной. В настоящее время считается, что выпускались они после 1533 г. (Зайцев, 2006. С. 28). Материалы Переяславля Рязанского вполне укладываются в такую датировку. На Скоморошьей горе эти монеты встречены при раскопках А.А. Вячина в комплексе ямы 13 (Приложение 1, № 35). Практически на той же глубине и чуть глубже располагались две серебряные московские монеты Ивана IV – денга в весе копейки 1535–1538 гг., вес 0,46 г (Орешников, 2006. С. 159, № 697) и денга 1535–1547 гг., вес 0,14 г, обломана (Мельникова, 1989. Табл. 1, ?-2¹).

Если из других населённых мест рязанских земель маленькие пула с крылатой сиреной пока количественно не выделяются, что, видимо, связано с недостаточной исследованностью археологических па-

¹ Из-за плохой сохранности штемпель лицевой стороны данной монеты точно определить не удалось.

мятников и слоёв соответствующего периода, то в Переяславле прослеживаются два пункта концентрации этих монет. Это собственно Кремль, где в саду и на прилегающей территории найден клад или его часть из четырёх экземпляров и 12 одиночных пул, а также Скоморошья гора, где обнаружено четыре монеты. Если же учитывать московские пула того же времени с птицей влево и неопределённые, большинство которых, очень вероятно, тоже относятся к этим двум типам, то получится выборка в 27 монет (Приложение 1, № 31 – 36, 38 – 39). Такая концентрация мелких разменных монет на ограниченной территории и proximity от городского торга, располагавшегося в южной части кремлёвского холма и на Старом Базаре, вполне может свидетельствовать о развитости внутреннего рынка и торговли в Переяславле Рязанском, по крайней мере, во второй четверти XVI в.

Время исчезновения пул из денежного обращения города и рязанских земель в целом неизвестно. Можно предполагать, что это произошло в начале XVII в. Во всяком случае, на ул. Грибоедова (Нижний посад) зафиксировано найденное при раскопках маленькое тверское пуло, так же отчеканенное после 1533 г. (Приложение 1, № 37). Там же на близкой глубине располагались московская полушка трёхрублевой стопы с надписью вязью: «ГОСУДАРЬ», конца XVI–начала XVII в., вес 0,09 г, обломана и обрезана (*Гайдуков*, 2006. С. 145, 304, № 385), и московская копейка Михаила Фёдоровича 1617 г., вес 0,45 г (*Мельникова*, 1989. Табл. 8, 3-9).

Ещё одной массовой категорией монет, встречающихся в Переяславле Рязанском, можно считать медные полушки и деньги 1730–1750-х гг. В 2001 г. в Кремлёвском саду был найден клад таких монет (Приложение 1, № 40). Факты обнаружения полушек и денег в Кремле и, в особенности, в саду фиксируются начиная с 1930 гг. Сейчас, пожалуй, можно говорить о сотнях, если не тысячах, подобных монет, найденных на указанной территории случайными людьми и кладоискателями.

Данное обстоятельство позволяет, помимо традиционных версий истолкования таких находок – спрятанных сбережений и утерянных монет, – предложить ещё одну, которая вполне способна объяснить столь значительное количество полушек и денег, перекрывающее число прочих номиналов и монет того же достоинства, выпущенных в последующие годы XVIII в. С юга – юго-востока к Кремлёвскому саду примыкает территория, где до третьей четверти XVIII в. располагалась Переяславль-Рязанская провинциальная канцелярия (ПРПК) (*Кусова*, 2003. С. 392, 396). В сферу её деятельности входи-

ли, в частности, получение и своевременная отправка различных сборов и податей в Москву, Санкт-Петербург и прочие места, куда будет приказано. По разным причинам своевременная отправка денег соблюдалась далеко не всегда, за что, в конечном итоге, если не находился конкретный виновник, штрафные санкции грозили самой канцелярии во главе с воеводой.

Так, в 1740 г. в ПРПК обнаружилось, без учёта серебряных и фальшивых, большое количество вышедших из обращения медных монет, которые следовало отправить в Монетную контору ещё 10 лет назад: 5446 копеек 1704–1718 гг., 12 копеек 1724 г., 7383 копейки 1728–1729 гг., 499 денег 1704–1718 гг. и 11455 полушек 1718–1722 гг. (ГАРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 347. Л. 173 – 173 об., 552 – 555 об.). В следующем же году Монетная канцелярия потребовала от ПРПК объяснить, куда пропали 299941 денга 1700–1704 гг., собранные в 1730–1731 гг. и не записанные в приходную книгу (ГАРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 373. Л. 29 – 32).

Указанные факты – наглядный пример того, что в ПРПК концентрировалось значительное количество мелкой монеты, которая порой становилась предметом злоупотреблений, укрывательства для избежания штрафа и хищений. Не исключено, что подобное могло коснуться и монет 10-рублевой стопы, коими являлись деньги и полушки 1730–1750-х гг., и какая то их часть, обнаруженная в Кремлёвском саду, является результатом аналогичных действий.

Таким образом, на территории Переяславля Рязанского на сегодняшний день зафиксировано 10 монетных кладов конца XIV–середины XVIII в. и около 59 одиночных монет середины XIV–первой половины XVI в. Реконструировать картину денежного обращения города на этой основе пока невозможно, поскольку требуется дальнейшее накопление нового материала и полное введение в научный оборот уже имеющегося. Однако некоторые наблюдения и выводы касательно этого процесса и топографии монетных находок всё-таки сделать удалось.

*Приложение 1. Монетные находки XIV–XVIII вв.
из Переяславля Рязанского
Монеты Джусуидов и двусторонние подражания
Клады*

1) 1958 г. В Рязани на правом берегу реки Лыбеди в районе Старого Базара (древний торг) при подготовке котлована для здания на глубине около 2 м в культурном слое среди фрагментов кожи, дерева и глиняных сосудов найден клад серебряных монет конца XIV в.

Из 234 экземпляров комплекса 214 поступили в РОКМ и в настоящее время хранятся в РИАМЗ (РИАМЗ. КП-6216).

Клад находится в состоянии обработки. Младший из датированных джучидских дирхамов (дангов) – 795 г.х. (1392/1393 г.). Кроме монет Джучидов в составе комплекса присутствуют среднеокские двусторонние подражания разных типов и имитации неустановленного пока происхождения, а также экземпляры с рязанскими буквенными надчеканками и ранними тамгами, без точек внутри завитков (ГАРО. Ф. Р-3611. Оп. 7. Д. 153. Л. 13; Гомзин, 2008. С. 60, № 2).

Одиночные джучидские серебряные монеты

2) 1987 г. При раскопках М.М. Макарова в Кремле Переяславля Рязанского найден серебряный джучидский дирхам (дант): Джанибек, Сарай ал-Джадид, 7xx г.х., по типу – 748 г.х. (Френ, 1832. С. 11, № 84). Вес 0,33 г, обломок около 1/3 целой монеты (рис. 1,1).

3) 1993 г. Во время археологических раскопок В.В. Судакова на территории Острога Переяславля Рязанского в заполнении ямы XIII–XIV вв. найдена джучидская серебряная монета: Джанибек, Сарай ал-Джадид, 745 или 754 г.х. (Гончаров, 2005. С. 24, рис. 8; Клоков, Лебедев, 2002. С. 77, № 13; Судаков, 1993; в публикации 2006 г. датировка монеты указана неправильно – Гомзин, 2006. С. 195, № 3). Вес 1,4 г.

4) 2002 г. В саду Рязанского кремля найдена серебряная джучидская монета: Джанибек, Пюлистан, 753 г.х. (Гомзин, 2006. С. 195, № 10; Григорьев, 1850. С. 19, № 63а; Янина, 1954. С. 441, № 70). Вес 0,98 г, край обрезан и обломан.

Одиночные джучидские медные монеты

5) 1992 г. В саду Рязанского кремля обнаружен анонимный медный джучидский пул, чеканенный в Крыму на рубеже XIII–XIV вв. (Гомзин, 2006. С. 195, № 2; Лебедев, 2000. С. 11 – 12, м21а). Вес 1,44 г.

Одиночные двусторонние серебряные подражания

6) 1986 г. Во время археологических раскопок В.В. Судакова в Кремле Переяславля Рязанского обнаружены пять подражаний Джучидам (Судаков, 1986. С. 7, 30): 1) подражание типа II (РИАМЗ. КП-14615/614) (Гомзин, 2009. С. 152, 154) (рис. 1,2); 2) подражание типа III (рис. 1,3), край немного обломан (РИАМЗ. КП-14615/615) (Гомзин, 2009. С. 154); 3) подражание типа XVII (рис. 1,4), перечеканенное из другого среднеокского подражания, тип которого установить пока затруднительно (РИАМЗ. КП-14615/617) (Гомзин, 2008. С. 58, 60); 4) подражание типа XXXIV (рис. 1,5), обломок около 2/3 (РИАМЗ. КП-14615/618) (Волков, 2007. С. 111 – 112, № 35 (о.с.) и № 39 (о.с.));

5) подражание типа XXXVI (РИАМЗ. КП-14615/616) (л.с. – *Ключков*, 2009. С. 166, № 134 (о.с.) (рис. 1,6). Все монеты были подвергнуты грубой химической чистке, что делает выяснение их весовых характеристик нецелесообразным.

7) 1987 г. При раскопках М.М. Макарова в Кремле Переяславля Рязанского по отдельности найдены два двусторонних подражания джучидским монетам: 1) на обеих сторонах имитации арабских надписей, аналогии пока неизвестны. Вес 0,63 г, обломано (рис. 1,7); 2) сильно потёрто с обеих сторон, так что особенности легенд не установить. Вес 0,54 г.

8) 2001 г. На кремлёвском холме г. Рязани в яме на ул. Рабочих обнаружена монета с практически стёртыми подражаниями арабским надписям. Вес 0,92 г. Здесь же находились фрагменты глиняных сосудов с линейным орнаментом XIV–XV вв. (*Гомзин*, 2006. С. 195, № 9).

9) 2003 г. В Кремле Переяславля Рязанского обнаружено двустороннее подражание Джучидам типа XX. Вес 1,13 г (*Гомзин*, 2008. С. 57, 60, № 6).

Пражские гроши

Клады

10) 1873 г. В Рязани на Старом Базаре (древний торг) обнаружен клад пражских грошей XIV в. Размеры и обстоятельства находки комплекса неизвестны. Из его состава в коллекцию А.И. Черепнина поступили четыре монеты (*Черепнин*, 1900. С. 101).

Одиночные монеты

11) 1957 г. В саду Рязанского кремля в отвале раскопа № 4 (руководитель А.Л. Монгайт) В.И. Зубковым обнаружена серебряная монета, переданная им в РОКМ (РИАМЗ. КП-6184): пражский грош Вацлава IV, 1378–1405 гг. (*Бектинеев*, 1994. С. 9 – 10, 23; *Козубовский*, Строков, 2001. С. 189). Вес 2,4 г, проба 750 (рис.1,8).

Русские монеты конца XIV в.–1462 г.

Клады

12) Не позднее 1900 г. Близ Кремля обнаружен клад серебряных рязанских монет. Общее количество и обстоятельства находки неизвестны. Из состава комплекса в коллекцию А.И. Черепнина поступила перечеканенная из джучидской монеты или подражания ей денга Ивана Владимиоровича Пронского с Ф-образной тамгой и круговой легендой «ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИК» на л.с., выпущенная в 1400–1408 гг. (*Черепнин*, 1900. С. 113; *Шорин*, 1970. С. 73 – 76). Вес 29 долей (1,29 г).

13) 1956 г. На кремлёвском холме при земляных работах на усадьбе по ул. Рабочих, д. 19 на глубине около метра А.В. Гордеевым найден глиняный сосуд с серебряными монетами, верхний слой которых из-за окисления слился. Клад приобретён РОКМ за 100 рублей (РИАМЗ. КП-5731). Комплекс находится в состоянии обработки. В его составе денги Ивана Фёдоровича Рязанского (ок. 1417–1456 гг.), московские монеты Василия II и удельных княжеств: Можайского, Серпуховского и Ярославского. По предварительным данным, младшая монета клада – денга Василия II с пятилепестковым цветком и круговой легендой «денга московская» на о.с. (*Мец*, 1974. С. 126, № 255).

Одиночные серебряные монеты

14) Конец XIX в. На берегу реки Трубежа поблизости от Успенского собора Рязанского кремля найдены серебряные монеты: Иван Владимирович Пронский, 1408 г. (тамга и четырёхстрочная русская легенда на обеих сторонах джуцидской монеты или подражания ей) – 1 экз., вес 25 долей (1,11 г), Иван Фёдорович (ок. 1417–1456 гг.) – количество неизвестно. Денга Ивана Владимира первоначально находилась в коллекции А.И. Черепнина, затем поступила в собрание П.В. Зубова (*Орешников*, 2006. С. 319, № 1; *Черепнин*, 1904. С. 168; *Шорин*, 1971б. С. 20).

15) 1904 г. В Рязанском кремле возле церкви Св. Духа найдены серебряные монеты Ивана Фёдоровича (ок. 1417–1456 гг.). Общее их количество неизвестно. Установить, являлись ли они кладом или были обнаружены по отдельности, пока не представляется возможным. Из их числа три экземпляра, весом 23 – 24 доли (1,022 – 1,066 г) каждый, были приобретены А.И. Черепниным (*Гомзин*, 2007б. С. 77 – 78, № 14; *Черепнин*, 1904. С. 168).

16) 1945 г. В Рязани при обработке огорода по ул. Скоморошинской (Скоморошья гора Переяславля Рязанского, рядом со Старым Базаром) учеником школы № 5 найдены две серебряные монеты Ивана Фёдоровича (ок. 1417–1456 гг.): 1) денга перечеканена из двустороннего подражания Джучидам, тип которого не установить (рис. 2,1). л.с. – тамга типа III, по П.А. Шорину; о.с. – по внешним краям квадратной рамки легенда типа X: КН...ЗЬ / ВЕЛК / ...АНЬ / ФЕДО (*Шорин*, 1971б. С. 18 – 19; *Шорин*, 1977. С. 242). Вес 0,97 г, л.с. – двойной удар (РИАМЗ. КП-3342 / НМ 1548); 2) л.с. – тамга типа III, по П.А. Шорину (рис. 2,2); о.с. – по внешним краям квадратной рамки легенда, тип которой не установить: ...НЯЗ / ЬВЕ... / ... / ... (*Шорин*, 1971б. С. 18 – 19; *Шорин*, 1977. С. 242). Вес 0,57 г, фрагмент (обрезок-бломок) около 2/3 монеты (РИАМЗ. КП-3344 / НМ 1549).

17) 1981 г. В Рязани при археологических работах В.П. Челяпона на набережной реки Трубежа (Верхний посад Переяславля Рязанского) в шурфе 2 на древнем мысу найдена денга Ивана Фёдоровича (ок. 1417–1456 гг.) (рис. 2,3). Л.с. – тамга типа III, по П.А. Шорину, смещённая к краю монеты; о.с. – по внешним сторонам квадратной рамки легенда, тип которой из-за двойного удара не разобрать, угадываются только отдельные буквы: «К», «Н», «А», «Ь» (Челяпов, 1981. Л. 9; Шорин, 1971в. С. 18 – 19). Вес 0,73 г, о.с. – двойной удар, край немного обломан (РИАМЗ. КП-10138/260).

18) 2001 г. В Рязани к северо-востоку от кремлёвского холма рядом с местом впадения Лыбеди в Трубеж найдена серебряная монета с надчеканкой: великое княжество Рязанское, 1385–1390 гг. (Гомзин, 2006. С. 195, № 8). Л.с.: в квадратной линейной рамке подражание(?) легенде джуцидской монеты, буквенная надчеканка «Б» (Френ, 1832. С. 6, № 29; Шорин, 1971а. С. 64 – 65, тип IV-A; Янин, Янина, 1955. С. 115, № X-б). О.с.: в рамке из дуг символ веры, сходна с о.с. недатированной серебряной монеты Токтамыша (Клоков, Лебедев, 2002. С. 87, № 99б). Вес 1,125 г.

Одиночные медные монеты

19) 2002 г. В саду Рязанского кремля обнаружено можайское пуло с названием города 1-й пол. 1450 гг. (Гайдуков, 1993. С. 205, № 418; Зайцев, 2009. С. 43, 49, № 46). Вес 0,36 г, плохая сохранность.

20) 2003 г. В саду Рязанского кремля найдено большое пуло(?), предположительно датируемое первой половиной XV в. На л.с. в круговом точечном ободке практически полностью стёртое изображение; на о.с. знаки, отдалённо напоминающие буквы. Вес 2,82 г, плохая сохранность (рис. 2,4).

21) 2006 г. В Рязани при охранных раскопках А.А. Вячина (ул. Скоморошинская, д. 5 – Скоморошья гора Переяславля Рязанского, рядом со Старым Базаром) во время зачистки дна котлована обнаружено большое пуло(?), предположительно датируемое первой половиной XV в. На одной из сторон монеты видна небольшая часть арабской надписи или подражания ей. На другой сохранился фрагмент рамки из дуг и неясное изображение. Вес 2,37 г, сильно окислено, подверглось химической чистке.

Монеты 1462–1530-х гг.

Одиночные серебряные монеты

22) 1948 г. В Рязанском кремле около Христорождественского собора в промытой дождём канаве найдена серебряная монета, первоначально определённая В.И. Зубковым (Архив ИА РАН. Ф. 1. №

1556. Л. 27 – 28, № 103). В РОКМ она, вопреки его утверждениям, не поступала. Метрологические характеристики и сохранность монеты остались неизвестны: Иван III, Новгород, денга с буквой «Ю» под всадником, конец 1490-х–1505 г. (Зайцев, 2006. С. 127, № 120; Орешников, 2006. С. 150, № 664).

23) 2001 г. В саду Рязанского кремля найдена фальшивая монета (фрагмент чуть более 1/2), имитирующая новгородские денги Ивана III или Василия III с легендой «ОСПОДАРЬ ВСЕЯ РУСИ». Вес 0,48 г.

Одиночные медные монеты

24) Не позднее 1945 г. В Рязани во дворе дома №7 по ул. Скоморошинской (Скоморошья гора Переяславля Рязанского, рядом со Старым Базаром) учеником школы № 4 Н.Н. Бодекиным найдено большое новгородское пуло Ивана III (рис. 2,5) с птицей вправо и легендой «Князя великого» 1478–начала 1480-х гг. (Гайдуков, 1993. С. 208, № 427; Зайцев, 2006. С. 133, № 138.2). Вес 0,95 г (РИАМЗ. КП-3341 / НМ 636).

25) 2007 г. На территории Рязанского кремля в отвале газовой траншеи найдено маленькое московское пуло Ивана III 1485–1510-х гг. с двуглавым орлом (Гайдуков, 1993. С. 203, № 406; Зайцев, 2006. С. 96, № 44). Вес 0,32 г.

26) 2009 г. При археологических работах у вала Рязанского кремля обнаружено маленькое московское пуло Ивана III 1480–1485 гг. с грифоном влево с повёрнутой назад головой на л.с. (Гайдуков, 1993. С. 203 – 204, № 411; Зайцев, 2006. С. 96, № 43). Вес 0,21 г. (рис. 2,6)

Монеты 1530 гг.–начала XVIII в.

Клады

27) 1839 г. 16 июня в Рязани при выравнивании новой Московской дороги «шагах в 40» от берега реки Трубежа и «шагах в 100» от церкви Спаса на яру (территория Острога Переяславля Рязанского) нанятым рабочим – крестьянином с. Спасского Скопинского уезда И.А. Кулачковым – обнаружена глиняная кубышка с забитым землёй горлышком. Находчик разбил сосуд о колесо своей тачки, и из него высypались серебряные монеты, быстро разошедшиеся между другими рабочими, так что сам Иван Алексеевич успел схватить только «целую горсть». При проведении дознания удалось собрать не все монеты, а лишь 975 экземпляров весом 1 фунт 8 золотников (443,64 г.).

900 монет Рязанский гражданский губернатор направил министру внутренних дел, а 75 были переданы «Рязанскому губернскому музеуму или Кабинету изделий и прочих произведений, оставшихся от выставки Рязанской губернии». Министр внутренних дел полу-

ченные экземпляры перенаправил для рассмотрения Императорской Академии наук.

Академия наук отметила, что монеты относятся ко времени Михаила Фёдоровича и его предшественников и по степени редкости и плохой сохранности не представляют особого интереса, а потому могут быть возвращены находчику. Исключение составил только один денниг с именем Христиана IV, который Академия наук пожелала купить для своего музея. И.А. Кулачков от вознаграждения за оставленный экземпляр отказался и к 15 ноября 1839 г. получил обратно 899 монет (ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 54. Л. 3 – 4 об.).

Однозначной датировке клада временем Михаила Фёдоровича препятствует статья А.И. Пискарёва, в которой тот отмечает, что приобрёл из этого комплекса 29 монет, на основании чего его следует относить к концу XVII или началу XVIII в.: Иван IV – 11, Борис Фёдорович – 2, Михаил Фёдорович – 8, Алексей Михайлович – 3, Фёдор Алексеевич – 2, Иван и Пётр Алексеевичи – 3 экз. Проверить эти данные пока не представляется возможным (*Пискарёв*, 1851. С. 84, № 19).

28) 1937 г. В Рязани на Старом Базаре (древний торг) в земле, выброшенной при проведении канализации, М.Б. Шарыгиным в глиняной кубышке найден клад русских монет XVI–XVII вв. (НАРМ. № 1526. Л. 273 об. – 274, КП-3572; РОКМ. Инвентарная карточка подотдела II-9. КП-3572). В.И. Зубков указывал несколько иные условия обнаружения этого комплекса, отмечая, что его нашли у моста через реку Лыбедь в районе Старого Базара в земле, привезённой для укрепления дороги с ул. Рабочих (на кремлёвском холме), где копали котлован для постройки общежития водников, что, однако, никакими другими источниками не подтверждается (Архив ИА РАН. Ф. 1. № 1556. Л. 26, № 96).

Клад в составе 188 экземпляров был приобретён РОКМ за 20 рублей (РИАМЗ. КП-3334). Сейчас производится обработка его состава. Пока по имеющимся данным, старшая монета комплекса – деньги начала 1460 гг. с пятилепестковой розеткой и круговой легендой «денга московская» на о.с.; младшая – московская копейка Василия Шуйского 1607 г. (13 экз.).

29) 1976 г. В Рязанском кремле при реставрации у западной стены Архангельского собора обнаружен клад русских серебряных монет XVI–XVII вв. В РИАМЗ были переданы кубышка и 418 монет (РИАМЗ. КП-7882). Комплекс находится в состоянии обработки. По предварительным данным, старшие экземпляры – копейки и

деньги Ивана IV, чеканенные в Москве, Новгороде, Пскове и Твери в 1535–1547 гг.; младшие – копейки Василия Шуйского, выпущенные в Москве в 1607 г. (3 экз.). В составе клада присутствуют копейки и деньги Ивана IV, Фёдора Ивановича, Бориса Годунова, Лжедмитрия и Василия Шуйского.

30) Вторая половина 1970 гг. В Рязанском кремле при проведении реставрационных работ найден клад серебряных монет, разошедшийся по рукам. Общее количество и обстоятельства обнаружения неизвестны. Один из реставраторов передал В.П. Челяпову пять сильно окислённых экземпляров комплекса: 1) Михаил Фёдорович, Москва, копейка о/М, 1619 г. (*Мельникова*, 1989. Табл. 8, 10–14). Вес 0,51 – 0,505 г (здесь и далее первое весовое значение указано до чистки монеты, второе – после) (рис. 2,7); 2) Михаил Фёдорович, Москва, копейка о/М, 1625 г. (*Мельникова*, 1989. Табл. 8, 20–24). Вес 0,48 – 0,47 г; 3) Михаил Фёдорович, Москва, копейка О/Б – о/М, 1627 г. (*Мельникова*, 1989. Табл. 8, 21–24). Вес 0,46 – 0,455 г (рис. 2,8); 4) Михаил Фёдорович, Москва, копейка о/М, 1642 г. (*Мельникова*, 1989. Табл. 8, 29–41). Вес 0,42 – 0,4 г (рис. 2,9); 5) Михаил Фёдорович, Москва, копейка о/М, 1643 г. (*Мельникова*, 1989. Табл. 8, 28–48). Вес 0,405 – 0,38 г.

31) 2002 г. В саду Рязанского кремля найдены четыре медных сплюснувшихся вместе маленьких московских пула с крылатой сиреной (*Гайдуков*, 1993. С. 202 – 203, № 405). Вес 0,31 (край обломан) (рис. 2,10); 0,41 (3 экз.) г. Монеты составляли единый комплекс и, видимо, являлись содержимым или частью содержимого кошелька или какой-то денежной суммы.

Одиночные медные монеты

32) 2001 г. В саду Рязанского кремля обнаружены два маленьких московских пула с крылатой сиреной (*Гайдуков*, 1993. С. 202 – 203, № 405). Вес 0,255 г; не взвешено.

33) 2003 г. В саду Рязанского кремля найдены три маленьких московских пула: 1 – 2) с крылатой сиреной (*Гайдуков*, 1993. С. 202 – 203, № 405). Вес 0,29; 0,35 г; 3) с птицей влево с распростёртыми крыльями (*Гайдуков*, 1993. С. 203, № 409). Вес 0,415 г.

34) 2004 г. В саду Рязанского кремля обнаружено маленькое московское пуло с крылатой сиреной (*Гайдуков*, 1993. С. 202 – 203, № 405). Вес 0,23 г.

35) 2006 г. В Рязани при охранных раскопках А.А. Вячина (ул. Скоморошинская, д. 5 – Скоморошья гора Переяславля Рязанского, рядом со Старым Базаром) обнаружены медные монеты:

квадрат 35, в яме 13 (глубина 293) – 1) маленькие московские пула с крылатой сиреной (*Гайдуков*, 1993. С. 202 – 203, № 405). Вес 0,37 г;

квадрат 42, в яме 13 (глубины от 218 до 309) – 2 – 3) маленькие московские пула с крылатой сиреной (*Гайдуков*, 1993. С. 202 – 203, № 405). Вес 0,36; 0,45 г; 4) маленькие московские пула, предположительно с крылатой сиреной (*Гайдуков*, 1993. С. 202 – 203, № 405). Вес 0,39 г, сильно потёрто; 5 – 7) маленькие московские пула со стёртой л.с., по типу – либо с крылатой сиреной, либо с птицей влево с расплющеными крыльями (*Гайдуков*, 1993. С. 202 – 203, № 405, 409). Вес 0,3; 0,355; 0,49 г; 8 – 10) полностью стёртые маленькие пула. Вес 0,22; 0,31; 0,36 г; 11 – 12) полностью стёртые маленькие пула, слипшиеся друг с другом. Не взвешены.

36) 2007 г. На территории Рязанского кремля в отвалах газовой траншее собрано семь маленьких московских пул с крылатой сиреной (*Гайдуков*, 1993. С. 202 – 203, № 405). Вес 0,16; 0,18; 0,2; 0,22; 0,25; 0,27; 0,3 г.

37) 2007 г. В Рязани при охранных археологических раскопках по ул. Грибоедова (Нижний посад Переяславля Рязанского) обнаружено маленько тверское пуло с птицей вправо с расплющеными крыльями (*Гайдуков*, 1993. С. 193 – 194, № 361). Вес 0,38 г, л.с. и о.с. – двойной удар (рис. 2, 11).

38) 2007 г. В Рязани при охранных археологических раскопках по ул. Свободы (Нижний посад Переяславля Рязанского) найдено маленько пуло неясной атрибуции 1480–1530-х гг. Вес 0,15 г, плохая сохранность, край обломан.

39) 2009 г. В Рязанском кремле при зачистке 18 пласта восточного участка Житного раскопа (руководитель В.И. Завьялов) найдено маленько медное пуло или подражание с не установленными из-за плохой сохранности местом чеканки и типом, 1480–1530-х гг. Вес 0,15 г.

Монетные клады XVIII в.

40) 2001 г. В саду Рязанского кремля обнаружен клад медных монет XVIII в. По словам находчиков, в его состав входили полушки и денги Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны 1730–1750-х гг., несколько десятков которых было собрано на площади 15 – 20 м². Пять или шесть полушек 1735–1736 гг. оказались слипшимися в столбик, что позволяет предполагать наличие какой-то упаковки для монет, впоследствии разрушившейся. Кладовые экземпляры были практически сразу же смешаны с одиночными медными монетами XVIII в., обнаруженными в других местах сада. Автору находчики показали семь полушек 1735 (2 экз.), 1736 (2 экз.), 173x (1 экз.), 1747 (1 экз.) и

1754 (1 экз.) гг., которые, по их словам, входили в состав клада. Экземпляры 1735–1736 гг. примерно одинаковой хорошей сохранности, что может свидетельствовать об их происхождении из единого комплекса. Полушки 1747 и 1754 гг. сильно потёрты, что вызывает сомнения в их принадлежности к кладу. В той же выборке находились полушки 1731 (1 экз.) и 1735 (4 экз.) гг. и денги 1738 (1 экз.), 1747 (1 экз.), 1749 (2 экз.) и 17xx (1 экз.) гг., чьё кладовое происхождение однозначно определитьказалось невозможным.

Рис. 1. Монеты XIV – начала XV вв. из Переяславля Рязанского

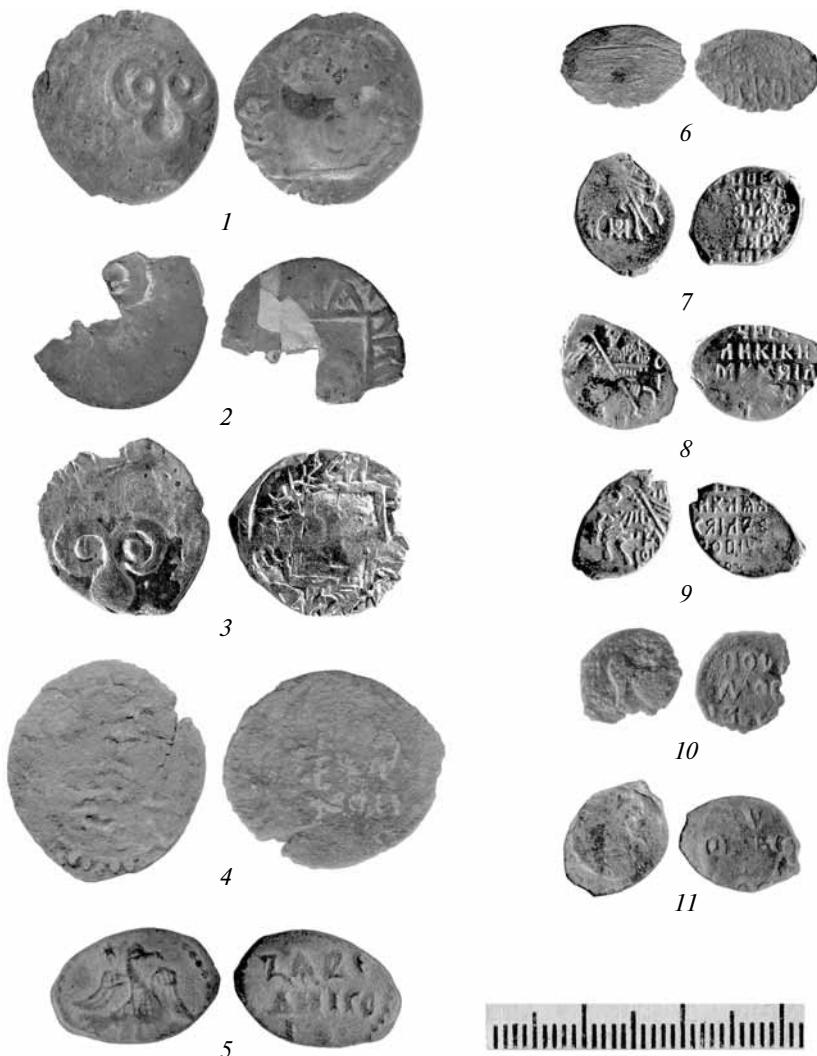

Рис. 2. Монеты XV – XVII вв. из Переяславля Рязанского

Приложение 2.
Найдены среднеокских двусторонних подражаний Джучидам

№ п/п	Место находки	Тип подражания	Кол-во экз.
Клады			
1	Воронежская обл., Давыдовский р-н, с. Сторожевое (1961 г.)	XXV / № 3 / - *	2
2	Калужская обл., север (2003–2004 гг.)	XVII / № 31 / -	2
		- / № 4 / -	1
		- / № 20 / -	1
		- / № 32 / -	1
		- / № 42 / -	1
		- / № 44 / -	1
3	Липецкая обл., Задонский р-н, с. Каменка (2004 г.)	- / № 20 / -	1
4	Мордовия, с. Чёрная Промза (1961 г.)	- / № 5 / -	1
5	Московская обл., Озерский р-н, городище Ростиславль Рязанский (2004 г.)	XXXI / № 23 / -	1
		XXIII / № 25 / -	1
		- / № 22 / -	2
		- / № 27 / -	1
6	Рязанская обл., г. Рязань (1958 г.)	V / № 11 / -	1
		VII / № 13 / -	1
		VIII / № 12 / -	1
		IX / - / -	1
		X / № 19 / -	1
		XI / - / -	1
		XII / № 7 / № 68	1
		XIII / № 10 / -	4
		XIV / № 6 / -	3
		XV / - / -	1

6	Рязанская обл., г. Рязань (1958 г.)	XVI / - / -	1
		XXV / №№ 1 и 3 / -	3
		XXVII / - / -	1
		XXVIII / № 18 / -	1
		XXIX / - / -	1
		XXX / - / -	1
		XXXII / № 14 / -	1
		XXXIII / № 2 / -	1
		I / - / № 80	3
7	Рязанская обл., Новодеревенский р-н, с. Крещено-Гай (2004 г.)	II / - / № 18	5
		III / - / -	2
		IV / - / -	2
		V / № 11 / -	1
		XXI / - / № 70	1
		XXII / - / -	1
		XXIII / № 25 / -	1
		XXIV / - / -	1
		XXV / №№ 1 и 3 / -	2
		XXVI / № 43 / -	1
8	Рязанская обл., Рязанский р-н, с. Гавердово (1947 г.)	XII / № 7 / № 68	1
		XXI / - / № 70	1
10	Рязанская обл., Спасский р-н, с. Ижевское (1978 г.)	XVII / № 31 / -	1
		XXV / №№ 1 и 3 / -	2
		XXXIII / № 2 / -	1
		- / № 4 / -	1
		VI / № 9 / -	1
11	Тульская обл., север (2003 г.)	VII / № 13 / -	1
		VIII / № 12 / -	1
		XIII / № 10 / -	1

11	Тульская обл., север (2003 г.)	XXV / № 1 / -	1
		XXVIII / № 18 / -	1
		XXXII / № 14 / -	2
		- / № 27 / -	1
		- / № 30 / -	1
		Одиночные монеты	
12	Граница Владимирской (Меленковский р-н) и Рязанской (Касимовский р-н) обл., р. Колпь (2005 г.)	- / № 8а / № 10	1
13	Калужская обл. (1990 гг.)	VI / № 9 / -	1
14	Калужская обл., Тарусский р-н, с. Заворово (2004–2006 гг.)	- / № 8а / № 24	1
		II / - / № 18	1
		- / № 30а / № 20	2
15	Московская обл., Зарайский р-н, д. Сохино (2007 г.)	XVII / № 31 / -	1
16	Московская обл., Каширский р-н, с. Воскресенское (2003 г.)	- / № 36 / № 49	1
17	Рязанская обл., г. Рязань, Кремль (1986 г.)	II / - / № 18	1
		III / - / -	1
		XVII / № 31 / -	1
		XXXIV / № 35 (о.с.) и № 39 (о.с.) / -	1
		XXXVI / - / № 134 (о.с.)	1
		XX / - / -	1
18	Рязанская обл., г. Рязань, Кремль (2003 г.)	- / № 6а / № 78	1
19	Рязанская обл., Касимовский р-н, с. Ибердус (2005 г.)	VIII / № 12 / № 72	1
20	Рязанская обл., Кораблинский р-н, с. Аманово (2003 г.)		

21	Рязанская обл., Новодеревенский р-н (2004 г.)	XXVI / № 43 / -	1
22	Рязанская обл., Пронский р-н (2001 г.)	I / - / № 80	1
23	Рязанская обл., Рыбновский р-н, с. Алешня, урочище Мощеное (2007 г.)	I / - / № 107	1
		XXIII (л.с.) / № 26 (о.с.) / № 112	1
		- / № 41 (л.с.) и № 42 (о.с.) / № 106	1
24	Рязанская обл., Рыбновский р-н, д. Данилово (2005 г.)	XVIII / - / -	1
25	Рязанская обл., Ряжский р-н, с. Подвислово (2001 г.)	- / № 38 / № 79	1
26	Рязанская обл., Рязанский р-н, с. Высокое (2004 г.)	XIX / № 37 / -	1
27	Рязанская обл., Рязанский р-н, д. Насурово (2003 г.)	XVII / № 31 / -	1
28	Рязанская обл., Рязанский р-н, д. Синец (2005 г.)	XXXI / № 23 / -	1
29	Тульская обл., Алексинский р-н, около г. Алексина (2006 г.)	- / № 40 / -	1
30	Тульская обл., Алексинский р-н, правобережье Оки напротив Тарусы (2002 г.)	XIV / № 6 / -	1
		- / № 22 / -	1
		- / № 28 / -	1
		- / № 33 / -	1
		- / № 40 / -	1
31	Тульская обл., Щёкинский р-н, с. Старая Крапивна (2006 г.)	XXV / № 3а / № 91	1
32	Тульская обл., Ясногорский р-н (2006 г.)	I / - / № 80	1
33	Тульская или Калужская обл., недалеко от Тарусы (2005 г.)	XXVI / № 43 / -	1

34	Тульская обл. (год не указан)	XV (о.с.) и XXVIII (о.с.) / № 14 (л.с.) / № 94	1
<p>* В первой колонке столбца типы подражаний указаны по А.А. Гомзину на основании его работ 2007–2009 гг. и не опубликованных пока находок, ставших известными к весне 2009 г. (Гомзин, 2007а; Гомзин, 2008; Гомзин, 2009). Во второй колонке – те же монетные типы по статьям И.В. Волкова (Волков, 2005; Волков, 2007). В третьей – они же по работам Ю.В. Клочкова (Клочков, 2007; Клочков, 2009). Прочерк означает, что данный тип подражания у автора не отмечен.</p>			

Литература

Бектинеев Ш.И. Денежное обращение великого княжества Литовского в XIII–XV вв. Минск, 1994.

Волков И.В. Монеты независимого Новгорода в денежном обращении русских земель в XV–начале XVI в. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 2000. Ч. 3.

Волков И.В. Новая группа русских подражательных монет конца XIV в. // Нумизматика. 2005. Март (№ 7).

Волков И.В. Русские подражательные монеты начала XV в. из Верхнего Поочья // СНВЕ. М., 2007. Вып. 2.

Гайдуков П.Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М., 1993.

Гайдуков П.Г. Русские полуденги, четвертцы и полушки XIV–XVII вв. М., 2006.

Гомзин А.А. Находки джуцидских пуллов в Рязанской области // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Саратов 2001, Муром 2003. М., 2005.

Гомзин А.А. К топографии находок джуцидских монет на землях Великого княжества Рязанского // МИРК. Рязань, 2006. Т. 11.

Гомзин А.А. К типологии среднеокских подражаний Джучидам (типы XVII – XX, XXVI, XXVII) // XIV ВНК. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2007а.

Гомзин А.А. Нумизматическая деятельность РУАК и проблема несуществующих кладов // 120 лет учреждения губернских учёных архивных комиссий в России: Материалы научной конференции. Рязань, 20076.

Гомзин А.А. К типологии подражаний Джучидам в Среднем Поочье (типы XVII – XX, XXVI – XXVII) // Четвёртые Яхонтовские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань, 2008.

Гомзин А.А. Подражания Крещено-Гайского клада конца XIV в. // СНВЕ. М., 2009. Вып. 3.

Гончаров Е.Ю. Новосарайские денги 741 г.х. и начало правления хана Джанибека // Нумизматика. 2005. Март (№7).

Григорьев В.В. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая // ЗАНО. СПб., 1850. Т. II.

Зайцев В.В. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев, 2006.

Зайцев В.В. Редкие и неизданные медные русские монеты XIV–XV вв. // СНВЕ. М., 2009. Вып. 3.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, г. Сарай) // ДПДР. Нумизматический сборник. М., 2002. Т. 3.

Клочков Ю.В. Материалы к топографии находок двусторонних подражаний серебряным монетам Золотой Орды (2000–2006 гг.) // СНВЕ. М., 2007. Вып. 2.

Ключков Ю.В. Материалы к топографии находок двусторонних подражаний серебряным монетам Золотой Орды (2007–2008 гг.) // СНВЕ. М., 2009. Вып. 3.

Козубовский Г.А., Строков А.И. Новый клад пражских грошей из Киевской области // IX ВНК. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001.

Кусова И.Г. Историческая топография Кремля Переяславля Рязанского XVI–XVII веков // Кремль России. М., 2003.

Лебедев В.П. Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII—начало XV в.) // Вестник музея нумизматики Одессы. Одесса, 2000. Вып. 2.

Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989.

Мец Н.Д. Монеты великого княжества Московского (1425–1462) // НС ГИМ (Материалы к сводному каталогу). М., 1974. Ч. 3.

Орешников А.В. Русские монеты до 1547 года и материалы к русской нумизматике доцарского периода. Репринтное воспроизведение. М., 2006.

Пискарев А.И. Хронологическое обозрение пятидесяти подземных археологических находок в России, с 1820 по 1850 год // Записки Императорского археологического общества, служащие продолжением записок Санкт-Петербургского археологического нумизматического общества. СПб., 1851. Т. III.

Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1994.

Соболева Н.А. Хронология и области распространения пражских грошей на территории бывшего СССР // НС МНО. М., 1996. № 4.

Судаков В.В. Отчёт об охранных раскопках в Кремле г. Рязани в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12119.

Судаков В.В. Отчёт о раскопках в г. Рязани и Рязанской области в 1993 г. // Архив ИА РАН.

Френ Х.М. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб., 1832.

Челяпов В.П. Отчёт о раскопках на территории Спасского и Рязанского районов Рязанской области, раскопках Кремля г. Рязани и набережной р. Трубеж // НА РИ-АМЗ. № 3244.

Черепнин А.И. О гривенной денежной системе по древним кладам. М., 1900.

Черепнин А.И. Находки в Рязанской губернии за последнее время // ТРУАК за 1904 г. Рязань, 1904. Т. XIX. Вып. 2.

Шорин П.А. Монеты Пронского удельного княжества // ВМУ. 1970. № 6.

Шорин П.А. Буквенные надчеканки на джучидских дирхемах и подражаниях им // ВМУ. 1971а. № 6.

Шорин П.А. К атрибуции одной группы монет с надчеканкой рязанской тамги // НС ГИМ. М., 1971б. Ч. 4.

Шорин П.А. К вопросу о надчеканке тамги на монетах великого княжества Рязанского // НС ГИМ. М., 1971в. Ч. 4.

Шорин П.А. Систематизация монет великого князя Рязанского Ивана Фёдоровича // НС ГИМ. М., 1977. Ч. 5. Вып. 2.

Янин В.Л., Янина С.А. Начальный период рязанской монетной чеканки // НС ГИМ. М., 1955. Ч. 1.

Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА. М., 1954. № 42.

В.М. Фёдоров

**ПУТЦЫ ДЛЯ СОДЕРЖАНИЯ
ЛОВЧИХ ЯСТРЕБОВ-ПЕРЕПЕЛЯТНИКОВ
ИЗ КРЕМЛЯ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО**

При раскопках на Житном дворе в Кремле Переяславля Рязанского в слоях середины XVI в. (пласти 13 – 14) были обнаружены два предмета, определённо принадлежащие к снаряжению для охоты с ловчими птицами. Это кожаные ремни с проделанными в них прорезями, относящиеся к путцам – основной части привязи, позволяющей удерживать птицу на присаде или на руке. Путцы не снимались и оставались на ногах птицы даже во время полёта (рис. 1).

Рис. 1. Ястреб перепелятник в полёте

Путца № 1 (рис. 2) имеет вид кожаного ремешка толщиной 1,3 мм, шириной 6 мм. В той части ремешка, которая накладывалась непосредственно на лапу птицы, ширина ремешка составляет 7 мм. Внутри ремённой петли, судя по размеру и внешнему виду кости, сохранилась правая лапа самки ястреба-перепелятника, причём довольно крупной особи.

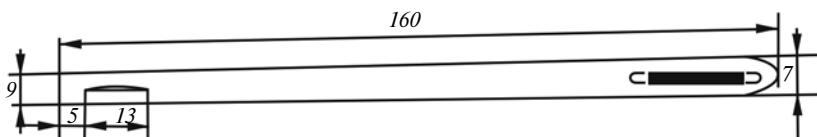

Рис. 2. Выкройка путцы из раскопок в Кремле Переяславля Рязанского

На Руси самок ястребов-перепелятников называли «ястребец» (уменьшительное от ястреб), в то время как самцов всех ловчих птиц именовали — чеглик (челиг).

В современной охоте с ловчими птицами ястреб-перепелятник используется, в основном, для травли мелких птиц от воробья до голубя. Чаще всего его применяют для ловли перепелов и коростелей. Отдельным особым по силам ловля грачей и сорок, а также мелких уток (чирков). Охота производится накоротке, лучше из-под собаки.

Путца № 1, как и способ её крепления на цевке (лапе) ловчей птицы, имеет западноевропейский аналог, восходящий ко временам Фридриха II Гогенштауфена (рис. 3). В опубликованном им трактате «De arte venandi cum avibus» имеется подробный рисунок такого снаряжения (Willemse, 1984). В отличие от западноевропейского аналога, путца из Переяславля Рязанского имеет два незначительных отличия.

На рисунке в книге Фридриха II конец путцы острый, без прорези. Рязанский аналог имеет тупой конец и снабжён прорезью для крепления на вертлюг.

Путца из Переяславля Рязанского имеет фигурные вырезы в широкой части ремешка, охватывающего цевку птицы.

Кроме того, у путцы из Переяславля Рязанского вдоль широкой части ремня хорошо видна декоративная (?) полоска, сделанная при помощи неглубоких надрезов и удаления верхнего тонкого слоя дермы. Такой способ декорирования косвенно указывает на иной цвет кожи, из которой была выкроена путца. Как известно, после долгого нахождения в грунте органические красители, как правило, разрушаются, после чего кожа приобретает тёмно-коричневый цвет.

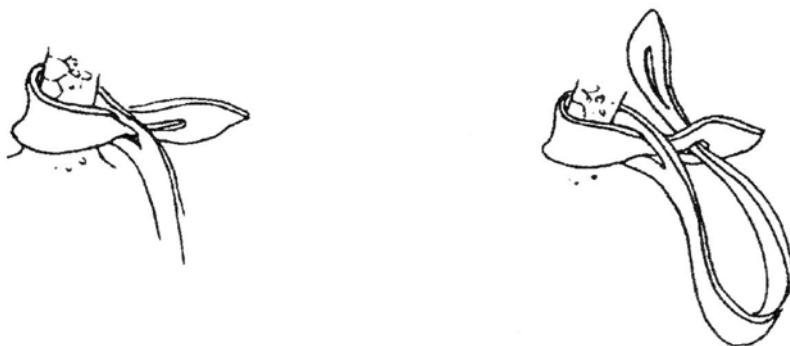

Рис. 3. Способ крепления путцы на левой лапе ловчей птицы (из «Falcons». Roger Upton. London 1990)

Путца № 2 изготовлена из кожаного ремешка несколько меньших размеров. В отличие от первой, она налагалась на цевку более мягкой бахтармянной стороной кожи. Конец путцы утрачен, поэтому общая длина и форма концевой части ремня остаются неизвестными. Судя по размеру обломка кости, находящейся внутри петли, эта путца крепилась к лапе чеглока — самца ястреба-перепелятника или дербника (мелкий сокол *Falco aesalon*). Способ крепления к лапе аналогичен первой находке, однако по краю кожаного ремня проделан ряд неглубоких косых насечек, сделанных для предотвращения потёртостей на лапе птицы и смягчения рывка при взлёте. Такая деталь свидетельствует о заботе, проявленной хозяином к своей птице.

Литература

Willenssen C., 1984. Das Falkenbuch Keiser Friedrich II. Vol. 62v. Harenberg.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВМУ – Вестник Московского университета
ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция
ГАРО – Государственный архив Рязанской области
ДПДР – Древности Поволжья и других регионов
ЗАНО – Записки Императорского археологического-
нумизматического общества
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории
материалной культуры
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИРК – Материалы и исследования по рязанскому
краеведению
НА РИАМЗ – Научный архив Рязанского историко-
архитектурного музея-заповедника
НАРМ – Научный архив Рязанского музея
НС ГИМ – Нумизматический сборник Государственного
Исторического музея
НС МНО – Нумизматический сборник Московского
нумизматического общества
ПРАЭ – Переяславль-Рязанская археологическая
экспедиция
ПРПК – Переяславль-Рязанская провинциальная
канцелярия
РА – Российская археология
РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный
музей-заповедник
РОКМ – Рязанский областной краеведческий музей
РУАК – Рязанская учёная архивная комиссия
САИ – Свод археологических источников
СНВЕ – Средневековая нумизматика Восточной Европы
ТРУАК – Труды Рязанской учёной архивной
комиссии

АВТОРЫ

Алёшинская Анна Сергеевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, г. Москва.

Буланкин Валентин Матвеевич, старший научный сотрудник отдела археологии Центра сохранения объектов культурного наследия, г. Рязань.

Гомzin Андрей Александрович, старший научный сотрудник научно-фондового отдела РИАМЗ, г. Рязань.

Завьялов Владимир Игоревич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, г. Москва.

Карпухин Алексей Александрович, научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, г. Москва.

Киселёв Валентин Юрьевич, техник отдела археологии Центра сохранения объектов культурного наследия, г. Рязань.

Коваль Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела славяно-русской археологии Института археологии РАН, г. Москва.

Козлова Татьяна Николаевна, научный сотрудник научно-фондового отдела РИАМЗ, г. Рязань.

Кочанова Мария Дмитриевна, научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, г. Москва.

Кусова Ирина Гасановна, кандидат исторических наук, заведующий отделом развития РИАМЗ, доцент кафедры теории и методики социально-гуманитарного образования Рязанского областного института развития образования, г. Рязань.

Соловьёва Лидия Николаевна, научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, г. Москва.

Спиридонова Елена Александровна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, г. Москва.

Судаков Василий Васильевич, заведующий отделом археологии РИАМЗ, старший преподаватель кафедры истории России Рязанского государственного университета, г. Рязань.

Фатюнина Олеся Александровна, научный сотрудник отдела археологии РИАМЗ, г. Рязань.

Фёдоров Виктор Михайлович, заведующий сектором птицы Московского государственного объединённого художественно-историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника, г. Москва.

Филиппов Дмитрий Юрьевич, кандидат исторических наук, главный архивист ГАРО, старший научный сотрудник отдела Свода памятников архитектуры и монументального искусства Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, г. Рязань.

SUMMARY

The materials on the archaeology of Pereyaslavl Ryazansky Issue 1

The city of Pereyaslavl Ryazansky (modern Ryazan) remains insufficiently studied both from historical and archaeological points of view, though its importance in this aspect has never been questioned. Archaeological investigations in the city were started over a century ago, nevertheless, it must be stated that the site's cultural deposits are to a great extent not studied. No researches in the field of historical topography and spatial planning based on the thickness of cultural deposits were carried out; the ancient core of the city is not revealed; the chronology of the first urban settlement in the rivers' Lybed' and Trubezh confluence is also enigmatic. The city's prime in the 17th c. is insufficiently represented in the archaeological material.

Recently the state of archaeological investigations in Pereyaslavl Ryazansky has essentially improved and looks far more promising. The said covers both the fundamental researches conducted in the Pereyaslavl Ryazansky Kremlin, and the salvage excavations within the territory of the city. The materials obtained throw new light over many problems related to the city's history. To transform them into a historical source in proper sense it is necessary to introduce these into scientific circulation.

In 2004 on the initiative by L.D. Maksimova, then the Director of the Ryazan Historical and Architectural Museum Resort, the Pereyaslavl Ryazansky archaeological expedition started investigations in the Ryazan Kremlin. The main objective of the archaeological works was a wide-scale fundamental study of the cultural deposits in the Ryazan Kremlin within a large area, with application of all methods now used for the analysis of the archaeological materials, such as palaeozoology and palaeobotany, dendrochronology, chemical analysis of non-ferrous metal and glass, metallographic analysis of iron objects, statistical and technological investigation of pottery, and other.

After six years of field works the thickness of studied cultural deposit reaches three and a half meters from the surface, one thousand and a half of individual finds have been recovered, and tens of thousands of pottery fragments, bones, leather fragments. Within the area of the Zhitny excavation trench 15 dwelling and household constructions have been revealed, together with timber street pavements and urban plots. The preliminary results of the investigations were published. The materials obtained by the

expedition were presented to the public in 2007 and 2008 in the Ryazan Historical and Architectural Museum Resort in the exhibition “Along the paved street”. During the yearly feast “A summer day in the Kremlin” wide circles of public have a chance to see the archaeological works in progress.

On the present state of investigations it became clear that a preliminary interpretation of the obtained materials and their publication in a single edition is necessary. This selection of articles represents the results of the archaeological excavations, typological and morphological analysis of finds, and the data of the analytical investigations of archaeological artefacts. Since the archaeological researches in the Zhitny trench have now revealed only the deposits of the 16th -17th centuries, the majority of publications concerns the materials dated from the High Middle Ages.

In the article by V.V. Sudakov the history of archaeological investigations in Pereyaslavl Ryazansky is given. The author distinguishes two basic stages of these researches. In the first period (the end of the 19th - the first half of the 80 years of the 20th centuries) archaeological excavations were irregular and within a small area, mostly located on the territory of the Kremlin. The second period (since 1986 – till nowadays) can be characterized by the wide-scale salvage excavations both within the territory of the Kremlin, and other parts of the city. Since 2004 the fundamental investigations have begun under the leadership of V.I. Zavyalov. Also rescue excavations are taken place all around Ryazan.

The article «Peryaslavl Ryazansky of XVII – XVIII centuries: the structure of the town plan, building-up, social topography» by I.G. Kusova and D.Y. Filippov touches upon the period of the history of the town when it was loosing its defensive functions in the late XVII century up to the administrative reforms of Catherine the Great in the 1770-s and a regular construction of the town. The increase of territory and changes of planning structure of Peryaslavl Ryazansky, appearing of new settlements and forming of local place names, social topography of different districts and beginning of stone civic construction were studied in the article.

The paper by V.I. Zavyalov discusses the materials revealed in the course of three first years of excavations (2004-2006). The first field seasons have confirmed that we have chosen proper strategy for the investigation of the cultural deposits in the Pereyaslavl Ryazansky Kremlin. It was evidenced that the upper layers (approximately to 80-100 cm down from the ground surface) represent badly disturbed sediments. The Zhitny trench is situated within the household section of the Archbishop’s residence. The materials from the excavations of 2004-2006 show that the cultural deposit there is related to the activity of the Pereyaslavl Ryazansky population in the 17th

century. The layers of the second part of the 17th century were strongly disturbed, when building stone constructions of the Kremlin. In this period the plots belonging to the townsmen were demolished, and no dwelling constructions revived later in the investigated area of the Kremlin. Generally, the layers dating from the 16th – 17th centuries have yielded constructions typical of Medieval Russian urban centres.

V.Yu. Koval publishes results of his investigations of pottery from the excavations of 2004–2005. During these seasons in the Ryazan Kremlin there were investigated cultural deposits of the High Middle Ages (the 17th – 18th centuries). The work is based on the statistical study of pottery. The author comes to the following conclusions. Pottery-making of the discussed period in Pereyaslavl Ryazansky looks very much similar to that of Kolomna, but shows some specific features, such as the wide use of raw material with low iron content, that is pottery paste of yellowish-pink colour; it was used till the 16th – 17th cc. Reducing roasting was typical of the Ryazan pottery-making, when producing kitchen pottery. Probably, kitchen pots were ornamented with linear elements on the rim outer surface till the late 18th c.

The paper by M.D. Kochanova, A.S. Aleshinskaya, and E.A. Spiridonova deals with spore and pollen analyses of the cultural deposits of the late 16th – 17th centuries. Totally 6 samples were analysed; the sequence originated from the north-western corner of the excavation trench. All samples contained numerous pollen grains and spores sufficient for the statistical processing. Other plant remains were also revealed, among them unclear organic remains, ashes, fragments of charred matter, decayed wood. Two pollen and spore spectra were revealed, they characterise the type of vegetation existing in the vicinity of the Pereyaslavl Ryazansky Kremlin.

L.N. Solov'yeva publishes the results of analytical investigations of wooden objects from the Zhitny trench. During the excavations of 2007–2009 over 170 wooden finds of various categories were recovered, 61 samples of wood were subjected to the microscopic analysis, and species were determined. Wood of leaf-bearing species decisively dominates. According to the analytical data, less than 1/6 of samples are attributed to coniferous species. Evidently, this proportion reflects specific forest spectra in the Pereyaslavl Ryazansky vicinity.

T.N. Kozlova considers bone objects from the Zhitny excavation trench. Their chronology falls within the 16th – the first part of the 17th cc. Typological study of the artefacts was carried out; the author also publishes the determinations of animals from which bone-carvers took the raw materials. The statistics of bone objects from all excavations trenches in the Pereyaslavl Ryazansky Kremlin is presented. Local raw material absolutely dominates.

In the paper by O.A. Fatyunina the reader can find descriptions and analyses of numerous leather objects excavated in the territory of the Pereyaslavl Ryazansky Kremlin. The discussed materials date from the 16th – 17th cc. Taking into account the quality of work and technology used in shaping footwear details, it is concluded that highly professional craftsmen worked there. On the other hand, such activity as repairing footwear, making objects of everyday use (belts, laces, sheaths) was practiced by non-professionals. The investigation of footwear details, their shapes and decoration reveals both the kinds of footwear typical of the medieval urban population of Pereyaslavl Ryazansky, and their evolution. The general review of the whole mass of leather finds helps to shape a more clear idea of the tanning craft in the discussed territory.

In the article by A.A. Karpukhin and L.N. Solovyeva the results of dendrochronological analysis are published. The samples were taken from different constructions revealed in the Zhitny trench. The authors faced many difficulties in their work, the first one being related to the fact that no dendromaterials with established absolute chronology are known from the adjacent regions. Second, the samples mostly come from the leaf-bearing species, therefore they cannot be compared to the existing charts based on the coniferous ones. Third, the samples of coniferous species belong to relatively young trees. Nonetheless, the authors have successively established a series of absolute dates; their chronology agrees with the archaeological datings of the cultural deposits the samples originate from.

The paper by V.M. Bulankin and V.Yu. Kiselev deals with the archaeological researches carried out in the Rybatskaya Sloboda, a part of the Pereyaslavl Ryazansky suburb. Proceeding from the characteristics of the cultural deposit, the authors come to the conclusion that active settling in the investigated part of the suburb started not before the second half of the 17th century. Before the territory was actively washed out by spring waters and was therefore inconvenient for economic activity.

In the article by A.A. Gomzin a catalogue of coin hoards and separate coins found within the territory of Pereyaslavl Ryazansky is published. The author presents his observations and conclusions concerning the money circulation system in the city and the Ryazan principality as a whole.

The note by V.M. Fedorov is devoted to the publication of several specific finds from the Zhitny trench. These include leather straps with slots identified as the details of falconry gear. The straps let hold a hunting bird (sparrow-hawk) on the rider's hand. A detailed description of each find is presented.

Translated by L.I. Avilova

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
В.В. Судаков	
Археологическое изучение	
Переяславля Рязанского	5
И.Г. Кусова, Д.Ю. Филиппов	
Переяславль Рязанский XVII–XVIII вв.: Планировочная структура, застройка, социальная топография	14
В.И. Завьялов	
Исследования Житного раскопа в Кремле Переяславля Рязанского (2004–2006 гг.)	53
В.Ю. Коваль	
Керамика Переяславля Рязанского XVII–XVIII вв.	87
М.Д. Кочанова, А.С. Алёшинская, Е.А. Спиридонова	
Результаты палинологических исследований на территории Переяславль-Рязанского Кремля	123
Л.Н. Соловьёва	
Состав пород деревянных изделий из Житного раскопа Кремля Переяславля Рязанского (по материалам раскопок 2007–2009 гг.)	135
Т.Н. Козлова	
Костяные изделия позднего средневековья (по материалам Житного раскопа)	139
О.А. Фатюнина	
Кожаные изделия XVI–первой половины XVII в. Из Кремля Переяславля Рязанского	158

А.А. Карпухин, Л.Н. Соловьёва	
Предварительные результаты дендроанализа образцов древесины из Житного раскопа в Переяславле Рязанском	168
В.М. Буланкин, В.Ю. Киселёв	
Результаты археологических исследований в Рыбацкой слободе средневекового города Переяславля Рязанского в 2008 году	190
А.А. Гомзин	
Заметки по хронологии и топографии монетных находок XIV–XVIII вв. из Переяславля Рязанского	207
В.М. Фёдоров	
Путцы для содержания ловчих ястребов-перепелятников из Кремля Переяславля Рязанского	231
Список сокращений	234
Авторы	235
Summary	237
Содержание	241

CONTENTS

From the editor	3
V.V. Sudakov	
Archaeological investigations of Pereyaslavl Ryazansky	5
I.G. Kusova, D.Yu. Filippov	
14	
V.I. Zavyalov	
Investigations in the Zhitny excavation trench in the	
Pereyaslavl Ryazansky Kremlin (2004-2006)	53
V.Yu. Koval	
Pottery of the 17th - 18th centuries from Pereyaslavl Ryazansky	87
M.D. Kochanova, A.S. Aleshinskaya, E.A. Spiridonova	
The results of pollen investigations in the territory	
of the Pereyaslavl Ryazansky Kremlin	123
L.N. Solov'yeva	
Determinations of wood on the objects from the	
Zhitny excavation trench in the Pereyaslavl Ryazansky Kremlin	
(seasons of 2007-2009)	135
T.N. Kozlova	
Bone objects of the high middle ages	
(the materials from the Zhitny excavation trench)	139
O.A. Fatyunina	
Leather artefacts of the 16th – first part 17th centuries	
from the Pereyaslavl Ryazansky Kremlin	158
A.A. Karpukhin, L.N. Solov'yeva	
The preliminary results of the dendroanalysis of wood	
from the hitny excavation trench in Pereyaslavl Ryazansky	168

V.M. Bulankin, V.Yu. Kiselev

- The results of archaeological researches in the
Rybatskaya sloboda in the medieval city of
Pereyaslavl Ryazansky, season of 2008 190

A.A. Gomzin

- Notes on the chronology and topography of
coin findings of the 14th -18th centuries
from pereyaslavl ryazansky 207

V.M. Fedorov

- Straps for keeping hunting sparrow-hawks 231
List of abbreviates 234
Authors 235
Summary 237
Contents 241

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**Материалы по археологии Переяславля Рязанского.
Вып. 1.**

Редактор: Т.В. Рахманина

Макет, верстка: М.В. Коновалов

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ

Издательство РИАМЗ. 390000, г. Рязань, Кремль, 15. Тел. (4912) 27-21-11
e-mail: root@riamz.ryazan.ru
www.ryazankreml.ru

Отпечатано:

